

Николай Волынский

**ГОД
БЕСПОЩАДНОГО
СОЛНЦА**

роман-триллер

Николай Волынский

Год беспощадного солнца. Роман-триллер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17035907

ISBN 9785447438548

Аннотация

«Жизнь удалась!» – утверждает о себе Дмитрий Евграфович Мышкин, заведующий патанатомическим отделением онкологической клиники. Но все рушится, когда он взламывает сайт Европейского антиракового фонда и узнает то, чего ему не следовало знать. Неожиданный арест, обвинение в убийствах... Мышкину грозит пожизненная тюрьма. Кроме напряженного, динамичного сюжета читатель найдет в книге жесткий анализ современной действительности России, в том числе последних событий в Крыму и на Украине.

Содержание

1. Опасная попутчица	5
2. Квартира профессора Шатрова	35
3. Литвак, мертвые старухи и синие черти	48
4. Глубинный смысл пьянства по Литваку	74
5. Бабушка русской демократии	93
6. Во всем виновато солнце	125
7. Арбузятник Ефим Беленький	155
8. Ладочников: только хакинг!	172
9. Питон и лиловый негр	199
Конец ознакомительного фрагмента.	200

Год беспощадного солнца

Роман-триллер

Николай Волынский

© Николай Волынский, 2019

ISBN 978-5-4474-3854-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Опасная попутчица

Ангелу Ларисе

Задыхаясь и кашляя, спотыкаясь на каждом шагу, Дмитрий Евграфович Мышкин – патологоанатом Успенской онкологической клиники на Васильевском острове, 42 года, рост 198 сантиметров при весе 82 кг, словом, кости и немного мускулов – из последних сил одолел кирпичные ступеньки вокзальной лестницы. На последней споткнулся и едва не рухнул грудью на мягкий, ползущий под ногами асфальт. Поймал у самой земли очки, выпрямился, вернул их на нос и огляделся.

Вокруг было пусто, тихо и бескрайно. Он сотни раз бывал на сосновском вокзале, но сейчас оказался на чужой планете. На чудовищно раскаленной, где все вокруг расплывается и дрожит в такой же раскаленной атмосфере и, может быть, в следующую секунду сгорит, а пепел испарится. Правда, одна деталь была знакомой, вполне земной и бесспорной: далеко слева, у горизонта, темно-зеленой гусеницей лениво уползала за поворот электричка.

Мышкин опёрся мокрой спиной о круглую афишную тумбу и едва не свалил ее. Хотел выругаться – опять не получилось: за горло снова схватил приступ кашля и душил, выворачивая легкие наизнанку. Сердце колотилось так, что вот-вот разорвется перикард – он с профессиональным спокой-

ствием, четко представил себе эту картину.

«Всё, бросаю курить. Немедленно. Нет, лучше завтра».

Он немного отдышался. «Пожалуй, лучше послезавтра... Хотя... какой смысл откладывать? Вечером... Вечером и брошу!»

В памяти всплыли строчки из записной книжки Марка Твена: «Бросить курить очень легко! – утверждал веселый американец. – Лично я бросал раз двести».

Что же, с болезненной надеждой отметил Дмитрий Евграфович, у него в запасе есть, как минимум, сто девяносто девять попыток. И еще он с печалью осознал: как ни пытайся отвлечься от главной неприятности, никуда она не денется.

Следующая электричка в двенадцать. Поискать автобус? Частника? Никакого смысла: все равно не успеть. А ведь Мышкин ни разу в жизни не опоздал на утреннюю конференцию. Когда же был его доклад, приходил за полчаса до начала.

Все решили какие-то пять-шесть минут. Только и надо было чуть раньше встать или сразу пресечь попытки приятеля влить в Дмитрия Евграфовича сто граммов спирта на дорогу – при перспективе-то сорокаградусной жары.

– Знаешь, друг мой, – наконец заявил Мышкин и отвел его руку со стопкой в сторону. – Лошадь к водопою приведет один человек. Но напиться ее не заставят и сорок.

– Понял! – сдался приятель.

И опрокинул рюмку сам.

– Не забудь, – сказал он на прощанье Мышкину. – Ключи, как всегда, под бочкой. Захочешь – приезжай без меня. В любое время. Можешь даже не предупреждать.

Вчера было воскресенье, градусник показал сорок два в тени. Почти весь день они пролежали в надувном бассейне и незаметно влили в себя полтора литра ректификата. Запивали водой прямо из бассейна.

Вода была чистой и нежно-прохладной, хотя пахла старым сараем и сырым торфом. Приятель, художник с замечательной фамилией Волкодавский, умудрился завернуть к себе на участок лесной ручей. Выкопал круглую яму полутораметровой глубины, уложил в нее надувной бассейн – получилось проточное озерцо. Волкодавский утверждал, что в последние два месяца он окончательно сменил среду обитания: обжился в озере и возвращаться на землю не собирается. Мышкин поверил: на земле было тяжело. Второй месяц держалась безумная жара.

– Пиявку бы не проглотить! – опасался Мышкин после каждой рюмки.

– В такое пекло, действительно, никакого аппетита, – соглашался художник Волкодавский. – Особенно с моим желудком.

– А что с желудком? Почему не знаю? – лениво поинтересовался Мышкин.

– Тебе знать всё про меня рановато, – опасливо возразил художник. – Вот будешь готовить меня к переезду в места счастливой охоты...

– Да, лишний покойник мне сейчас некстати. От своих деваться некуда. Но все-таки, что там у тебя? Крыса?

– Кислотность. Нулевая.

– Ерунда! – отмахнулся Мышкин. – У меня похожая заморочка. И ничего, живу. Радуюсь.

– Ну-ка! – оживился Волкодавский, как любой хроник, надеясь услышать, что кому-то еще хуже. – Тоже желудок?

– Он, он, собака... По кислотности – превышение в три с половиной раза. В последнее время просто беда. Особенно, если закусываю маринованным грибочком или огурцом китайского приготовления. Как я понимаю, китайцы делают маринад на серной кислоте.

– А ведь рюмка без маринованного грибочка или нежинского огурчика – большое несчастье, – вздохнул Волкодавский.

– Да, – согласился Мышкин. – Зато худшее, что мне грозит, – язва.

– А мне? – забеспокоился Волкодавский.

– А вам, милостивый государь, – рачок-с... Канцер, то есть.

Волкодавский помрачнел и плюнул трижды через левое плечо.

– Вот это правильно! – одобрил Мышкин. – Так и надо –

и на него, и на остальные хворобы! Они, гады, чувствуют отношение к себе издалека.

– Как болезни могут чувствовать? – мрачно спросил Волкодавский.

– Запомни: онкологические хвори, как, впрочем, и остальные, суть проблемы не столько тела, сколько духа. Пролезают в человека через слабые места в системе психической защиты. Но одновременно болезни человечеству несут в высшей степени гуманную миссию.

– Как же! Любимая песня Чубайса: «Слабый – на кладбище!» Или английской ведьмы Маргарет Тэтчер: «Половина населения России – нерентабельна», – фыркнул Волкодавский.

– Не торопись возражать, душа моя! Польза болезней в том, что они подают человеку важные сигналы: что-то не так у него. Любит не так или ненавидит не того. Учти: сигналы о грядущих неприятностях со здоровьем и жизнью получают все. Но таким уж болваном устроен человек: зачем думать о завтра, если сегодня он украл тысячу баксов и купил билет на престижный рейс «Титаника», где он сам – и капитан, и штурман, и временный хозяин. Ему ангел-хранитель уже устал кричать на ухо: «Куда прёшь? Айсберг! Остановись, задумайся! Не то делаешь, не так живешь!» Он огрызается: «Я не непотопляемый!» И именно в тот момент, когда он больше всего верит в свою непотопляемость, айсберг, то есть канцер, – хрясть! – и в желудок ему.

– Ой! – отшатнулся Волкодавский.

– В печенку!

– Ой-ой!

– В мозги! В прямую кишку!

– Хватит! – взмолился художник.

– А еще хуже – в предстательную железу. Или в мошонку – вообще прелесть!

Потрясенный Волкодавский схватил литровую бутылку и отпил прямо из горлышка. Потом с шумом втянул в себя длинный глоток воды из бассейна, смывая с эпителия пищевода спиртовой огонь.

– Да... В предстательную железу! – с безжалостным удовольствием повторил Мышкин. – Не каждому так повезет. Вот был у нас нейрохирург, Жора Телеев, кавказский еврей. Замечательный хирург. Это при том, что кавказцы почему-то в массе своей очень плохие врачи. Но если попадетсЯ среди них талант – так высшей пробы. Таким был Телеев. Особенно виртуозно Жора работал по опухолям головного мозга. Думаю, не меньше полутысячи разных мужчин и женщин, красивых и уродливых, милых и отвратительных, кого надо и кого не надо... короче, многих вытащил оттуда!

– Откуда? – поинтересовался художник.

– С того света. Откуда еще? А месяца два назад вдруг почувствовал наш гениальный доктор, что ему на стуле как-то не так сидится. А всего через неделю смотрит – в паху лимфатические узлы припухли. Еще через неделю опухли уже

подмышками. А десять дней назад мы торжественно опустили Жору в печь крематория.

– Как быстро... – вздохнул Волкодавский.

– Очень! – подтвердил Мышкин. – В последние годы, друг мой, все чаще встречаются неведомые ранее скоропостижные формы рака. Откуда они взялись, почему? Сила и особое коварство канцера в том, что он всегда действует без объявления войны, медленно и незаметно. Процесс длится годы. Человек работает, бежит трусцой или по бабам, пьет коньяк или кефир перед сном. Он счастлив. Он уверен, что здоров, как бык. Все его любят, даже секретарша начальника. И вдруг – легкое неудобство, новое самоощущение, потом утомляемость, потом боль какая-то. Простудился, думает счастливчик. Или ушибся, а не заметил. И тут процесс идет с ускорением... В общем, многие опаздывают. Но в последнее время масса людей сгорает от рака за месяц. Да что там – даже за неделю! В том числе и в нашей Успенской богадельне. Никто ничего не понимает. Даже я.

– Ну, вот видишь! – с укором сказал Волкодавский.

– Что я должен видеть?

– Твоего хирурга – за что? Жил для людей. Добро делал.

– С чего ты взял, что он делал добро и жил для людей?

– Да ведь ты только что сам сказал!

– Нет, господин Клоподавский. Я не говорил, что Георгий Самуилович Телеев делал добро. А говорил, что он просто хорошо делал свою работу. И получал за это бабки. Очень

большие, между прочим. Даже слишком. Мне да и тебе такие и во сне не увидеть!

– Конечно! От твоих пациентов дождешься.

– Именно, – спокойно согласился Мышкин и продолжил. – Жора Телеев построил себе за год два дома... Точнее, две виллы. Каждая в три этажа. Одну здесь, на Карельском перешейке, а другую – где бы ты подумал? В Ницце, товарищ Клоподавский!

– Так ведь не воровал, – примирительно напомнил художник.

– Не воровал. Но и добра не делал. Он честно делал работу, но лечил одних лишь монструозных тварей: бандитов, банкиров, новых латифундистов, владельцев заводов и фабрик, разных слуг народа из Смольного, из Кремля, распильщиков госбюджета... Но не лечил нормальных людей – учителей, рабочих, вагоновожатых, ученых, участковых врачей, библиотекарей, художников, писателей, слесарей, сантехников, доярок, каменщиков, программистов, воспитателей детских садов... И еще многих-многих граждан России, которым очень была нужна его помощь. Впрочем, для клиентуры Телеева они – не люди. Всего лишь питательная среда.

– И в этом его вина? – возмутился Волкодавский. – Он просто встроился в систему. Как все мы. Да, система просто скотская, на людоедских принципах. Но не он её создавал. И что ему теперь? Почему не зарабатывать, если можно? Он же не воровал, не убивал. Даже совсем наоборот. Какие

к нему претензии?

– Никаких! – торжественно согласился Мышкин. – Да, не он строил наш демократический концлагерь. Но в итоге по каким-то счетам ему пришлось заплатить. Есть в жизни такой парадокс: «Наказания без вины не бывает!»

– Капитан угрозыска Жеглов из советского фильма «Место встречи изменить нельзя», – мрачно уточнил Волкодавский. – Достойный продукт НКВД. Тоже людоедство.

– Ты уверен?

– Вдумайся: не вины без наказания, а наоборот – наказания без вины! Вот ты попал под трамвай...

– Не надо! – решительно отказался Мышкин. – Давай про тебя!

– Вот я попал под трамвай... – послушно уточнил Волкодавский. – Совершенно случайно. Где моя вина?

– Ворон на улице не надо считать.

– Типично сталинская казуистика! – плюнул за борт Волкодавский. – Вот расстреляли, например, самого Берия. За что? И английский шпион, и японский, и немецко-фашистский... Еще и американский! Это про того, кто обеспечил создание атомной бомбы, чтобы затоптать именно американцев. Судили бы действительно за преступления. А тут какая вина?

– Во-первых, не сталинская, а хрущевская казуистика. Бред, доживший до наших дней. Но все равно: сам себе подгадил товарищ Берия. Не надо было ему с главными пала-

чами и организаторами репрессий, с Хрущевым и Маленковым, в заговор против Сталина вступать и участвовать в убийстве вождя. Вот и наказан. Всё учел *Главный Весовщик!* Наверное, у него на всё свои соображения.

– Наверное... – недовольно повторил художник. – Неужели только «наверное»? Ты, Дмитрий, так любишь повторять слово «народ». Страдает, замучен, вымирает, оскотинился... Теперь скажи мне: за что народу такое наказание? Очутиться в 1991 году на своей земле, но в чужом, совершенно враждебном нормальному человеку государстве, под оккупационным режимом и при этом слепо верить, что он живёт в своей родной России. Он-то в чём виноват?

– В том, что согласился посадить мерзавцев себе на шею! – беспощадно отрубил Мышкин. – Теперь пусть мучается. Хотя, если быть честным, никто его не спрашивал. Вернее, спросили один раз: хочет ли он по-прежнему жить в СССР. Он сказал: «Да, очень хочу». И пятая колонна тут же СССР уничтожила. Потом оккупационная власть провела самую гениальную реформу. После того, как нас всех обокрали, большинство было опущено на такой материальный уровень, при котором вроде не умираешь, но и жить невозможно. Человек панически боится потерять последнее, он деморализован, он днем и ночью в страхе и для драки у него нет сил.

– Неужели?

– Именно. Восстание начинается и побеждает лишь тогда,

когда жизнь людей становится хуже смерти. И хуже не только в материальном смысле. Когда национальное унижение становится нетерпимым, а презрение правительства к своему народу безграничным, тогда-то наступает праздник: горят помещичьи усадьбы, библиотеки, картины, старинная мебель, начинается передел земли.

– И как твоя теория согласуется с историческим материализмом? – усмехнулся Волкодавский.

– Никак. Обдурил нас Карл Маркс со своим историческим материализмом... А ведь в институтах всех заставляли учить истмат и экзамены сдавать. И, согласно истмату, ничего того, что сейчас мы видим вокруг, не существует и существовать не может и не должно. Такая вот «наука»... Налейка-ка еще капельку... – и, выпив, добавил вполне миролюбиво. – Знаешь, что тут самое удивительное?

– Нет.

– То, что мы вообще интересуемся этими темами. Еще не оскотинились, наверное.

– А говоришь, политика для тебя – темный лес. Да, любишь себя похвалить...

– Это я о тебе.

– Ну, спасибо, друг! – обиделся Волкодавский.

– Любопытно, – спокойно продолжил Мышкин, снимая рюмку-наперсток с лоснящегося черного борта бассейна. – Вот наш Георгий Самуилович Телеев, смотрит сейчас с того света на свою виллу... На обе. Внимательно смотрит,

изучает. И другие виллы изучает, которые построили другие богачи. И что же, мне интересно, Жора там думает? Чему радуется? О чем жалеет? О вилле жалеет? Нужна она ему там? Он и при жизни не смог бы жить сразу в шести этажах и в разных странах.

– Думает твой хирург? – усмехнулся Волкодавский. – С чего же ты решил, что он думает?

– Может, и не думает. А в карты играет

– Где ж там такие ломберные столы? – поинтересовался Волкодавский.

– Он не успел сообщить точный адрес. Где-то там... – Мышкин неопределенно повел рукой вокруг себя и вверх.

– Веришь? При твоей-то профессии?

– А какая моя профессия? – удивился Мышкин.

– По-моему, самая что ни есть материалистическая.

– И что?

– Ты, когда вскрываешь человека, видишь, что все при нем. И никакой души внутри. Закопают его или сожгут... Умер, трава выросла – всё, как говорил дядя Ерошка у Толстого.

Мышкин грустно посмотрел на художника Волкодавского.

– Когда хирург вскрывает пациенту череп и роется в мозгах, он тоже видит: нет там никаких мыслей. Даже глупых. Но ты не будешь отрицать, что мысли существуют... иногда. А касемо души... ох! – потянулся Мышкин. – Есть множе-

ство живых людей на свете, друг мой Клоподавский, у кого души вообще нет, не было и никогда не будет.

Художник Волкодавский вкрадчиво спросил:

– Скажи, доктор, честно: боишься смерти?

Мышкин ответил не сразу.

– Даже не знаю... – признался он. – До сих пор не решил для себя. Был бы верующим, сказал: конечно, не боюсь. Смерти нет, а есть жизнь вечная. И смерть – всего лишь один из атрибутов жизни. Иначе никакого смысла в жизни нет. Однако не может существовать то, в чем нет смысла! Значит, и мы с тобой созданы для какой-то цели. Так, Клоподавский?

– Практикой не подтверждается, – возразил художник.

– Практикой вообще мало что подтверждается. Практика часто бывает самым ненадежным критерием.

– Что-то новое! – удивился Волкодавский. – Как без доказательств? Возьми закон всемирного тяготения...

– Ах, доказательства!.. Закон всемирного тяготения!.. – ядовито подхватил Мышкин. – Ну-ка, напомни, что там сэр Исаак Ньютон насчет своего закона всемирного тяготения? С чего начинается? Знаешь?

– Да кто же не знает? – добродушно удивился Волкодавский. – «Все тела обладают массой» – с того все и начинается.

– Кто так сказал?

– Ньютон.

– А откуда он это взял? Перешуupal все тела во Вселенной?

Или хотя бы одни женские на первый случай?

Волкодавский молча уставился на Мышкина.

– Откуда? – повторил Мышкин. – Откуда он взял эту чушь?

Волкодавский сочувственно покачал головой.

– Ты, видно, в советскую школу не ходил. Все знают: яблоко...

– Ах, яблоко! – перебил Мышкин. – Яблоко по башке!

– Не веришь?

Мышкин плюнул за борт бассейна и взял бутылку двумя руками. Сделав неудачный глоток, закашлялся, но запивать не стал.

– Верю... В советскую школу мы все по закону обязаны были ходить, если ты забыл. И проклятый тоталитарный режим заставлял нас думать самостоятельно, но так и не доучил, поэтому в итоге для него все кончилось нехорошо. Сначала слепо верили в Ленина, теперь точно так же любят Путина. Конец любви будет таким же. Так вот я, в отличие от многих, любил задавать себе вопросы: где это яблоко лупануло бедного Исаака? В каком месте? В Англии лупануло, планета Земля. А в Альфе Центавра какие яблоки растут? И если растут, как падают? Сверху вниз или снизу вверх? Он был там, твой Исаак, в системе Альфы Центавра или хотя бы Проксимы? Проверил на практике?

– Единство Вселенной... – неуверенно начал Волкодавский.

Мышкин и слушать не стал.

– Единство Вселенной, по твоему же собственному утверждению, еще проверять надо. Практикой. Тут и за миллиард лет не управиться. Так и о смерти... – уже примирительнее добавил он.

Волкодавский молча осушил свой наперсток.

– Вижу, ты задумался, друг мой. Следовательно, есть у тебя чем думать и о чём, – великодушно отметил Мышкин. – Так и быть, слушай старинную японскую притчу. Рассказал мне ее интересный человек – настоятель монастыря на острове Коневец владыка Нафанаил.

– Люблю японские притчи, – оживился Волкодавский.

– Внук спрашивает: «Что такое смерть?» Дедушка отвечает: – «Как-то захотели три бабочки узнать, что такое огонь. Одна подлетела к горящей свече, почувствовала жар, испугалась и вернулась. Она ничего не узнала. Другая подлетела ближе, опалила крылья и в ужасе убежала, то есть, улетила. Тоже ничего не выяснила. Третья влетела прямо в пламя и... сгорела! Она узнала, что такое огонь. Но, увы, никому об этом уже не расскажет. Так и о смерти: тот, кто знает, рассказать не может».

– И все-таки, боишься смерти? – еще раз спросил Волкодавский.

– Смерти?.. – снова задумался Мышкин. – Наверное, не боюсь. А, может, и боюсь... Вот тебе еще притча, точнее, максима. От древнего грека, от философа Плотина.

В свое время он сильно возмущался, почему люди решили, что смерть есть абсолютное зло и несчастье. Откуда они это взяли? Так может утверждать только тот, что проверил дело на практике, – точно, как ты требуешь, Клоподавский. Может, смерть, наоборот, – великое счастье? Не зря Бог посчитал, что самое страшное наказание Каину за убийство брата – бессмертие. В его случае именно бессмертие есть абсолютное зло. Я не смерти боюсь, Клоподавский, а боли. Хочется помереть мгновенно. Лучше всего во сне.

Волкодавский вздохнул.

– Так моя бабка умерла – во сне, – сказал он. – Смерть праведника.

– Завидуешь?

– Что за ерунда! – испугался Волкодавский. – Ведь я еще живой! Да и ты, наверное.

– Я больше, чем живой, – заявил Мышкин. – Несмотря на всю мерзость вокруг, все-таки, ты прав: мне лично грех жаловаться. Работа есть, наука движется. Одно мне нужно: чтоб никто не лез в мою жизнь и ко мне не прикасался. Я долго строил себе подводную лодку. Большую. И, в отличие от Робинзона Крузо, смог свою большую лодку столкнуть ее с места. Мне в ней уютно, спокойно, тихо, а все, что за бортом, меня, по большому счету, не касается. Честно говорю. Поэтому – лапы прочь от Мышкина! Так и Ньютону Исааку передай.

Волкодавский хмыкнул недоверчиво, прищурился и спро-

сил – тихо, с вызовом:

– А Крым наш?

– Я же сказал – на правильном русском языке сказал: лапы прочь от Мышкина! И Крым убери с глаз моих. Да подальше. Эти игры не для меня. Некогда.

Над железнодорожной платформой дачного поселка Сосново так же, как и над всей Вселенной, висела тишина и давила тяжестью своей на маленькую планету Земля. В ушах стоял тонкий звон. От оплывающего битума поднимались тяжелые испарения, воздух колыхался горячими прозрачными волнами и наводил тоску. Безоблачное, но серое небо, кое-где с розовыми пятнами над горизонтом – вокруг города второй месяц пылали торфяные пожары. Их уже давно никто не тушил, и даже прессе надоело твердить о них каждый день. «Пик солнечной активности, как и обещалось... Сколько ж он тянется? – тоскливо отметил Мышкин. – Третий год. С ума сходят и люди, и природа. Ужо она покажет нам мать известного Кузьмы за все издевательства... Болота сохнут, половину лесов вырубili, вон в Архангельской области вообще все оголили капиталисты хреновы, оттого и горит все так страшно».

Он глянул на часы – половина седьмого. Вокруг по-прежнему ни души, но скоро Мышкин почувствовал слева какое-то беспокойство. Что-то произошло.

На последнюю ступеньку вокзальной кирпичной лестницы упала тень, вслед за ней на платформу поднялась девушка. Высокая, в белом кисейном платье без рукавов, на стройных сильных ногах – легкие сабо с высокими тонкими каблуками. Она неторопливо села на скамью в тени густого шиповника, достала из белой плетеной сумочки книгу, раскрыла, но, прежде скользнула взглядом вокруг, на секунду задержавшись на Мышкине.

Он обеспокоился еще больше. Потому что девушка была ему знакома, хотя сама она об этом еще не подозревала.

Ее длинные волосы ниже плеч, густые и легкие, издали показались ему седыми, но приглядевшись, Мышкин понял: платина. Ему еще не встречалась женщина с волосами натурального платинового цвета.

От афишной тумбы он хорошо видел линию ее профиля, вздернутый, чуть тяжеловатый нос – сбоку он казался треугольным. Хорошо разглядел и даже почувствовал ее темные, точно переспелые вишни, губы («Надо же: без помады!» – отметил Мышкин).

Девушка почувствовала его взгляд и внимательнее посмотрела на долговязого очкарика в потертых джинсах и вылинявшей футболке. И тут у него заныло в груди: на скамейке сидела точная копия его бывшей жены Регины. В свою очередь, Регина была точной копией англо-французской кинокрасавицы Жаклин Биссет, которая объясняла свою несовременную любовь ко Льву Толстому тем, что бабушка у нее

у нее была русской.

Когда он познакомился с Региной, она была замужем. И оказалась соседкой – через два дома. Мало того, как и он, закончила педиатрический институт, только курсом позже. Регина не любила Льва Толстого. Плохо, конечно, в глазах Мышкина, но не очень.

Хуже, что она оказалась женой офицера КГБ.

В тот роковой вечер он по глупости своей проводил Регину до ее дома. Ночевать у него она отказалась: наутро должен приехать муж из очередной шпионской командировки.

Только закрылась за ней дверь, как к Мышкину стремительно и целеустремленно подошли двое вежливых молодых людей при черных костюмах, белых рубашках, в модных галстуках. В секунду затащили его во двор, под навес мусоросборника, и там минут пятнадцать сильно били. Напоследок, пнув его, лежащего, ногами, вежливо посоветовали не совращать замужних женщин.

Наутро Мышкин изучил в зеркале свою физиономию и поразился: ни синяка, и даже ссадины.

– Профессионально работают, мерзавцы! – был вынужден признать он.

Но мордобой не помог рогатому бойцу невидимого фронта. Уже через месяц Регина Сергеевна с ним развелась. И вышла за Мышкина.

Но они и двух лет не прожили вместе. Регину назначили главврачом роддома, она вся ушла в работу, они не виделись неделями, и Мышкину все это скоро надоело.

На вопросы, почему он решил развестись, Дмитрий Евграфович всегда отвечал одинаково:

– У меня и не было жены. У меня был только главный врач. Причем, дома.

Теперь у него не было даже главврача. А судьба Регины Сергеевны повернулась неожиданно: она снова вышла замуж. И снова за бойца – за своего бывшего, за кагэбэшника, теперь фээсбэшника.

Вторая Жаклин Биссет сидела на ободранной деревянной скамейке в самом центре карельского перешейка. Ее терзали обычные сосновские комары. Не отрываясь от книги, она убивала сразу одного-двух точным движением ослепительно красивой руки.

Мышкин собрался с духом. «Может, это последний шанс в моей жизни».

– Вы даже себе не представляете, как я люблю вишни! – подойдя ближе, загадочным тоном сообщил он.

Девушка подняла на него глаза, но не ответила.

– Очень люблю вишни, – напомнил Дмитрий Евграфович уже не так уверенно.

Девушка продолжала молча его рассматривать. Наконец произнесла:

– Кажется, вы что-то перепутали. Рынок на другой сторо-

не площади.

– Ваши губы похожи на спелые вишни! – убежденно заявил Дмитрий Евграфович.

Она чуть заметно пожала плечами и вернулась к своей книге.

– Помните «Тилья Уленшпигеля»? – ухватился он за последнюю соломинку: в книге Шарля де Костера герой после фразы о спелых вишнях сразу целовал девушку.

– Стало быть, вы – Тиль Уленшпигель? – усмехнулась девушка. – Самовнушение вещь небезопасная. Иных оно приводит прямо в сумасшедший дом.

Мышкин растерялся. Такое с ним произошло впервые. При том, что тактика знакомства с девушками на улице у него была отточена до совершенства.

Неожиданно выручил вокзальный репродуктор. Над вокзалом раздался гнусавый жестяной голос:

– Внимание, товарищи... тьфу, чтоб вас черт побрал! – *господа* пассажиры! Внеочередной электропоезд «Сосново-Петербург» прибывает на первую платформу. Время стоянки одна минута. Повторяю: внеочередной...

Девушка вошла в тот же, предпоследний, вагон, но с другого конца. Она села недалеко от тамбура, спиной к движению, лицом к Мышкину, и снова открыла книгу. Больше никого не было.

Мышкин осторожно просунул голову в открытое окно

и подставил лицо горячему ветру. Рядом с поездом бежало коричневое косматое солнце, оно с трудом пробивалось сквозь дымную завесу. Все хорошо. Он успевает.

Но почему-то снова в сердце он ощутил укол тревоги.

Все вокруг вроде бы оставалось прежним. Он глянул назад. Из последнего вагона вылетело сверкающее облако осколков и рассыпалось по земле. И сразу же из окна вывалился человек. За секунду до падения он взмахнул руками, словно пытался взлететь, и врезался спиной поперек рельсов соседней ветки. Мышкину даже показалось, что сквозь грохот поезда он услышал, как затрещали раздробленные кости.

«Череп, конечно, вдребезги, – механически отметил Мышкин. – Шпалы-то бетонные».

Он отшатнулся от окна и с тревогой глянул на девушку. Та медленно перевернула страницу, прочла несколько строк, потом посмотрела в окно и задумалась. Она, конечно, снова почувствовала его взгляд, потому что коротко передернула плечами, будто озябла, мельком глянула на Мышкина и снова открыла книгу. В тот же момент с треском отъехала в сторону тамбурная дверь.

В вагон вошли трое. Один – в камуфляжных заношенных штанах и в черной майке, руки до плеч – в густом черно-красном узоре татуировки. Другой – в спортивных штанах и голый по пояс. Третьего Мышкин разглядеть не успел, отметил только на его голове солдатскую тропическую панаму-афганку. Страх, разлившийся в груди, безошибочно под-

сказал: именно они только что выбросили на рельсы человека.

Они остановились, глянули на длинного очкарика у окна и тут же о нем забыли. Потом уставились на девушку. Переглянулись и двинулись к ней одинаковой походкой – по-собачьи выпятив наружу зады и выгнув спины. Причем, ноги и колени двигались в одну сторону, зады – в другую.

Двое уселись напротив девушки, татуированный – за ее спиной. Она не поднимала глаз от книги, но Мышкин почувствовал, как она напряглась.

Те, напротив, что-то ей сказали и захохотали. Девушка не шевельнулась. Внезапно татуированный схватил сзади ее за волосы, намотал жгутом на руку и припечатал затылком к спинке скамейки.

Она закричала. Но Мышкин ничего не услышал. Внезапно он оглох. И окаменел, увидев, как татуированный перелез через спинку скамьи к девушке и все вместе они стали рвать на девушке платье. Полетели по вагону тонкие белые клочки. Потом в потолок ударился белый бюстгальтер и медленно опустился рядом с Мышкиным.

Он увидел, как метнулась из стороны в сторону ее крупная грудь с белыми пятнами незагоревших сосков. Платье затрещало ниже – теперь Мышкин все слышал, даже сквозь лязг поезда.

«Вот мне и конец», – обреченно подумал Мышкин, снял очки и сунул их в карман.

Без очков он оказался словно на дне аквариума, однако, и сквозь муть увидел, как взметнулась длинная нога, и острый каблук сабо вонзился в щеку татуированного. Тот отшатнулся, закрыл ладонями лицо, залившееся кровью. Все трое на секунду остолбенели.

И почти тотчас же в них влетел живой снаряд весом в 82 килограмма. Мышкин схватил девушку поперек талии, отшвырнул к двери и крикнул:

– К машинисту! Бегите к машинисту! Пусть вызывает вокзальную полицию!

И тут же получил сокрушительный удар в ухо, и второй – по затылку. На несколько секунд он потерял сознание. Когда очнулся, обнаружил, что его выталкивают через разбитое окно наружу, а он никак не пролезает. Тогда его потащили за ноги к тамбуру, он поехал затылком по полу и все время пытался поднять голову, потому что затылок невыносимо жгло. Потом с головы оторвался лоскут кожи, пошла кровь, затылок заскользил, и жжение почти прекратилось.

Завыли тормоза – поезд замедлил ход перед Ореховым. Двое с усилием раскрыли половинки вагонной двери, третий, залитый кровью, мощным пинком в зад вытолкнул Мышкина на соседние рельсы, между которыми бесконечной лестницей неслись назад железобетонные шпалы.

Он летел на них в полной тишине и удивительно медленно и потому успел осознать, что сейчас тоже превратится в мешок с костями, как тот, кого выбросили раньше. Однако в те-

ло ударил мощный поток горячего воздуха, который всегда тянется за поездом, как за поршнем гигантского наноса. Воздушного толчка хватило, чтобы Мышкин упал чуть дальше смертельных шпал.

Какое-то время он неподвижно лежал и видел над собой в сером небе, солнце – по-прежнему коричневое, в космах протуберанцев. Потом с трудом сунул руку в карман брюк. Очки на месте. Только вместо одного стекла – пустота и мелкие осколки в кармане.

Кряхтя от боли, Мышкин надел очки, приподнялся и в уцелевшее стекло увидел, как поезд на несколько секунд остановился и почти сразу начал движение – платформа была пуста. Но из первого вагона кто-то успел выскочить на ходу и побежал в его сторону.

Он с напряжением, боли в глазах, взгляделся и облегченно вздохнул. Легкие волосы девушки развевались на бегу, сверкая серебром. На ней осталась только уцелевшая нижняя часть белого платья. И болталась вязаная сумочка на плече.

– Живы?.. Вы живы? – крикнула она, спрыгнула с платформы и подбежала к нему.

Мышкин улыбнулся и попытался привстать.

– Вот уж не знаю... Но полагаю, пациент скорее жив, чем мертв.

– Не шевелитесь! – приказала девушка.

Быстро, уверенно ошупала его руки и ноги, провела пальцами по ребрам, потом по каждому позвонку. Дошла до го-

ловы. Мышкин заорал – девушка отшатнулась.

– Похоже, трещина, – она перевела дух.

– Всего-то? – с подчеркнутой обидой протянул Мышкин. – Может, там у меня и головы нет! Ладно, чего уж... – слабо махнул он рукой. – Лоскут оторвался?

– Висит. Нужно шить. Или взять на скрепки. Противостолбнячное – срочно.

– Извините, у меня скрепок нет. Шить тоже нечем. И вакцину дома забыл.

– У меня все найдется, – успокоила она.

Девушка раскрыла свою сумочку, достала большую ампулу.

– Перекись водорода.

Оторвала с куста листок, обернула им шейку ампулы и отломил ее.

– Надо немножко потерпеть, – предупредила она.

И принялась струей поливать его затылок.

Мышкин вздрогнул, но стерпел.

– Ничего, ничего, – утешила девушка. – Сейчас все пройдет. Тетя больше не сделает больно...

Перекись перестала шипеть, Мышкин с облегчением вздохнул и уставился на ее голую грудь. Девушка покраснела и прикрылась руками:

– Извините...

– Нет, это уж вы меня извините! – проворчал он.

С усилием стащил с себя футболку и протянул девушке.

– Вот, – сказал Дмитрий Евграфович. – Ваш гонорар за медицинские услуги. Наденьте. Тогда, может быть, вас даже в сумасшедший дом не заберут.

Она быстро надела футболку, потом оторвала от своего подола длинный кисейный лоскут, смочила остатками перекиси и ловко перевязала Мышкину голову.

– Так, кажется, лучше.

– Хм, – он потрогал повязку. – Жаль, зеркала нет.

Она протянула ему круглое зеркальце

– До чего у меня мужественный вид! – торжественно заявил Дмитрий Евграфович. – Теперь только в Голливуд. Или в полицию.

– Нам туда все равно надо?

– В Голливуд?

– В полицию.

– Зачем? – спросил Мышкин.

– Но... Ведь на нас напали, – в свою очередь удивилась она. – На меня и на вас.

– Вы уверены?

– В чем?

– В том, что на нас напали?

Она странно посмотрела на него.

– Я с ума еще не сошел, – усмехнулся Мышкин. – Вот у вас точно крыша съедет, когда в полиции нам предъявят обвинение, что именно мы с вами напали на милых и безобидных молодых людей, нанесли им увечья, только что убить

не успели.

– Вы это серьезно? – не поверила она.

– Вполне! Давайте лучше выбираться отсюда. Я спешу в город.

– Надо бы поискать здешний медпункт.

– Это еще зачем?

– Вам нужна операция. Нужен врач.

– А вот этого не надо! – веско заявил Мышкин. – Я сам врач.

– Неужели? – восторгалась девушка. – А по специальности?

– Я? Моя специальность? Кто я по специальности? – задумался Мышкин. – Хирург я по специальности!

– Очень интересно. И какой же?

– Самого широкого профиля. Международного. Я специалист по человеку.

– Ясно, – кивнула девушка и в первый раз улыбнулась – широко и открыто, показав прекрасные белые зубы, на которых блеснул крошечный солнечный зайчик. – Вы, на самом деле, – гроза хирургов. Я, кстати, тоже имею отношение к медицине. Терапевтическая стоматология.

Он снова потрогал повязку.

– Как вы меня, однако, ловко ощупали. Теперь моя очередь оказать вам помощь! Как врач и гроза хирургов, я должен убедиться...

– Нет необходимости, – мягко возразила девушка. –

Со мной все хорошо. Но вот до больницы еще надо добираться. Обработать рану, взять на скрепки...

– Я же вам сказал: мне срочно нужно в город. Я очень спешу.

Она задумалась.

– Вот что: мы найдем машину и поедem ко мне. Я живу в Новой Деревне. Как раз с этой стороны города. Обработаю вас, а потом отпущу.

– Куда?

– Куда пожелаете. На все четыре стороны.

– Не согласен.

– На обработку?

– На все четыре стороны не согласен! Я потерпевший и пострадавший и потому требую к себе особого внимания.

– Ах, вот как! – вздохнула девушка. – Да, разумеется... Хорошо. Тогда отвезу вас потом в больницу. В вашу, к вам на работу.

– Я до сих пор не осознал, что произошло. И кто вы.

Девушка покачала головой, потом слегка коснулась кончиками пальцев его щеки. Он ощутил запах дорогих французских духов.

– Пожалуйста, потом, – попросила она. – Сейчас я тоже не все понимаю... Еще надо прийти в себя.

Он посмотрел в ее глаза, темно-синие, с сиреневыми крапинками по краям радужки, и кивнул.

– Обоим надо.

Они быстро наняли машину и через час были в Новой Деревне.

2. Квартира профессора Шатрова

– Так в какой же вы больнице работаете? – спросила она, когда они вышли на неожиданно прохладном, сплошь затененном, словно бульвар, проспекте Шверника. – И как вас зовут, наконец?

Он изящно поклонился, прижав руку к сердцу.

– Мышкин Дмитрий...

Девушка вдруг рассмеялась.

– Евграфович?

– Совершенно верно, – удивился Мышкин.

– И работаете в Успенской онкологической.

– И это справедливо. Вы меня знаете?

– Кто же вас не знает! А я-то мучаюсь, никак не вспомнить, где вас видела.

– Я всегда был уверен, что слух обо мне пойдет по всей Руси великой... – с достоинством заметил Мышкин. – А я вас знаю?

– Скорее, нет, раз и вы не помните, что мы с вами когда-то виделись. Давно-давно. Сто лет назад.

– Интригуете. Есть у меня шанс восстановить память?

– Все может быть. Но мне кажется, уже сейчас вы меня знаете больше, чем некоторые близкие.

Открывая дверь парадной, она сказала:

– Определенно, вас Бог любит.

Мышкин широко улыбнулся и сверкнул единственным стеклом.

– Конечно! Как всех гениев и идиотов.

– Вы себя к какой категории относите? – вежливо поинтересовалась девушка.

– А вы меня к кому отнесли бы? – отпарировал он.

– Не знаю. Для меня слишком неясна разница между теми и другими.

– Замечательный ответ! – оценил Мышкин. – Но как вас все-таки зовут?

– Сейчас... – они вошли в лифт. – Я живу в шестом этаже.

– Как? – удивился Мышкин. – Как вы сказали? Где живете?

– Шестой этаж.

– Неправда! Вы сказали: «В шестом этаже».

– Это так опасно? Поэтому вы разволновались?

– Потому разволновался, – заявил Мышкин, – что уже по незаметному предлогу «в» я, действительно, узнал о вас сейчас так много, чего наверняка не знают и близкие вам люди.

– О! Право, теперь вы меня интригуете. Я тоже хочу знать о себе много.

– Вот-вот! – закричал он. – Еще и это «право»!

Она усмехнулась, но ничего не сказала.

– Понимаете ли, – заговорил Мышкин, когда лифт, кряхтя, пополз вверх. – Так уже никто не говорит – «в этаже»,

«право», «определенно»... Так говорили только в Петербурге... *в том* Петербурге, – уточнил он, – и в послевоенном Ленинграде. Из этого вывод: вы петербурженка в третьем поколении или, как минимум, ленинградка. Кроме того, кто-то из ваших родителей или оба имеют отношение к литературе или истории.

– Это имеет большое значение?

– Для меня – да.

– Отчего же?

– Вы, конечно, поймете меня! – с жаром сказал Мышкин. – Ленинградцы были совершенно особым народом среди народов СССР... Совершенно особым субэтносом.

– Я вас не совсем понимаю.

– Вы знаете, что такое коринфская бронза?

– В первый раз слышу.

Она снова улыбнулась – так, что он пошатнулся. «Боже! – закричал Мышкин безмолвно. – Ну, почему я не встретил тебя десять лет назад!»

– Минутку, – попросила девушка, отпирая дверь квартиры. – Прошу в дом. Зовут меня Марина. Шатрова Марина Михайловна.

– Это ваша девичья фамилия?

– Да.

– А это значит, ваша квартира?

– Так что с коринфской бронзой? – не ответила на вопрос Марина.

– После одного громадного пожара в древнегреческом Коринфе среди пепла были обнаружены спекшиеся слитки бронзы. Она оказалась изумительного качества. Во время пожара она расплавилась, и к ней примешались какие-то другие металлы. Какие – неизвестно до сих пор. Похожее случилось и с ленинградцами – им пришлось пройти через четыре доменных печи. Жителей чванного, холодного столичного Петербурга плавил три революции, гражданская война, репрессии. А особенно – блокада, какой не знал никогда ни один город мира. Так получился совершенно особый народ – в массе своей честный, добрый, интеллигентный, бескорыстный. Конечно, не без мерзавцев – как без них? Без них ничего хорошего не бывает. Все дело в количестве. Были в блокадном городе и людоеды – самые обычные каннибалы. Но ведь не они определяли картину. А ленинградцев... Ленинградцев любила вся страна. Одна лишь принадлежность к городу была чем-то вроде почетного ордена.

– Пройдемте сначала на кухню, – предложила Марина. – У меня там операционная. Милости прошу.

Доставая из шкафа бинт, вату, спирт, коробку с хирургическими скрепками, зажимы Стилла и Бильрота, бранши, ампулы с лидокаином, одноразовые шприцы, она мельком поглядывала на Мышкина. Потом маникюрными ножницами выстригла волосы вокруг раны.

– Но сейчас... – продолжал он. – Сейчас ленинградцы... Куда они делись? Конечно, кто умер, кто постарел. Но ведь

у них же есть или остались дети и внуки, воспитанные в ленинградских семьях. А ленинградцев практически нет.

Он глубоко вздохнул и сказал своим звучно-бархатным, хорошо поставленным баритоном, словно был в студенческой аудитории:

– Видите ли, Марина Михайловна... За какие-то десять-пятнадцать лет на наших глазах совершилась фантастическая вещь. Такое же чудо, как коринфская бронза или субэтнос под названием ленинградцы. Но только с обратным знаком: стремительная дегенерация этого субэтнуса, а точнее, всего народа, превращение нации в стадо идиотов. Русские, может быть, не самый лучший народ на свете, но я, сколько себя помню, гордился, что я русский, а не американец и не француз. Теперь же...

– Вы сказали, нация, – мягко перебила она.

– А вот вы о чем, – усмехнулся Мышкин. – Не надо путать нацию и национальность. Нация может состоять из многих национальностей и этносов. Особенно русская. Вы обратили внимание, что только русская нация обозначается именем прилагательным, а не именем существительным, как остальные нации всей земли?

– В самом деле, только сейчас обратила.

– И к русской нации принадлежит потомки татарского хана Юсупова, турок по матери поэт Василий Жуковский, натуральный швед Владимир Даль, эфиоп Пушкин, разбавленный двумя поколениями русских со стороны матери.

Русским, даже ярко выраженным, стал полуеврей Солженицын...

– Александр Исаевич!.. – воскликнула Марина. – С чего вы взяли? Ну, это уже...

Он внимательно посмотрел на нее и спросил обычным, не лекторским тоном:

– Вы что – обиделись? Он ваш знакомый? Родственник?

– Нет-нет. Но почему вы...

– У него же и прочитал. По-настоящему его зовут Александр Исаакович. Исаевич – отчество-псевдоним. Настоящее ему показалось неизящным. И тогда он, по сути, отказался от родного отца.

– А вы? Вы на его месте не отказались бы?

– От отца-еврея? Никогда! – искренне заявил Мышкин. – Никогда! – повторил он. – Мы же не выбираем себе родителей. Они у нас от Бога. И мы должны гордиться своими родителями. Независимо от их национальности, а значит, и нашей...

– Вот как! Интересно, очень...

Она застелила стол белой крахмальной простыней.

– Начнем, – сказала Марина, натягивая медицинские перчатки.

– Минутку, – попросил он. – Мне надо закончить мысль, иначе я буду вам мешать в гуманной работе.

Она рассмеялась, и он снова крикнул без звука: «Где ты была десять лет назад?..»

– Заканчивайте.

– Так вот... За десять-пятнадцать лет умный, добрый, необычайно одаренный и отзывчивый народ превратился в нацию дебилов. Исключения крайне редки. Поляризация ошеломляет. На одном полюсе людоеды, точнее, удавы. Их пять процентов от общей численности населения. Но этого особые удавы. У них отсутствует чувство насыщения. И потому они жрут без перерыва, глотают и глотают... На другом же полюсе – стадо перепуганных, мокрых от страха кроликов, которые исправно выполняют поставленную перед ними задачу: в порядке строгой очереди, соблюдая дисциплину, прыгать в пасть удавам. Иногда один-другой из них пищит. И даже в интернете свой писк публикует. Это когда удав его глотает без соблюдения демократической процедуры. Но за двадцать лет удавы научились демократии. И никто не пищит. Таких кроликов у нас восемьдесят пять процентов. Остальные десять – непонятно кто.

– И вас это так волнует? – выпрямилась Марина.

– Разумеется, нет, – решительно ответил Мышкин. – Давно не волнует. Но довольно часто доставляет мне боль. Физическую.

– Странно... – пожала плечами Марина. – Казалось бы, все должно быть наоборот. За долгие годы непонятно чего, наконец, появилось что-то объединяющее. И восторг от возврата Крыма, и горе от войны на Украине сильно действуют на души людей...

– Знаете, – перебил ее Мышкин. – Это единство, точнее, объединение планктона в пасти голодного кита. Телевизор вопит все пронзительнее, кремлевские постаревшие мальчишки воруют все наглее, а мы должны изображать единство. Единство лошади и всадника – это мне понятнее.

– Вы можете что-нибудь изменить?

– Не могу.

– Тогда ваша задача для начала – не радовать своих недругов. Они не должны радоваться оттого, что вы страдаете.

Потрясенный таким неожиданным выводом, он уставился на нее.

– В самом деле, – признался он. – Такая простая и хорошая мысль мне никогда в голову не приходила.

– Итак, больной! – потребовала Марина, отламывая шейку от ампулы и наполняя шприц. – Прекращаем споры. Но молчать тоже не надо. Разрешаю и даже прошу читать мне стихи. Хорошо помогают в работе.

И она ввела ему под скальп лидокаин.

Мышкин откашлялся и, чуть вздрагивая, когда ему в скальп вонзалась очередная скрепка, вполголоса, но с чувством прочел:

*В моей гостиной на старинном блюде
Выгравирован старый Амстердам.
Какие странные фигурки там!
Какие милые, смешные люди.*

*Мясник босой развешивает туши.
Стоит румяный бургер у дверей.
Шагает франт. Ведут гуськом детей.
Разносчик продает большие груши.*

*Как хочется, когда порою глянешь
На медную картинку на стене,
Быть человеком с бантом на спине,
В высоких туфлях, в парике, кафтане.*

*И я, сейчас такой обыкновенный.
Глотающий из папирасы дым,
Казаться буду мелким и смешным
Когда-нибудь... И стану драгоценным.*

– Очаровательно, – отозвалась девушка. – Конечно, это ваши стихи. Я даже не сомневаюсь.

Поколебавшись, Мышкин с большим трудом сказал правду:

– Владимир Пяст. Его почти никто не знает. Все тот же серебряный век...

Она управилась за час с небольшим, и Мышкин заявил, что у нее очень легкая рука.

– Как пушинка. Большое счастье для ваших пациентов. Вы можете рвать зубы без наркоза.

– Иногда я так и делаю. Когда пациенту наркоз не показан. Так могут работать еще два-три стоматолога в городе.

– Неужели? – изумился Мышкин. – Я-то полагал, это ред-

кий феномен.

– Редкий. Но моей личной заслуги здесь нет. Спасибо предкам.

Осмотревшись, Дмитрий Евграфович спросил:

– Это действительно ваша квартира?

Она рассмеялась, и у него снова заныло сердце.

– Вы решили, что я вас привела в чужую?

Он еще раз огляделся:

– Я знаю эту квартиру. И вас знаю! Причем давно. Я здесь был несколько раз.

Выйдя после душа из ванной, Мышкин потянул носом воздух и растроганно покачал головой. Из кухни шел густой аромат чуть подгоревшего варенья и очень вредной, но очень вкусной сдобной выпечки, перед которой Мышкину ни разу не удалось устоять, тем более что на вес она не влияла.

– Как вы успели? – восхитился он. – Так быстро.

Марина откинула назад платиновую прядь.

– Старалась. В жаркий день все печется быстрее.

Не дожидаясь приглашения, Мышкин уселся за стол, придвинул к себе сухарницу с горячими рогаликами и с шумом их обнюхал.

– Разрешается? – спросила Марина.

– Я не то хотел сказать... В каждой семье, вернее, в большинстве семей... во многих... всегда есть некий набор вкусовых предпочтений. Мать печет блины и кладет на пять

граммов соды больше, чем принято у других хозяек, ее машинально повторяет дочка, потом внучка... Не зря же каждая квартира пахнет по-своему.

– И что вы обнаружили?

– Мне знаком аромат ваших рогаликов.

– У меня нет настоящего кофе, – сказала она. – Только растворимый. Правда, говорят, из лучших.

– В свободной торговле и жжена пробка под названием «кофе – высший сорт» бывает разного качества, – согласился Мышкин. – Но с вашими рогаликами любая подделка покажется подлинником.

– Разве что «покажется», – усмехнулась Марина и поставила на стол бутылку московского коньяка.

Он выпил две рюмки. Марина, оказалось, не пьет вообще.

На голове Мышкина торчали двенадцать стальных скрепок, словно антенны космического шлемофона. Одет был в прекрасные фирменные джинсы, новую темно-синюю, очень дорогую, футболку с вышитым крокодилом на левой стороне. На ногах у него красовались настоящие английские кроссовки – он сразу заметил, что настоящие, а не китайская дрянь. Правда, одежда на нем слегка болталась.

– Так что же вы делали в моей квартире? – спросила Марина.

– Зачеты сдавал по истории медицины вашему отцу. И чай пил за этим самым столом. Между прочим, с такими же ро-

галиками.

– Да, папа всегда кормил студентов. Один, помню, отказывался, так папа пригрозил, если он не будет есть, не получит зачет. Я даже фамилию его запомнила. Кошкин.

– Да, это был я! – хохотнул Мышкин. – Я тогда очень торопился. Меня однокурсники ждали в пивной под Думской башней. Вот тогда я вас в первый раз увидел. Вам... тебе... вам было...

– Четырнадцать лет.

– Значит, сейчас двадцать семь?

– Двадцать девять. Совсем старуха.

– Двадцать девять... Надо же! – он покачал головой. – Конечно, во все времена юные хотят казаться взрослыми и нескромно годы себе прибавляют... – но она не оценила прозрачный комплимент, и Мышкин круто сменил курс. – Кстати, не думал, что Михаил Вениаминович так одевается. Мы всегда считали его несколько старомодным. Не могу представить его в кроссовках.

– Какой Михаил Вениаминович? – удивилась Марина.

Он уставился на нее.

– Как это «какой»? Да твой отец! Забыла, как отца родного зовут?

– Это не отца вещи.

– А чьи же?

– Мужа, – ответила Марина.

Мышкин хрюкнул, кусок рогалика застрял в глотке. Он

с трудом проглотил, отдышался и выговорил мрачно:

– Вот так всегда...

3. Литвак, мертвые старухи и синие черти

В патологоанатомическом отделении Мышкина встретили дружным ревом.

– Ну, что я говорил? Что я говорил?! Я всегда говорил, что наш Полиграфыч, если надо, ползком с того света доберется до любимой работы! – потрясал в воздухе худыми кулачками прозектор Толя Клюкин – щуплый сорокалетний живчик, половина массы которого состояла из дремучей бороды. При каждом движении она громко шелестела, словно искусственная елка.

– Оттуда и дополз! – второй раз за сегодня сказал правду Дмитрий Евграфович.

Старший прозектор Татьяна Клементьева ничего не кричала. Мощная тридцативосьмилетняя девушка только улыбалась и ласково гладила шефа по плечу. Шеф машинально отметил, что рука Клементьевой, несмотря на всю нежность, как всегда, тяжелая. Прозвище Клементьевой было Большая Берта¹.

В прошлом году она получила старшего, и в ПАО по этому

¹ «Большая Берта» – немецкая осадная пушка-гигант калибром 450 миллиметров. В первую мировую войну немцы использовали ее для обстрела французских городов, впрочем, с мизерным результатом (*ред.*).

поводу распечатали свежую сорокалитровую флягу со спиртом (в таких при социализме в колхозах возили молоко). Тогда начальником был еще Литвак. И под конец выпивки он вдруг заявил, что, как единственный суверен патанатомического отделения, имеет право первой ночи в отношении новой старшей и намерен осуществить его немедленно. И для начала пообещал добровольно и абсолютно бескорыстно исследовать все малодоступные места роскошного тела девушки Клементьевой.

Потом он клялся, что всего лишь пошутил. Это Татьяна напилась до потери чувства юмора. Да и вообще, Клементьева непомерно высокого мнения о себе и поэтому его слова приняла всерьез, хотя никаких оснований для того не было никогда.

А тогда, пообещав бесплатное исследование, Литвак только потянулся за рюмкой (в том же направлении сидела и новая старшая), как его словно взрывом отбросило назад. «Будто грузовик в морду въехал», – растерянно признавался потом Литвак. Но это был всего лишь женский кулачок.

Клементьева попала Литваку точно в зубы. У него сдвинулся золотой мост на верхней челюсти, кровь из разбитых губ хлынула струей. Мост ему вправили в соседней поликлинике, а губы, которые и до того выпирали из густопсовой раввинской бороды, в прежнюю форму не вернулись. С тех пор издавна казалось, что Литвак постоянно держит в зубах кусок сырой говядины.

При виде Мышкина он открыл рот (говядина исчезла), но ничего не сказал (говядина появилась), а принялся внимательно рассматривать новую одежду Дмитрия Евграфовича, словно примеривал на себя – они были почти одного роста, только Литвак чуть шире. Даже пощупал его джинсы. Наконец спросил:

– Что за прикид, шеф? На помойке нашел?

– Можно сказать, да, – вежливо ответил Мышкин.

– «Можно сказать»? Но можно и не сказать... Да?

– На барахолке, – уточнил Мышкин. – Знаешь, такие развалы на рынках, там на раскладушках торгуют краденым. Секонд-хенд называется.

– Краденое? Ну-ну! – он чуть ли не обнюхал Мышкина. – Похоже, очень похоже! Значит, ты у нас еще и скупщик краденого. Поздравляю. Узнать бы только, где украли эти джинсы и эту футболку. И кроссовки.

– И не надейся. Я своих никогда не выдаю.

– Евгений Моисеевич! – возмутилась Клементьева. В минуты волнения она всем говорила «вы». – Как же вам не стыдно! Я думала, вы воспитанный человек. И такое про нашего Диму!..

– Слышал? – Литвак отвернулся от Клементьевой и показал большим пальцем себе за спину. – Упрекает, а до сих пор во мне начальника признает. Тебя – по имени, а меня все же по отчеству.

– Как конференция? – наконец с тревогой спросил Мыш-

кин.

– Земная ось не содрогнулась, – успокоил Литвак. – Ждали тебя час. А потом за пять минут все провернули.

– Всего за пять минут? – поразился Мышкин. – Это потому, что без меня, – скромно объяснил он.

– Без тебя, без тебя! На кой черт мы им здесь вообще нужны! Уже сто лет. И ты первый не нужен, особенно в теперешнем качестве!

– Бред среди бела дня, Женя! – обиделся Мышкин: когда дело касалось его профессионального престижа, он становился невероятно чувствителен. Тут обидеть его мог каждый.

Дмитрий Евграфович страшно дорожил своей репутацией: в научных кругах России, Европейских стран и даже в Австралии его с недавнего времени стали называть одним из успешных специалистов по сосудистым патологиям головного мозга.

– По-человечески схохмить уже не в состоянии, да?

Литвак выкатил на него свои коровьи глаза и хохотнул, дохнув на начальника своей первой, почти без перегара, утренней порцией спирта.

– Когда ты, Полиграфыч, повзрослеешь? – спросил он. – «Панта рей»² – все вокруг течет, меняется, только ты ходишь

² «Панта рей» – начальные слова фразы: «Panta rhei, panta kineitai kai ouden menei» – «Все течет, все движется, и ничего не остается неизменным». Это выражение приписывают древнегреческому философу Гераклиту (ок. 544—483 гг. до н. э.) (ред.).

с башкой, повернутой назад.

Мышкину это очень не понравилось.

– Скажи-ка, дядя: сколько раз я тебе говорил, чтоб ты не принимал ничего до двух часов дня хотя бы! – набросился он на Литвака. – Или до половины второго! Из-за тебя когда-нибудь мы все пострадаем.

– Поскорей бы! – заявил Литвак. – Хоть ясность какая-то наступит...

Мышкина передернуло. Возразить по существу он опять не сумел, но чем-то ответить надо было.

– Еще раз засеку, что выпиваешь раньше четырнадцати!.. – начал Мышкин.

– И что? – радостно заинтересовался Литвак. – И что такое будет?

– Язык вырву! – твердо пообещал Мышкин. – Для твоего же добра.

– Так все-таки, что у тебя с башкой? – прищурившись, спросил Литвак.

– Парашют не раскрылся! – раздраженно буркнул Мышкин. – Второй дома забыл.

Прошел к себе и крепче хлопнул дверью.

Он никогда не согласился бы с Литваком, но... В одном, по крайней мере, тот прав: количество разбирательств, комиссий и следствий по поводу врачебных ошибок в последние десять лет сократилось на порядок. Почти прекратили и правоохранители обращаться в клинику для независимых

экспертиз. Они, в основном, теперь справляются сами и пишут себе экспертные заключения, какие хотят. Правда, никому пока не удалось скрутить руки городским судмедэкспертам. Там все еще цепляются за остатки независимости. Но это только потому, что главным судмедэкспертом в городе известный «совок»³ профессор Карташихин. И не берет, и по дружбе ничего не делает. Однако уже пошли слухи, что его песенка спета.

Без стука вошел Толя Клюкин.

– Ой-ёй! – прошуршал он бородой справа налево. – Тут, пока тебя не было, Крачок велел тебя расчленить, как появишься. А меня назначить на твое место.

– Без расчленёнки никак? – проворчал Мышкин.

– Крачок никогда не откажет себе в удовольствии! – заявил Клюкин, сверкая очками с радужными цейсовскими линзами, отчего казалось, будто в каждый глаз ему вставили по фотоаппаратному объективу.

В одном Клюкин был прав, в другом ошибался. Да, начмед Борис Михайлович Крачков никогда не отказался бы от удовольствия расчленить Мышкина на мелкие части, лучше всего – живьем. А вот на его место поставить не Клюкина, конечно, а вернуть Литвака. Тем более что говорили, что за Литвака уже ненавязчиво хлопочет его дальний родственник. Сидит этот родственник у самого алтаря – в Швейцарии. С недавних пор Соломон Наумович Златкис – ви-

³ Советский человек на жаргоне нынешних демократов.

це-президент Европейского антиракового фонда, который и есть настоящий владелец Успенской клиники. А самое главное, Златкис – основной владелец фармацевтической фирмы «Югофарм».

Мажоритарный пакет акций когда-то югославского государственного предприятия «Югофарм» литваковскому родственнику достался за гроши, когда Югославия лежала в руинах после натовских бомбежек. Считалось, что «Югофарм» тоже разрушен начисто. Поэтому новый президент Сербии американская марионетка Воислав Коштуница и новое сербское правительство, куда янки собрали самых верных своих холуев, продали предприятие по цене бросового кирпича. Самые жирные куски «Югофарма» поделили между собой два высших чиновника Госдепартамента США и две шишки российского МИДа – тогдашний министр и его заместитель Соломон Златкис, тот самый литваковский родственник. Но Златкис пошел дальше: получил фантастически дешевый кредит израильского банка и выкупил большую часть акций «разрушенного» фармзавода.

Тут вся прелесть заключалась в том, что ни одна натовская ракета, ни одна бомба, ни один снаряд на территорию «Югофарма» не упали. Всё в радиусе двух километров лежало в руинах, черных от графита, распыленного натовцами в атмосфере, чтобы разрушить электроснабжение в Сербии. А фармацевтический завод остался, как новенький.

Он был, прежде всего, интересен тем, что югославы еще

при последнем своем президенте Милошевиче, убитого «Гагским трибуналом по бывшей Югославии», начали по наработкам кубинских ученых производство уникального онкологического препарата избирательного действия. Препарат накапливается только в новообразованиях, лишая раковые клетки питания и при этом почти не разрушая другие органы и ткани. Правда, его эффективность, как и других лекарств, тоже зависит от вовремя поставленного диагноза.

Югославы только собрались приступить к серийному выпуску чудо-препарата, как началась террористическая акция НАТО «Решительная сила». В бомбовых отсеках натовских самолетов прилетела американская демократия, после чего Югославии не стало вообще. А Сербия, в частности, превратилась в неисчерпаемый источник человеческих внутренних органов для трансплантаций. Богатенькие западные Буратино платили за запчасти для своих изношенных организмов не торгуясь. А чего торговаться – дешевле только украинские.

Серьезный родственник давно вернул бы Литвака в кресло заведующего патанатомическим отделением, откуда Евгений Моисеевич слетел два года назад. Но имелось серьезное препятствие: Литвак был хроническим алкоголиком.

Начинал свой ежедневный ритуал Евгений Моисеевич сразу после утренней конференции – по пятьдесят граммов каждые полтора часа. И к шести вечера поглощал ров-

но четыреста граммов чистейшего ректификата. Это была его норма – ни грамма больше. Однажды он превысил ее на сто граммов и мертвецки пьяный заснул прямо в морге, где утром его обнаружил Толя Клюкин.

Но прежде чем будить Литвака, Клюкин вытащил из холодильного ящика свежий труп какой-то старухи и положил рядом с Евгением Моисеевичем. Потом с трудом его растолкал.

– Ваша? – деловито спросил он взлохмаченного Литвака. – То-то я смотрю, вы на молодежь переключились, Евгений Моисеевич. В прошлый раз вообще столетняя была.

Литвак дико всхрипнул и схватился за штаны. Они были расстегнуты: Толя и это предусмотрел. И дело, может быть, и осталось бы шуткой в истории ПАО, да вот только Мышкин, докладывая на утренней конференции, к эпикризу той самой старухи неожиданно для самого себя и непонятно зачем прибавил:

– Данных за некрофилическое изнасилование не обнаружено.

Конференция недоуменно зашелестела.

– Какое изнасилование? Какая такая некрофилия? – удивился главврач Демидов. – Что, нам прокуратура заказывала экспертизу? У них же теперь свои фальсификаторы – целый вагон! Обходятся без посторонних.

– Никто не заказывал, – ответил Мышкин.

– Тогда кто проводил экспертизу?

– Никто.

– А данные откуда? – продолжал удивляться Демидов.

– Так я же и говорю: нет данных, – ответил Мышкин. –

Никто ею не занимался.

– В таком случае, зачем же... – поперхнулся Демидов. –

Зачем вы тут чушь порете?

– Ну, это я так... от себя, – пояснил Мышкин. – Чтоб не скучно было.

– Не умно, Дмитрий Евграфович! – уже спокойнее заявил Демидов. – А главное, не смешно. Совсем не смешно. Полагаю, специалист вашего возраста, а, главное, вашего культурного уровня мог бы пошутить как-то поизящнее.

Так бы и сошло, но кое-кто из врачей понял, что Мышкин не просто так вбросил шутку, хоть и неумную. Значит, что-то его толкнуло. Пытались интересоваться. В ПАО все молчали, а Литвак на радостях, что его не выдали, в тот же день превысил норму уже на двести граммов. Наутро его разбудила в морге тогда еще младший прозектор Клементьева. На полу рядом с Литваком лежал труп женщины лет пятидесяти.

– Эта помоложе, – уважительно отметила Клементьева. – Везет же вам!

А Мышкин рассвирепел:

– В первый раз в жизни вижу еврея, который не только спирт ведрами жрет, но и все мозги пропил!

Литвак пыхтел, из-за его всклокоченной, черной, как са-

пог, борода не было видно лица, только глаза дико выкатывались.

– Сейчас вывалятся шары твои – ищи их потом по всем углам! – с отвращением сказал Мышкин. – Контролируй ха-ризм, Мозес!

И на следующей конференции, зачитав эпикриз очередной покойницы, Мышкин снова ни с того, ни с сего бухнул:

– Экспертиза на некрофилическое изнасилование не проводилась.

«Что за черт? – изумленно спросил он у себя самого. – Кто меня за язык потянул?»

– А? Что? – встрепенулся главврач: он беседовал со своим заместителем профессором Крачковым и потому слушал Мышкина вполуха. – Почему не проводилась? – строго спросил он. – Кто прошляпил?

– Так ведь никто не заказывал, – сообщил заведующий ПАО Мышкин.

– Не заказывал, – в раздумье повторил Демидов. – А должен был заказать?

Мышкин пожал плечами. Конференция закончилась в легком недоумении.

Вот когда слухи завертелись! Однако чем больше в ПАО отнекивались, тем горячее становились проклятые слухи. И они выросли дополнительным препятствием для реставрации Литвака.

Мышкин спустился в прозекторскую. Там были Литвак и Клементьева.

– Четырнадцать, – пересчитал Литвак скрепки.

– Двенадцать, – хмуро поправил Мышкин. – Уже с утра посчитать правильно не можешь.

– Так что там у тебя?

– Ты уже спрашивал! – огрызнулся Мышкин. – Фурункул.

– Затылочной доли мозга?

– Той самой доли, которой у тебя давно нет! – отрезал Мышкин и подошел к секционному столу.

На нержавеющей синеватой стали лежал пожилой грузный азиат.

– Наш? – спросил Мышкин.

– Из четвертого отделения, – ответила Клементьева.

Мышкин пролистал эпикриз. Опухоль желудочков головного мозга. «Почему не оперировали? Ага, вторичная, непредвиденная. Вливали бывший югославский, а теперь швейцарский цитоплазмид. Двадцать четыре капельницы. Почему не помогло? Поздно проснулся. Тогда зачем капать? Глупый вопрос: теперь такое лечение называется у них „терапия отчаяния“. Оперировать поздно, а изображать лечение надо, потому что заплачено и клиент богатынький, можно до смерти обдирать...»

Он бросил взгляд на лицо мертвеца. Широкая, медная не успевшая осунуться морда. Типичный бай. Березовский из Киргизии. Или Абрамович из Казахстана. «Что ж ты так

поздно спохватился, Абрамович косоглазый? Решил, если денег мешок, то и болезнь подкупить можно, как следователя прокуратуры? Что для тебя одна капельница цитоплазмиды – восемь тысяч долларов. Залился бы. На весь курс всего-то сорок капельниц. Копейки».

На шее у яремной вены у бая едва видна черная точка: след шприца. Похоже, в реанимационной вливали, пытались вытащить с того света, но без толку. И не помогли большие деньги косоглазому Абрамовичу: оказывается, смерть взяток не берет.

Он вспомнил, как на предпоследней конференции главврач Демидов огласил свежую статистику по онкологии. Выходило, что в России свирепствует самая настоящая эпидемия. Со всеми формальными признаками. Особенно страшно, что рак добрался до массы детей. Главврач утверждал, что основная причина широкого и необычайно быстрого распространения опухолевых заболеваний – системное ослабление иммунитета большей части населения России.

– Обратите внимание, коллеги, – сказал он на конференции. – Мне самому не нравится то, что я хочу вам сообщить, но вынужден. Эпидемия имеет место, и индуцирована она, прежде всего, факторами социальными. Богатые болеют меньше. По моим данным, которые, конечно, надо еще проверять и уточнять, сегодня основной причиной эпидемического распространения онкологических заболеваний по-прежнему остается то перманентное стрессовое состоя-

ние, в котором уже второе десятилетие пребывает большинство населения России. Но не менее важен и второй фактор – качество питания. Человек состоятельный не ест сосисок за двести рублей из генно-модернизированной сои, не ест генно-модернизированную картошку или помидоры, фаршированные генными вирусами. Он не пьет молоко из генно-модернизированного крахмала. Вся эта смертельно опасная и фантастически дешевая дрянь предназначена для бедных, которых у нас, даже по официальной статистике, не меньше семидесяти процентов от численности всего населения. Эти семьдесят процентов приговорены, безо всякой вины, к смертной казни, причем в самой мучительной ее форме. Эти люди никогда не смогут платить за цитоплазмид. Но, конечно, на самом деле приговоренных больше семидесяти процентов. Нозологический профиль различных новообразований становится все разнообразнее и, что характерно, все больше фиксируется у сельских жителей...

– У остатка сельских жителей, – буркнул Мышкин себе под нос, но его услышали все.

– Можно и так, – согласился главврач. – В любом случае, из абсолютно медицинских категорий вытекает вывод парамедицинский... Государство не имеет права равнодушно смотреть на эту ситуацию хотя бы потому, что если исчезнут эти бедные, то некому будет работать на богатых.

Он иногда позволял себе фрондерские выходки, но они всегда воспринимались в клинике как профессорское кокет-

ничанье. Но в этот раз на Демидова кто-то донес, и его вызвали в горздрав.

Что там было, Демидов не сказал никому. А Мышкин поинтересовался.

– Я предложил задуматься о тех самых... о бедных, – хмуро проговорил Демидов. – Которых, даже по официальной статистике, каждый день все больше. Без которых государство останется вообще без подданных. Россия по-прежнему теряет по два миллиона граждан в год. И Гитлер не нужен.

– Надо же – такой аргумент придумали! Можно подумать, вы тайно состоите в иезуитском ордене.

– Увы! Не состою.

– А хотели бы?

Барсук подумал всего секунду:

– Конечно! Такой ресурс! Попробовал бы кто-либо мне мордобой устроить, как сегодня!... Братья-иезуиты всех бы их на асфальт раскатали. Главное, без шума, по-иезуитски.

– Догадываюсь, что вам ответили.

– Не догадываетесь. Что, по-вашему?

– Нет свободных денег, потому что экономический кризис у нас на дворе, рубль рухнул на метр в землю, нефть дешевле газировки, и поэтому надо помогать в первую очередь несчастным миллиардерам-банкирам.

– Ошибаетесь, любезнейший мой доктор!⁴ Мне сказали другое: «Откуда ты взял столько бедных?» Предложили по-

⁴ Так Мефистофель обращался к Фаусту (*ред.*).

смотреть в окно: вон сколько на улице автомобилей. Откуда бедным взяться, в самом деле, при таком количестве фордов и тойот?

– Су-ки, – медленно произнес Мышкин. – Это их главный аргумент. И ведь на кого-то действует: автомобиль ведь большой, у нас во дворе их полтора десятка, а кажется, что весь Питер загроможден. Пусть бы в Кострому или в Воркуту съездили...

Главврач достал из бокового кармана алюминиевую трубу из-под кубинской сигары «белинда», вытряс оттуда на стол черный, еще жирный окурок («Бразильская! – определил Мышкин) и закурил. Сделав две затяжки, поплевал на окурочек и снова сунул в трубу.

– Хоть бы содохнуть поскорей, – прикрыв глаза, произнес Демидов. – Мне. Надоело всё.

– Ни в коем случае! – возразил Мышкин. – Нам с вами, Сергей Сергеевич, надо досмотреть это кино до конца.

– Какой смысл?

– Большой! – убежденно ответил Дмитрий Евграфович. – Все удовольствие от любого боевика – в конце. Когда хорошие парни побеждают, смеются, пьют виски и хвалят билль о правах вместе со второй поправкой к конституции США. А плохие с пулями в головах плачут, играют на балалайках, пьют кружками водку и танцуют с медведями.

– Нет, не дождемся, – покачал головой Демидов. – *Эти*, повторяю, надолго. Власть у них можно вырвать только вме-

сте с руками...

Он снова вытащил окурок, сделал пару затяжек и стряхнул белый пепел в пепельницу из настоящего человеческого черепа, инкрустированного бронзой.

Пепельницу из настоящего человеческого черепа подарил главврачу Литвак, когда еще был заведующим. Дело случилось на всеобщем сборище в конференц-зале по случаю дня рождения главврача.

Голову для пепельницы взял от невостребованного трупа какого-то бомжа. Литвак дело никому не доверил и два дня собственноручно вываривал голову и тщательно выскабливал. Вонь стояла по всей клинике и выходила на улицу, но обошлось.

На день рождения Литвак явился с черепом подмышкой, вручил его юбиляру и, не дожидаясь команды, сел за стол и набросился на выпивку.

Стол, накрытый в конференц-зале, был обычным – бутерброды с докторской колбасой, с ветчиной нескольких сортов, но с одинаковым вкусом хозяйственного мыла, и с балтийской килькой, выложенной на хлеб без сливочного масла. Был май, раньше женщины мариновали специально ко дню рождения Демидова знаменитую питерскую корюшку, но отцы-правители города позволили строительным акулам засыпать часть Финского залива под бизнес-застройку, и корюшка почти пропала. Теперь ее подают в ресторанах по це-

не дороже норвежской семги.

Выпивка была тоже традиционная: разбавленный водой из крана и охлажденный спирт, разлитый по химическим ретортам и по банкам для хранения человеческих органов. В спирте плавали лимонные корки.

Торжественная часть еще шла, но Литвак сумел опустошить две реторты подряд. Больше ему не дали: Демидов запретил.

Тогда сильно Литвак огорчился. Грустно посидел минут пять и спустился в патанатомическое отделение.

Большая молочная фляга на сорок литров была, как всегда, заперта на цепь и обычный амбарный замок. Литвак пошарил по карманам – ключа не оказалось.

– Странно, странно... – пробормотал он. – Кто-то меня обокрал. Мышкин – кто еще... Давно, гад, под меня копает.

Ключ от фляги со спиртом в ПАО – это скипетр и держава одновременно, символ реальной власти, терять его – плохая примета. Литвак сначала внимательно осмотрел свой стол, пошарил в бумагах, одновременно сбросив на пол тот самый ключ, который лежал на виду, рядом с настольной лампой. Обыскал ящики и тяжело задумался. Потом полез в стол к Мышкину.

Он хорошо знал, что в нижнем ящике Мышкин прячет самые любимые свои инструменты – хирургический молоток и долото фирмы «Becker-Solingen». Даже прикасаться к ним он никому не давал. Ага, вот он, Золинген.

На третьем ударе по замку долото выскользнуло у Литвака из рук и улетело куда-то в темный угол, звякнув на кафельном полу. Тогда он ударил по замку молотком. Замок остался на месте. Молоток отломился, упал на пол, в руках Литвака осталась только хромированная ручка.

– Немецкое качество! – возмутился Евгений Моисеевич. – Дерьмо, а не Золинген. Надули тебя, Дима, с твоим Золингеном. Китайцы наверняка.

«Что же теперь? – задумался он. – Не в ларек же за водкой бежать».

Он огляделся и остановил взгляд на стеллаже, уставленном банками со спиртом. В них плавали препарированные человеческие органы. Тут Литвак хлопнул себя по лбу:

– Ну, конечно! А я что ищу?

Он решительно снял крышку с ближайшей банки, в которой плавали чьи-то мозги, посеревшие от времени. И с удовольствием отпил спирта сразу граммов двести.

Выкурив две сигареты подряд, Литвак с полчаса сидел, как каменный, подперев кулаком подбородок и глядя на свое отражение в стеклянном шкафу. Он подумал, что именно так и должен выглядеть настоящий мудрец, в отличие от каменного Поля Дирака, ученого, чей скульптурный портрет, высеченный знаменитым французским скульптором Огюстом Роденом, больше известен под названием «Мыслитель».

Скоро он с грустью отметил, что добавка не принесла ожидаемой эйфории в мозгу и облегчения в душе. Напротив, ду-

ша налилась тяжелой ненавистью, а мозг вообще отказывался работать.

Он достал третью сигарету, как вдруг обнаружил, что в банках с препаратами что-то шевелится. Пригляделся и остолбенел.

В банках сидели чертики, правда, небольшие, но всё своё было при них – козлиные копытца, прямые острые рожки, хвосты с кисточками. Только были чертики не привычные, зеленые, а темно-синие, бархатные, и каждый – с физиономией главврача клиники профессора Демидова Сергея Сергеевича.

Литвак внимательно осмотрел все двадцать восемь банок. И в каждой нашел по маленькому темно-синему профессору Демидову с рожками и хвостиком.

Евгений Моисеевич стоял совершенно обалдевший, покачиваясь, как на молитве в синагоге, а чертики над ним потешались: скалили острые мелкие зубы, визжали, хохотали, корчили рожи, показывали крошечные волосатые кукиши. Один плевал в заведующего ПАО прямо сквозь стекло, и с такой интенсивностью и скоростью, что белый халат Литвака мгновенно оказался весь в плевках и соплях. Тут-то терпению его пришел конец.

– Ну, шеф! – зарычал Литвак, обращаясь ко всем чертям сразу. – Совсем обнаглел, однако! Мало что поиздевался надо мной наверху!.. И здесь достал. Но даром тебе номер не пройдет! Уж я научу тебя и родину любить, и страховую

медицину! И меня, Литвака, тоже любить научу. Подожди, я сейчас! – с угрозой пообещал он.

Литвак сбегал за электрофрезой для вскрытия черепов. Вернувшись, с удовлетворением отметил: все черти на месте. Не разбежались и продолжали всю хамить и издеваться, не подозревая, что их ждет.

Литвак врубил фрезу и прошелся алмазным резакom по всем банкам твердой рукой, привыкшей к ежедневной работе с инструментом. Черти завопили, заныли, запищали, захныкали, но он неуклонно шел к цели. Закончив, обвел взглядом стеллаж и остался доволен работой. Все банки были распилены точно посередине.

Черти в панике повыскакивали и все сразу, кучей, бросились бежать по ступенькам вверх. У двери возникла давка. Каждый рвался пролезть первым. Черти толкались, визжали, били друг друга по мордам, рвали хвосты, кусали друг друга за уши и в смертельном страхе оглядывались на Литвака.

– Беги, беги, профессор хренов! – кричал им вслед Литвак. – Думал меня голыми руками взять? Думал испугать меня, начальник? Так знай: теперь ты – бывший начальник! С завтрашнего дня главврач – я, а ты санитаром будешь на подхвате у Клюкина! И я тебе башку оторву за перерасход спирта.

Черти, наконец, пропихнулись в дверь и исчезли. Литвак был доволен – не скоро Демидов забудет нужный и полезный урок.

Выпив еще немножко, в самом радужном настроении Евгений Моисеевич вышел на Большой проспект Васильевского острова и принялся ловить мотор. Через пару минут около него резко затормозил белый форд с синей полосой по бокам. Однако едва успел Литвак назвать водителю свой адрес, как из машины выскочили двое полицейских, затолкали его внутрь и выгрузили только в вытрезвителе на Канареечной улице. Там его внимательно обыскали, изъяли 500 долларов и пять тысяч рублей. И оставили отсыпаться на холодном бетонном полу, пропахшем застарелой мочой.

Наутро Мышкин пришел на работу первым. Открыл дверь, спустился по лестнице и неожиданно поскользнулся. Грохнулся на кафельный пол с такой силой, что очки отлетели на два метра в сторону.

Он включил свет, нашел очки, огляделся и сначала не понял, куда попал.

На кафельном полу валялись кишки, почки, отдельно желтела кучка раздавленного головного мозга со следами инсульта. Прямо под ногами Мышкина лежал мужской член, аккуратно разрезанный на тонкие кружки, словно салями в супермаркете.

Но самое ужасное, на полу валялся его любимый молоток, варварски разломанный. Бедный Мышкин сразу осознал, что отремонтировать молоток не получится – ни одна сварка не удержит прекрасную высоколегированную сталь.

От горя его отвлек местный телефон. Секретарша велела бежать к главному.

– Скажите мне честно, Дмитрий Евграфович, – спросил Демидов с какой-то тоской в глазах. – Только не обижайтесь... Вы когда в последний раз были в вытрезвителе?

Мышкин ошарашено уставился на начальника.

– Так когда же? – нетерпеливо переспросил Демидов. – Я никому не скажу. Ночевали там когда?

– Это шутка такая, гражданин начальник? Смеяться уже можно или нет? – наконец спросил Мышкин.

– Я серьезен, как никогда, – насупился Демидов.

– Побойтесь Бога, Сергей Сергеевич! Ни разу в жизни!

– А на Канареечной? Только честно.

– Я по-другому не умею, – заверил Мышкин. – Не знаю даже, где он там находится.

– Странно, – задумался главврач. – Очень странно...

– При чем тут вытрезвитель?

– Ваш руководитель сегодня ночевал в вытрезвителе на Канареечной.

Мышкин рассмеялся, правда, смех вышел кисловатый.

– И все-таки шутить изволите, Сергей Сергеевич, – предположил он с надеждой.

– Какие, к дьяволу, шутки! – крикнул Демидов. – Я похож на идиота? – и добавил спокойнее. – Оттуда только что звонили. Надо его забрать. Литвак просил, чтоб только вы приехали и никто другой. Сказал, что вас там хорошо знают.

– Брешет, собака! – заявил Мышкин. – Наверное, от белой горячки еще не отошел.

– Ну, так и разберитесь на месте! Возьмите санитарную машину. Я уже распорядился.

Мышкин поднялся.

– Разрешите идти?

– Нет, не разрешаю. Сядьте. Значит так. Отвезете его домой. Пусть отсыпается. Да и видеть его не могу. Вчера нахамил, сегодня из вытрезвителя ошастливил...

– Понятно... Так я пойду?

– Да. То есть, нет! Жить дальше будем так: с завтрашнего дня Литвак у вас в подчинении. Вот такая рокировка, как говаривал когда-то товарищ Ельцин. Приказ я уже подписал. Теперь можете идти.

Но Мышкин не сдвинулся с места. Тяжко вздохнул.

– Что, ошалел на радостях? – усмехнулся Демидов.

– Спасибо за доверие, Сергей Сергеевич, – сказал Дмитрий Евграфович безо всякой радости. – Но очень уж неожиданно.

– Хорошие дела всегда неожиданны. Это плохих ждать не надо – сами приходят. Как в нашем случае... с Канареечной.

– Сергей Сергеевич! – решительно сказал Мышкин. – Мне кажется, в таком деле не стоит торопиться. Полагаю, с Литваком еще не все ясно. Может, он стал жертвой полицейского произвола. И потом, не могу я садиться на неостывшее

место. Женя ведь мой приятель – еще с института. Мы с ним вместе пятнадцать лет работаем. Как я в глаза ему буду смотреть? Да и его родственник в Женеве... Тоже учитывать надо.

– В глаза? Честно будешь смотреть ему в глаза, Дмитрий Евграфович. Честно! Литвака так и так увольнять надо. Так уж лучше пока просто понизить. Никакой родственник возражать не станет, потому что репутацию нашей фирмы нельзя в вытрезвителе топтать. Даже на Канареечной. В нашем деле репутация – это деньги. Большие деньги. Ты хоть понимаешь? И кого на его место? Знаешь?

– Не знаю, – честно ответил Мышкин.

– Зато я знаю! Все. Пошел. Вези подлеца домой.

– Иду.

Но Демидов снова его остановил.

– У вас там все нормально? – неожиданно спросил он. – Говорят, шум там был какой-то ночью. Колотили что-то. Вскрывал сверхурочно?

И Мышкин, немного поколебавшись, с большой неохотой рассказал, как едва не сломал себе шею, поскользнувшись на кишках. Про молоток ни слова.

Главврач недобро помолчал, снова достал окурок своей «бразиль». Глядя, как он прикуривает, Мышкин отметил, что каждый раз Демидов извлекает из «белинды» один и тот же окурок. «Самовозобновляемый он у него, что ли?»

– Так что же это было? – спросил Демидов.

– Сам не могу понять, – признался Мышкин, – Кому понадобилось? Кто разгром учинил?

– Delirium учинил. Вместе с tremens'ом⁵, – деловито сообщил Демидов. – Тебе не понятно, видите ли... А мне все понятно! Охрана уже доложила: последним из ПАО уходил Литвак. Ключ после него никто не брал.

– Вот оно! – огорчился Мышкин. – Жаль, что так у него вышло.

– А ты: «Поспешили, гражданин начальник!» Иди отседа, гуманист недорезанный.

Так Мышкин стал заведующим патологоанатомическим отделением.

⁵ Delirium tremens – белая горячка (*лат.*).

4. Глубинный смысл пьянства по Литваку

С тех пор Литвака не видели трезвым вообще. Никто и никогда.

Через пару месяцев, набравшись духу, Мышкин сказал, вкладывая в слова весь запас доброты и сочувствия:

– Жень, нельзя же так. Я сам алкоголик с дореволюционным стажем. И то не могу смотреть на твое самоистребление. Сделай перерыв... хоть на пару недель. Даже на одну. Должен ведь быть предел какой-нибудь! А?

– Это верно, – с неожиданной легкостью согласился Литвак. – Безусловно, должен.

– Ну, вот, ты все прекрасно сознаешь... – с облегчением сказал Мышкин. – Если даже Барсук тебя не выбросит за ворота, то все равно: не в вытрезвитель опять, так элементарно под трамвай попадешь. Или под поезд метро. Разрежет рельсовый транспорт тебя на куски, и на шашлык не сгодишься. Собирай тебя потом в кучу... Но это еще не так страшно. Ты о нас подумай. Пришлют на твое место варяга. И будь он хоть сто раз трезвенником... Зачем нам это нужно? Зачем нам тут, можно сказать, в родном доме, посторонний, совсем чужой человек?

– Ты еще никогда не высказывался более точно! – одобрил Литвак.

– Так когда пьянку остановишь?

– Когда?.. – задумался Литвак и внимательно посмотрел в потолок.

Он долго мял в кулаке свою раввинскую бороду, отливающую синевой, как ствол карабина «сайга». Наконец произнес решительно – как гвоздь забил в гроб с одного удара:

– Никогда!

– Идиот! – рявкнул Мышкин. – Издеваешься? Над кем? Над своими друзьями, которые почти родственники тебе, глумишься! Ни стыда, ни совести – все пропил.

Литвак покачал головой и сказал с печалью:

– Нет, не издеваюсь. Тут, брат, совсем другое.

– Что еще?

– Мне бросать пьянку никак нельзя, – грустно вздохнул Литвак.

– Абстиненция? Всего делов-то! – махнул рукой Мышкин. – Попринимай пару недель транквилизаторы, и никакого синдрома. Не хуже меня знаешь. А там и выпить можно. Раз в неделю. Или два. Но понемногу.

– Нет, не то говоришь, – с еще большей печалью произнес Литвак. – Не в похмелье дело. Все намного глубже. И сложнее.

Он открыл ящик своего стола, вытащил плоскую бутылку на триста граммов и сделал несколько медленных крупных

глотков неразбавленного. «Далеко зашел, – безрадостно отметил Мышкин. – Как нарзан, спиртягу хлещет».

– Мне бросать мою системную и хорошо отлаженную алкоголизацию нельзя потому... – произнес Литвак и сделал еще два глотка, очень громких. – Мне нельзя бросать пьянку потому... Потому, что... Потому, что может случиться непоправимое.

– Ну, не пугай, не пугай... – запротестовал Мышкин.

– Если я протрезвею, то повешусь или утоплюсь. В тот же день. Поверь, я серьезно.

– От стыда, что ли? – криво усмехнулся Мышкин.

– Именно. От стыда. Мне очень стыдно будет осознавать, среди каких ничтожеств и бездарностей я вынужден находиться каждый день. И тратить на общение с ними свою драгоценную жизнь. А ведь она у меня одна и, главное, последняя. Я не тебя с Клюкиным имею в виду, – великодушно уточнил он. – А всё и всех, – Литвак повел рукой вокруг, – всю эту толпу, всю эту страну, всю эту Эрэфию ублюдочную – и ее мертвецов, и тех, кто только разогнался на пути к могиле. Я нормальный человек, Дмитрий. И не смогу трезвым жить в вашем идиотском, гнусном, лживом, вонючем обществе, в вашей дохлой, гнилой стране, которую вы якобы построили – за четверть столетия! Да за это время десять Советских Союзов или пять Америк можно было построить! Но вы ее сначала раздербанили. И назвали это «возрождением России». Заменяли одни слова другими и, скажу со свой-

ственной мне прямоотой и искренностью: стали все поголовно врать самим себе. С восторгом. «Я русский – какой восторг!» – это Суворов, да? Но у него хоть были *основания* такое переживать. А у тебя? А у остальных ста сорока миллионов таких же, как ты, потребителей телевизионной каши, не раз уже съеденной тобой же?

– Я телевизор совсем не смотрю! – обиделся Мышкин.

– Тем хуже для тебя! Даже не знаешь, на какого червя вас всех ловят. А смотрел бы, может, и разобрался. Думаешь, достаточно пройти на 9 мая с портретом деда, солдата *той* войны, чтобы примазаться к восторгу Суворова? Да Суворов в гробу переворачивается, глядя на ваше строительство «новой русской нации»! Уж лучше добить эту бездарную суку!..

– Какую? – удивился Мышкин.

– Суку по кличке «Россия»! – отпечатал Литвак. – Чтoб не мучилась больше. Совершить такой вот акт человеколюбия.

Мышкин сначала онемел, потом подпрыгнул чуть ли не до потолка.

– Что? Что ты несешь, болван! – закричал он. – *Мы* построили? Добить? «Какой восторг», значит? А не твои ли соплеменники украли все бабки под видом перестройки и демократии, украли заводы и фабрики, землю, леса и воровать продолжают, и сейчас по сто миллиардов баксов вывозят в оффшоры каждый год?!

Литвак усмехнулся с нескрываемым презрением.

– С вашего позволения, герр Мышкин, или как вас там... товарищ Дима. Мои соплеменники воровали – да! Ровно столько воровали, сколько им предлагали и даже навязывали *твои* соплеменники, мой дорогой. И воровали они вместе. По общему согласию. И по общей любви. По любви к деньгам. Крали они все организованно – по квотам и под контролем КГБ. Моих соплеменников и сегодня здесь мелкий процент, а твоих – сто сорок миллионов. И Ельцина настоящая фамилия была не Рабинович, и Путина зовут, кажется, не Веня из Бердичева, а Вова из Питера.

– Ну, Путина ты уж того... – нехотя отступил Мышкин. – Хотя я в политике ни ухо, ни рыло, но даже мне видно, что он меняется... Вернул Крым – что может быть нагляднее. Не дал бандере Донбасс уничтожить. В Сирии исламистов бомбит. Значит, есть чем летать и бомбить. При Ельцине не было чем.

– Ха! И ты со своей клешней туда же – куда конь с копытом, – плюнув на пол, Литвак отхлебнул из бутылки. Посмотрел сквозь нее на свет, покачал озабоченно головой и вытер губы. – Если ты не полный идиот, – заявил он, – а идиот наполовину, то должен был заметить: Крым *сам* свалился ему в руки. Все сделали местные. Я многих там знаю, с детства. Десять лет они готовились к нападению со стороны Бандерляндии. И дождались момента. Опередили бандеру на каких-то два дня, когда те своего бывшего Януковича ловили, чтоб прирезать на волне «украинского патриотизма»,

который всегда был, есть и будет всего лишь восторгом прирожденного карателя. Тогда Володимиру оставалось только принять подарок и бантик сбоку привязать. А подарочек-то весит много! Такой еще удержать надо. Силу для таких подарков иметь надо... экономику, науку, армию... Но у него ничего, кроме дружков-олигархов. И бестолковых шестерок в коммерческой организации под названием «правительство РФ». И целый зрительный зал бесплатных клакеров и фанатов...

– Не должен был возвращать Крым? Отдать бандере на растерзание? – с вызовом спросил Мышкин.

– Почему? – добродушно отозвался Литвак. – Должен. Еще десять лет назад. Ты знаешь, я в Крыму родился. Мой отец был не ювелиром или подпольным цеховиком, а морским офицером. Подводником. Капитан второго ранга Моисей Соломонович Литвак! А? Звучит?

– Звучит... – легко согласился Мышкин. – Почти как адмирал Корнилов... – лицемерно добавил он.

– Адмиральские лампы папаше не светили, – возразил Литвак. – Сам понимаешь, пятая группа инвалидности⁶. Но все равно, боевой офицер. И умер он не от ран, а от огорчения, когда Ельцин отдал Крым бандерлогам. ЕБН и флот хотел отдать, как старую куртку, но хорошо, что такие, как адмирал Катасонов и мой папаша, не допустили... Но Крым

⁶ В советских анкетах для отдела кадров пятым пунктом значилась «национальность».

все эти годы плохо лежал. Не Путин, так Обама взял бы. И не почесался бы. И плевал на всех хотел Барак Хусейнович.

– Значит, справедливо сделал Путин?

– *Хвилософ* из морга, ещё один Хома Брут, – едко заметил Литвак. – Запомни: *справедливости требует только слабый!* И только слабый к ней взывает. А сильный молча делает свое дело. И заставляет всех признать свои дела справедливыми. Так было при Юлии Цезаре, при Сталине, при Рейгане – так осталось и сейчас и в человеческом, и животном мире. И в растительном...

– И все ж таки, перемены обещал Вован... Модернизацию объявил. Импортозамещение... – застенчиво напомнил Мышкин.

– Вот-вот! – подхватил Литвак. – Ты только что сам подтвердил, что я, как всегда, прав... Ты, Дима, конституциональное воплощение типичной русской простоты! Которая хуже еврейского воровства. «Обещал»... «Объявил»... А вот если я сейчас, сию минуту здесь, в родном нашем морге, объявлю своему наивному коллеге и старому другу, тебе, то есть, объявлю, что я не Литвак, твой начальник еще вчера и системный алкоголик сегодня, а на самом деле марсианин? И пообещаю тебе – по дружбе! – мешок сладких марсианских пряников в плане импортозамещения. Ты мне поверишь?

– Конечно, поверю, – ухмыльнулся Мышкин. – Ты же друг

мне. Врать не станешь.

– Не буду врать, – решительно подтвердил Литвак. – Не буду врать также, утверждая, что тебя можно чему-либо научить. Напрасное это дело.

– И снова я тебе верю – безоговорочно, – подтвердил Мышкин, но уже не так жизнерадостно. – Оброни еще одну жемчужину мудрости. Или две, – попросил он.

Литвак уже был пьян и хлопал глазами, как сова на солнце. Однако сарказм Мышкина до него дошел. И Литвак стал медленно и злобно трезветь.

– Хотя ты, Дима, и тупица, причем, безнадежный, но так уж и быть: из одной чистой жалости к тебе сообщу несколько пустяков, с помощью которых даже такой сибирский валенок, как ты, может определить, на каком свете он находится. Повальный маниакально-депрессивный психоз, который я назвал «*crymus vulgaris*», пройдет, и в сухом остатке смотри на несколько вещей. Первое: если в государстве стратегические отрасли в руках частника, а тем более, иностранца, то это не государство, а конюшня без ворот и без сторожа. Объективно. А субъективно – проститутка в последней стадии прогрессивного паралича. Ты знаешь, что энергомашиностроение и производство электричества – у немцев, что у них контрольный пакет?

– Не знаю, – проямлил Мышкин, совсем сбитый с толку. – Не врешь?

– Я же твой друг, ты сам сказал, значит, врать тебе не бу-

ду, – заверил Литвак. – Могу привести еще десятка два примеров. Только времени жаль. И без тебя сокращаю свою жизнь. Второе: ты политэкономии капитализма в институте учил?

– Как и ты, – обиделся Мышкин.

– Ну, я-то учил, – заявил Литвак. – И запомнил кое-что. Насчет финансов.

– Еще бы: исторически любимая для еврея тема, – уколол Мышкин.

– Потому и соображать умею – не в пример таким, как ты, – отпарировал Литвак. – Так вот учти: если учетная банковская ставка по кредитам в стране выше трех процентов, то развитие экономики становится невозможным в принципе. В любой стране, в любую эпоху, при любом строе – хоть при Нероне, хоть при Путине. А почему кредиты в России?

– Честно говоря, не знаю.

– Плохо, что не знаешь. Я алкаш, почетный клиент вытрезвителя, еврей пархатый – знаю. А ты, мой начальник, не знаешь.

– Деньги, Женя, меня так остро не волнуют. Хотя я их тоже люблю.

– Я не про деньги, – возразил Литвак. – Деньги – это то, что у тебя в кармане. Финансы – нечто большее, это кровь экономики, это как кислород для нас. А твое патриотическое правительство установило для экономики собственной стра-

ны кредит в пятнадцать-двадцать процентов, коммерческие банки дерут и выше. Это смерть. Как если бы тебе предложили дышать воздухом, в котором не двадцать процентов кислорода, а два. Когда издохнешь?

– Быстро, – признался Мышкин. – Так ведь санкции... Из-за Крыма.

– Несчастный ты остопоп, – вздохнул Литвак. – Вот представь себе: я на тебя разозлился и решил наказать тебя санкциями. И предлагаю тебе, чтобы ты – добровольно! – каждое утро вместо яичницы с колбасой жрал собачье дерьмо с тротуара. Будешь жрать?

– Повременю, – твердо сказал Мышкин. – Но скорей всего не буду.

– Правильно. Ты себе хозяин. И сам выбираешь, яичницу жрать или собачье дерьмо. А кто заставил Центробанк, государственную контору, так задрать кредит? Обама? Значит, он, на самом деле, управляет руссияньским государством? Нет, твои кремлевские патриоты сами обескровили экономику. Самостоятельно и добровольно. Тогда зачем нам кремлевские «галерники» в руководителях? Без них одного Обаму прокормить дешевле выйдет. Все вы молитесь на Владимира Крымского, а он вам за это – наркотик марки «патриотизм»! Бесплатный и каждый день. Включил телевизор, получил дозу и забылся – весь счастливый. И наконец, еще более важное: страна, где высшее образование платное, а отраслевая наука только что на наших глазах, под видом ре-

формы Академии Наук, уничтожена «патриотическим» правительством, – такая страна не имеет будущего. Никакого. Даже виртуального.

Мышкин покрутил головой и тяжело вздохнул.

– Лучше бы ты молчал. Весь оптимизм мне ломаешь.

– Сколько он стоит, твой оптимизм? Я за него и гроша не дам.

– И вообще, – продолжил Мышкин., испытывая внутреннюю потребность отодвинуть от себя подальше то, что на него безжалостно свалил Литвак. – В чем-то ты, может, и прав, но не верю я в эти теории заговора...

– И правильно делаешь, – похвалил Литвак. – Поддержу тебя аргументом из жизни... Ведут на бойню овец. А вернее, они сами бегут, добровольно. И шустро так, спешат за своим президентом, роль которого выполняет на мясокомбинате специально выдрессированный козел-provokator. Его дело – спокойно привести своих временных поданных, на площадку, где стадо оглушают электроразрядом. Так вот, наш козел бесстрашно идет – электричество для него выключено. И овцы за ним, потому что доверяют. Тут одна овца кричит: «А ведь нас убивать ведут!» Остальные на нее набросились: «Дура! Вечно ты со своими теориями заговора!» Усвоил?

Но Мышкин не ответил: на душе стало еще паскуднее.

Литвак снова посмотрел на свою бутылку, недоверчиво потряс ее.

– Странное дело! Куда он подевался?

– Это заговор против тебя, Моисеич... – напомнил Мышкин.

– Точно, он. Дай-ка мне ключ от фляги.

– Так ведь и часу дня еще нет, – попытался слабо сопротивляться Мышкин. – Это я тебе как начальник сообщаю.

– А я, гражданин начальник, не спрашиваю у тебя, который час. Я прошу дать ключ от спирта. И побыстрее.

– Может, не стоит? Хотя бы до вечера.

– Гражданин Дима, я опять-таки, не спрашиваю тебя, кому, сколько и когда надо пить, – с нажимом сказал Литвак. – Дай ключ. Я тебе только что интересную и важную лекцию прочел, умнее тебя сделал, хоть и не уверен. Мне положен гонорар. Бесплатно я не работаю.

Тяжко вздохнув, Мышкин принялся старательно рыться во всех карманах.

– И куда я его девал?... – бормотал он. – Где-то посеял, наверное... Да, пропал ключ! Потом поищу.

– Я тебе помогу, – решительно заявил Литвак.

Запустил пальцы в нагрудный карман халата Мышкина и, как фокусник, извлек ключ от фляги со спиртом.

– Готов тебе и дальше помогать в поисках. Ты только скажи, – предложил Литвак.

– Скажу, – уныло пообещал Мышкин.

– Тогда добавлю еще кое-что – сверх гонорара. Учти: за Крым сейчас расплачивается не Кремль, не мы с тобой. Расплачивается Донбасс. Кровью. Только детей там убито

за год больше тысячи. Почему так вышло? Да потому что на Юго-Востоке русские люди, которых на всей Украине живет 87 процентов⁷, поверили обещанию Владимира Крымского, что он их защитит. Как же – на весь мир пообещал... И теперь предлагает бандеровскому убийце и его жертве помириться. Один убил у другого ребенка, а теперь они будут дружить.

– Здесь я с тобой, Женя, не соглашусь, – решительно заявил Мышкин. – Нельзя было войска туда вводить. И сейчас нельзя.

– Наконец ты сказал хоть что-то разумное! – похвалил Литвак. – Верно, только дурак стал бы кидать на Донбасс регулярную армию. Но и без нее тьма способов загнать бандеру на пять метров в землю. Крымскому было достаточно сказать киевской хунте максимально серьезным тоном: «Будете убивать людей на Донбассе, Россия сегодня же официально признает Донецкую и Луганскую республики». И все! Ни одного выстрела. И бежала бы эта бандера за Львов! Думаешь, бандерлоги пришли на Донбасс за великую Украину воевать, убивать русских изменников-«колорадов»? Ничего подобного. Им командиры-начальники пообещали автомобиль каждому, десять гектаров земли и по два-три раба из местных шахтеров. Или казаков. Ты думаешь, почему бандерлоги на груди носят бейджи с надписью «Рабовладе-

⁷ См. данные института Гэллапа: <http://www.gallup.com/poll/109228/Russian-Language-Enjoying-Boost-PostSoviet-States.aspx> (ред.)

лец»? Не знаешь...

– А если бы не испугались слов Путина?

– Испугались бы, еще как! Сто лет известно: воевать украинская сволочь не способна. Они могут только убивать безоружных, истреблять гражданское население. Или служить вертухаями в концлагерях. Так что нормальный правитель России подарил бы Новороссии двух или трех «Черных аллигаторов»⁸. И войне конец. И дети Донбасса остались бы живы. И взрослые. Вот почему я говорю: помойка, а не страна твоя Руссияния...

– Так почему же ты, страдалец, до сих по сидишь в помойке, а не свалил на родину предков?! – рявкнул Мышкин.

Литвак затих и сосредоточенно зачесал пятерней бороду.

– Почему сижу? Время не наступило. Но если все здесь будет и дальше так, оно наступит очень быстро, – заверил Литвак. – Как говорил товарищ Ленин, объективная реальность, данная нам в ощущениях, сильнее наших представлений о ней. Хотя жаль... Хоть и помойка, и стервятники нас с тобой живых расклевывают, но все равно: она мне тоже родина, хотя тебе, нееврею, этого не понять.

И Мышкин с изумлением увидел, как коровьи глаза Литвака повлажнели... Нет, показалось.

– Наверное, не понять, – согласился он. – Как может еврей жалеть Россию, если существует Израиль?

– Вот именно. Для тебя – полукацапа, полухохла – все

⁸ Многоцелевой, чрезвычайно эффективный вертолет КА-52.

проще. У тебя Израиля нет. У тебя одна Россия от Белого до Черного моря и от Карпат до Камчатки. Вполне достаточно. А вот привязали бы тебя к двум наклоненным деревьям и отпустили бы, очень я тогда хотел бы послушать твои вопли, когда тебя надвое начнет разрывать...

– Всё! Прекращай трёп! – не выдержал Мышкин. – Взял ключ – уходи! Иначе передумаю.

Литвак ухмыльнулся, завертел на пальце веревочку с ключом, замурлыкал песенку и двинул в кладовую.

Мышкин вытащил из стола наброски статьи, которую надо было сдать в «Вестник патологоанатомии» еще месяц назад, и попытался сосредоточиться. Ничего не получалось. Проклятый Литвак словно мозги отключил.

«Гуманист чертов, эксперт, в политики записался... Когда был начальником, очень любил новую власть. А теперь душа мести требует... Осмелел! Еврей – русский патриот, вечный анекдот. А, может, и не врет. Или дурочку изображает?»

Он вдруг спохватился и посмотрел на часы. Оказывается, он уже час сидит над чистым листом, а Литвака все нет. И ключа нет.

Встревожившись, Мышкин порысил в кладовую. Уже издалека увидел: дверь открыта, Литвак лежит на полу, обнимает алюминиевую флягу и храпит. Крышка фляги открыта, ключ Литвак зажал в кулаке. Мышкин попытался отобрать ключ. Бесполезно. Хватка у Литвака всегда была стальная.

– Да отдай же ключ, скотина! – рывкнул Мышкин.

Заглянул Ключкин.

– Что-то рановато он, – заметил озабоченно.

– Пользуется, сволочь, привилегиями подчиненного! – пожаловался Мышкин. – Ведь теперь не он за себя, а я за него, гада, отвечаю.

Он снова попытался разжать Литваку кулак.

– А если молотком? – предложил Ключкин. – Один удар по пальцам – и ключ наш.

– Сначала на себе попробуй. Нам же вместо него потом работать.

– Тоже верно... – согласился Ключкин. – Что же тогда?

– В морг, – приказал Мышкин.

Они оттащили Литвака в морг.

– Принеси бинт, Толя.

– Стерильный? Все-таки руку будешь ему рубить? Или только пальцы? – поинтересовался Ключкин.

– Прежде на тебе попробую! – хмуро пообещал Мышкин.

– Добровольно не дамся.

– Тащи бинт, я сказал!

Мышкин плотно забинтовал Литваку обе кисти – плотнее, чем бинтует себе боксер перед рингом.

– Вот так, – удовлетворенно заявил Мышкин, поднимаясь с пола.

– Гениально! – заявил Ключкин. – Надежнее места для ключа не найти. Главное, разбинтовать не сможет.

– Учись, сынок, как надо с подчиненными обращаться, –

сказал Мышкин. – Где еще найдешь такую заботу?

– Не ценим, – согласился Клюкин.

На следующий день Мышкин объявил собрание трудового коллектива – впервые за все существование отделения.

– По праву, данному мне сильными мира сего, – объявил Мышкин, – выбираю себя председателем собрания.

На удивленное мычание коллектива ответил жестко:

– Я здесь диктатор! И никакой демократии. Несогласных спишу на берег немедленно.

Коллектив удивился еще больше, но теперь молча.

– Хорошо. Ваше молчаливое согласие принимаю. Итак, подчеркну еще раз: ничего в регламенте жизни и работы не меняю. Все будет, как при бабушке⁹. Точнее, как при дедушке, – он кивнул в сторону Литвака. – Но есть поправка. Одна, но принципиальная. В этом помещении отныне – ни слова о политике. Ни единого. Жизнь слишком коротка, чтобы ее еще и на эту мерзость тратить. Все эти «Крымнаш» или «Россия поднимается с коленно-локтевой позы» запрещаю. Возражения есть? Нет возражений.

– Есть уточнение, – неожиданно осмелилась Большая Берта.

– У тебя, что ли? – удивился Мышкин. – Ну, – с сомнением сказал он, – давай свои уточнения. Что-нибудь насчет использования тампаксов?

⁹ Фраза Александра Первого после убийства отца – Павла Первого.

Но если Большая Берта на что-то решилась, никакой издёвкой сбить ее с толку невозможно.

– Чисто теоретическое уточнение. Вот вы сказали: жизнь коротка и на политику ее жалко. Но в реальности наша сегодняшняя жизнь – сплошная политика. Так уж устроено: если убегаешь от политики, она сама тебя найдет, причем, в самый неподходящий момент.

– Женщина! – Мышкин стукнул кулаком по столу так, что его любимая настольная лампа, древняя, с зеленым стеклянным абажуром, подпрыгнула и свалилась. Чудом Клюкин успел поймать лампу в сантиметре от кафельного пола. – Ты хоть знаешь, что наши правители-охранители могут сегодня любому припаять «дестабилизацию политической обстановки», как писателю Юрию Мухину. А ты, Литвак, первый кандидат в дестабилизаторы, в момент за решеткой окажешься. Вытрезвитель тебе раем покажется, с пятью звездами.

Неожиданно влез Клюкин:

– А обрушить рубль – не дестабилизация? Одним махом снова обворовать людей – не расшатывание политической обстановки?

– Толя... – примирительно начал Мышкин.

– Нет, ты, начальник, мне рот не затыкай, мы не в Госдуме! Вот у меня вчера на сберкнижке было сто двадцать тысяч, хотел с девушкой на теплые моря слетать. Это вчера, а сегодня реально – это уже семьдесят. Половину украл Центробанк.

– Толя, – проникновенно сказал Мышкин. – Я-то здесь при чем? И твои коллеги? Не там ответ ищешь.

– А где искать?

– Нигде! – отрубил Мышкин. – Нигде! Понял? Не забывай, ты живешь в свободной демократической стране. Будешь пищать направо-налево, отправишься вслед за Литваком. А то и в Кресты¹⁰ или в столичную Матросскую тишину – тоже замечательный острог для правдолюбцев всех времен и эпох.

– А если... – не унимался Клюкин.

– Напоминаю: демократию и политику я только что запретил. Всё – разбегаемся по рабочим местам.

И Мышкин объявил собрание закрытым.

¹⁰ Главная тюрьма в Петербурге

5. Бабушка русской демократии

Бросив эпикриз азиата на секционный стол, Мышкин вернулся к себе. Литвак увязался следом, продолжая на ходу его рассматривать.

Дмитрий Евграфович многозначительно глянул на часы, потом на Литвака. Тот притворился, что не понял.

– Жень, мне переодеться надо, – попросил Мышкин.

– Так и переодевайся. Мешаю? Ты же не баба.

– Вот именно. Поэтому особенно раздражаешь. Я ведь могу черт-те что подумать о твоей сексуальной ориентации.

Говядина пропала в литваковской бороде, но сказать он больше ничего не успел. Послышался металлический лязг: широко отворилась входная дверь и ударилась о стенку. Мышкин выглянул – по лестнице спускались санитары с носилками.

– Клиент прибыл, – сказал Мышкин. – Будь другом, пойді глянь.

Литвак мрачно развернулся и пошаркал в прозекторскую.

Оставшись один, Мышкин неторопливо разделся до трусов – хоть и подвал и потолочный вентилятор сутками не выключается, но жара и сверху достает. Надел свежий, только из прачечной, халат – жестяный от крахмала. Как-то он обронил, что любит жесткий крахмал. Клементьева, ни слова не говоря, взялась контролировать кастеляншу. «Димулька

любит, чтоб халат на полу стоял», – повторяла Большая Берта, возвращая плохую работу. Мышкин не подозревал о такой заботе и всегда хвалил кастеляншу.

Он прошел в мертвецкую и остановился на пороге в восхищении. Полгода, каждое утро – одно и то же, но Мышкин так и не привык к новенькому моргу и всякий раз радовался, будто зашел сюда впервые.

Всего шесть месяцев назад морг Успенской клиники представлял собой жуткое зрелище – поле Бородинского сражения после мародеров. Голые трупы с разрезанными и крупно зашитыми животами валялись тут как дрова – на полках, на полу, в общей куче без различия пола, возраста и причины смерти. Различались только бумажными номерками, привязанными к ногам. Бывало, что востребованного покойника искали в куче полдня, а то и до вечера. Родственники зверели, считая, что работники морга столь цинично-безжалостно вымогают деньги. А сотрудники ПАО сами готовы были помереть от стыда и занять в морге освободившиеся места. Особенная круговерть возникала, когда бумажные номерки отрывались, все путалось, трупы терялись, санитары и прозекторы сходили с ума, и часто вместо своего покойника несчастные родственники получали чужого.

Так продолжалось много лет. При Литваке путаница стала вообще привычной и системной. Иногда, правда, возникали обстоятельства из ряда вон, когда покойного удавалось най-

ти и выдать за десять минут. Такие случаи считались и вовсе ненормальными.

Рефрижератора в морге не было никогда, а древняя холодильная установка «ЗИС», построенная еще при товарище Сталине, больше охлаждала не покойников, а сотрудников. Сотрудники часто простуживались, а трупы уже на второй день после прибытия покрывались лиловыми, потом синими пятнами, раздувались от стремительного газообразования и, бывало, даже взрывались.

Литвак к происходящему относился философски, а вот санитары, зашибающие левые деньги за гримирование покойников, были очень довольны.

Когда Мышкин стал заведующим, он не сразу, но решил, что систему надо ломать. Подтолкнула его случайная фраза Клюкина.

– Когда же это кончится, Дима? Смотри, вот молодая красивая девушка. А рядом с ней – пропойца, бомж, а может, и преступник. Неприлично. Как ты считаешь?

И Дмитрий Евграфович решительно направился к главному врачу.

– Вы, Сергей Сергеевич, назначили меня заведующим, – напомнил он.

– В самом деле? – удивился Демидов. – Не может быть!

– Как не может? – опешил в свою очередь Мышкин.

– Если ты мне напоминаешь, как я управляю кадрами, то, безусловно, считаешь меня идиотом.

– Нет-нет! – в панике воскликнул Мышкин. – Скорее себя!

– Ну, это ближе к истине. А себя за что?

– Вы возложили на меня определенную ответственность.

– Возложил, – согласился Демидов. – Не буду отпираться и вводить прокурора в заблуждение.

– И на себя, таким образом, тоже возложили.

– И это преступление беру на себя. Ты чего хочешь? Говори по-человечески.

– Театр начинается с вешалки. А Успенская клиника – с морга, – заявил Мышкин.

– Вот это да! – поразился Демидов. – А я-то, по неграмотности думал, что всё наоборот: моргом клиника заканчивается. Неправильно?

– Правильно, – великодушно согласился Мышкин. – Но не совсем: ПАО – тоже визитная карточка клиники. Ее обратная сторона. И по состоянию мертвецкой люди тоже судят, как мы здесь работаем и чего от нас можно ожидать. Точно так же по состоянию бесплатных общественных туалетов можно судить о цивилизованности нации. Вы хоть раз были в нашем морге?

– Еще нет. Но давно мечтаю. Приглашаешь?

– Да: приглашаю на экскурсию «Путешествие в мир прекрасного». Прямо сейчас. Дальше откладывать просто невозможно. Неприлично, считает прозектор Клюкин и весь народ с ним.

– Ну, если народ... – застегнул пуговицы халата главврач.

Из путешествия в мир прекрасного Барсук вернулся злее черта. Через полторы недели Еврофонд выделил полтора миллиона швейцарских франков, и еще через неделю из Женевы прибыло настоящее чудо, сверкающее никелем и вороненой сталью – полное, под ключ, оборудование для морга. Осталось только собрать.

Теперь у каждого клиента свой нумерованный пенал с автономным охлаждением, исчез неистребимый запах формалина, смешанный с метаном – трупным газом. Каждый сотрудник ПАО теперь получил индивидуальный шкафчик со своим *отдельным* душем и туалетом, а для всех, на десерт, Фонд прислал самую настоящую сауну, из которой все работники ПАО, включая Большую БERTу, по субботам не вылезали с часу до девяти вечера. Специально для таких суббот Мышкин за свои покупал два ящика пива, а Клементьева готовила четыре килограмма буженины с чесноком.

– Ну как? – спросил главврач. – Доволен?

И Дмитрий Евграфович чистосердечно признался:

– Я просто счастлив. Теперь и у нас, как у людей.

– Иди и работай еще лучше!

Оглядевшись еще раз, Мышкин направился в угол, где на полу лежал обычный сосновый гроб из некрашенных до-

сок. Гроб был заколочен, но сбоку зияла дыра, в которую могла бы пролезть кошка. Только там была не кошка. Дмитрий Евграфович ударил ногой по гробу. Оттуда послышались возня и злобное шипение. В гробу жил африканский питон.

А на секционном столе Мышкина лежал свежий труп – старуха, исхудавшая так, что кожа на желтоватом теле обвисла складками. Лицо – в черноморском загаре, нос даже облупился: последствия лучевой терапии. Казалось, что голова одного человека приделана к туловищу другого.

Мышкин не торопясь взял большой секционный нож, сбалансировал его в руке, медленно поднял, чтобы вскрыть труп своим знаменитым приемом – секундным взмахом от гортани до лобка, чему каждый раз, будто впервые, восторгался Клюкин.

– Эй-эй! Стой! Дима, остановись! Стой – кому говорю! Не режь!

Нож остановился. К Мышкину спешил Литвак, отгребая в сторону воздух правой рукой.

– Не вскрывай! – крикнул он.

– Ты чего, Жень? – удивился Мышкин. – Что с тобой?

– Это с тобой сейчас *что* будет! Отставить вскрытие!

– С какой стати? Совсем уже окосел?

– Есть требование – не вскрывать.

– Кто потребовал?

– Кто-кто!.. Я, по-твоему? – возмутился Литвак. – Кто еще

может потребовать?

– Родственники, что ли? – Мышкин опустил руку с ножом.

– А ты думал?

– Что-то они зачастили в последнее время, эти родственники... – проворчал Мышкин. – Так и на науку ничего не наскребешь... – положил нож на стол и взял историю болезни.

Так-с, Салье Марина Евгеньевна¹¹, 77 полных лет, обширная опухоль головного мозга, левая височная доля, с метастазами в молочные железы и паховые лимфатические узлы, которые при поступлении пациентки не просматривались. «Значит, проросли уже в клинике, – отметил Мышкин. – Быстро дело пошло...» А вот еще метастазы – в грудной отдел спинного мозга. «Ну-ка, глянем еще раз, какой ты к нам пришла...»

Прочитав предварительный диагноз, Мышкин с неодобрением покачал головой: поступила в приемный покой явно неоперабельной. Основные назначения: лучевая терапия («Мертвому припарки!» – хмыкнул Мышкин) и цитоплазмид, максимальная концентрация, капельницей каждые два часа непрерывно. То есть двенадцать раз в сутки, в том числе и ночью.

Он дошел до эпикриза и вдруг отшвырнул историю болезни и крепко выругался.

История полетела прямо в лицо Клементьевой, но Большая Берта с кошачьей ловкостью успела поймать ее в возду-

¹¹ Реальное лицо.

хе.

– Извини, Даниловна, – буркнул Мышкин. – Ей-богу, не хотел.

– А что там? – деликатно спросила она.

– Смерть!.. – голос Дмитрия Евграфовича зазвенел. – Смерть, понимаете ли, наступила от внезапной остановки сердца! А? Как тебе нравится?

– И что? – пожала плечами Клементьева. – Сплошь и рядом.

– Так ведь в реанимации! – заорал Мышкин. – В реанимации, дубина ты стоеросовая!

– Да уж... действительно, свинство, – торопливо согласилась Большая Берта.

Сердце старухи остановилось в том отделении клиники, где оно не должно останавливаться вообще. Для того и реанимация и реаниматоры, чтобы не давать жизни исчезнуть при любых обстоятельствах. Даже когда умирает головной мозг и пациент не более чем живой труп, нынешний реаниматор и в обычной больнице может без труда поддерживать жизнь тела неделями, а то и месяцами.

Большая Берта была права – смерти в реанимации и раньше всегда бывали. Но Мышкин все равно при каждом таком случае приходил в ярость и даже пообещал однажды, что внезапно остановит сердце главному реаниматологу Писаревскому – пусть попробует, каково это.

– Ненавижу дилетантов в любом деле! – повторял он. – Да-

же дворник должен быть профессионалом. А Писаревский – тем более. Хуже дворника, скотина.

Робко глядя в глаза шефа, Клементьева тихо сказала:

– Мне всегда больно смотреть, как вы расстраиваетесь. Вы же сами говорили: если ничего нельзя сделать, надо ничего не делать. И не жечь понапрасну нервы и сердце.

– Где-то я это уже слышал... Где-то за обедом. Какой-то дефект во мне есть, наверное. Дефективный у тебя шеф, Татьяна! – усмехнулся он. – А?

– Да уж не без того, – бесстрашно согласилась Большая Берта.

– Что?! – взревел Дмитрий Евграфович. – Повтори, что сказала?

– Я всего лишь повторила вашу мысль, – отбилась Клементьева.

– Ну, так повтори еще раз! – угрожающе приказал заведующий.

– С удовольствием! Если нормальный человек попадает в банду сумасшедших, то сумасшедшим, сиречь дефективным, всегда будет считаться он. Но если он хочет жить, продолжать работу над докторской и изучать дальше сосудистые патологии головного мозга, ему не следует устраивать ежедневный цирк: подчеркивать свои достоинства, которые в системе сумасшедших и негодяев являются недостатками. И, кроме того, скромность надо иметь!

Потрясенный не столько глубиной мысли Большой Бер-

ты, сколько ее неслыханной смелостью, Дмитрий Евграфович принялся яростно протирать очки и минут через пять поинтересовался уже вполне миролюбиво:

– Значит, ты считаешь, что я должен быть хамелеоном? Никогда не поверю, что ты такая безнравственная! Кого же я пригрел на своей груди?! Нет, это конец... – он бессильно рухнул в свое деревянное вольтеровское кресло.

Большая Берта огляделась: Литвак бросил вскрывать азидата и ушел, конечно, выпить без свидетелей. Клюкина тоже не было. Наклонившись к Мышкину, Клементьева произнесла вполголоса:

– Скажу, но только в первый и последний раз в моей жизни... Вас уважают здесь, Дмитрий Евграфович, очень многие даже любят, а есть и такие, кто ненавидит. Их тоже немало. Они только и ждут, чтоб вы споткнулись или сделали ошибку.

– Кто ненавидит? Имена, клички, явочные адреса?

Клементьева отрицательно покачала головой.

– Этого я вам не скажу. Сами должны знать. Кстати, у меня к вам две личные просьбы. Можно? Исполните?

– Ну, валяй! – великодушно предложил Мышкин.

– Не надо больше разговоров, где попало, о преступной платной медицине и гуманной бесплатной – очень вас прошу... Разговоры-то пустые, согласитесь. За ними – ничего, только себя взвинчиваете и окружающих раздражаете. Причем, не только врагов, а и друзей тоже. Все давно знают, что

такое платная медицина и в чем она заинтересована. Вот вчера по телевизору выступал доктор Рошаль¹²...

— Ну да: «Национальный герой России», «Детский доктор всего мира», «Звезда Европы», «Человек десятилетия»!.. — перебил Мышкин. — Из Голливуда, что ли, выскочил?

— По-моему, нормальный и порядочный человек. Вы все-таки послушайте, что он про платную медицину.

— Что ее у нас мало! Надо еще больше. Угадал?

— Совсем неправда! Платной медицины не должно быть вообще! Вообще, понимаете? Для всех медицина одинаково бесплатная и одинаково доступная. Другое дело, если кто хочет, платить за отдельную палату, ковры на стене, кино с системой долби, устрицы в шампанском. Но помощь и лечение все должны получать одинаково. То есть, бедные не меньше, чем богачи. Разве он неправ?

— М-м-м... Резон, может, и есть... — неохотно согласился Мышкин. — Точнее, да, пожалуй, он прав... Вернее, мысль толковая. Еще, точнее, он абсолютно прав. А дальше?

— Вот он там ближе к власти, пусть и говорит, пусть выступает, может, добьется чего-то от нашего двуглавого президента. А здесь не надо подставлять голову. Топор всегда на нее найдется. У меня личная шкурная заинтересованность. Я не хочу, чтоб у нас был другой заведующий. И Толя не хочет. И многие врачи. Вы бы о нас подумали, нас бы пожалели!

¹² Рошаль Леонид Михайлович, детский хирург, живет в Москве (ред.).

– Хорошо! Пожалею, – пообещал Мышкин. – Ну, все – заканчиваем треп, работать надо! – строго сказал он. – Что там у нас?.. Дай-ка мне снова историю этой мадам...

Трупные пятна на теле старухи росли на глазах – проклятая жара. Вставные челюсти, конечно, вынуты заблаговременно – рот у нее ввалился, синие губы втянуты. Седые космы свалились; груди, тощие, сморщенные и длинные, как у козы, свисали по обеим сторонам исхудавшего, но все еще рыхлого тела. Дмитрий Евграфович ясно видел, что до смерти, а еще вернее, до болезни у нее было круглое мясистое лицо – теперь рак сожрал его.

На яремной вене старухи Мышкин увидел почти незаметную черную точку – след шприца. Что-то вливали ей буквально перед самой смертью. Что? В истории не отмечено. Да и Бог с ней – какая разница, потел больной Иванов перед смертью или нет. Хотя некоторые врачи считают, что это было очень хорошо и полезно для мертвого Иванова.

Уже собравшись уйти в свой кабинет, Дмитрий Евграфович вдруг почувствовал в себе легкую вибрацию, похожее на тихое гуденье жильной струны. Это ощущение он называл внутренним голосом и очень серьезно к нему относился – настолько серьезно, что даже общался с ним, как с реальным существом. Голос на что-то намекнул, и, вернувшись к старухе, Мышкин осознал, наконец, что это – не простая покойница, что он ее знает, вот только откуда? Болезнь, конечно, изменила ее до неузнаваемости.

Струна загудела сильнее, и он понял. Это же та самая Салье! Когда-то широко известная в городе и далеко за его пределами неистовая демократка, которая едва не посадила в тюрьму бывшего мэра Питера Собчака и будущего президента России Путина.

Ее называли «бабушкой русской демократии» по аналогии с эсеркой Брешко-Брешковской – ту звали «бабушкой русской революции». Да, подумал Мышкин, ведь история России могла пойти совсем в другую сторону, если бы депутат первого демократического Ленсовета, избранного единственный раз за всю историю города по-честному, Салье Марина Евгеньевна тогда довела дело до конца. Она широко замахнулась: собрала специальную комиссию Ленсовета и расследовала делишки первого и последнего мэра города Питера и его первого зама.

Мышкин стал вспоминать.

Конец 80-х. Дворцовая площадь. Здесь собралось несколько тысяч горожан, ополоумевших и пьяных от новенькой, вчера немыслимой, свободы публичного слова. На высокой деревянной трибуне перед Зимним дворцом – Салье. По-старчески полная, широкое крупное мужицкое лицо, седые лохмы развеваются на революционном ветру – вихри враждебные и все тут! Бабушка русской демократии бросает в толпу слова, полные ненависти к советской власти, они хрипло вырываются из двух черных, огромных, как

книжные шкафы, громкоговорителей и накрывают сверху Дворцовую площадь. На каждое проклятие толпа отзывается торжествующим ревом. Салье указывает на крышу Зимнего дворца. Там развевается красный флаг. Его приказал установить в марте 1917 года министр юстиции Временного правительства Керенский.

– Сорвать красную коммунистическую тряпку! – кричит Салье.

– Сорвать! – ревет толпа. – Сорвать! Ура! Долой КПСС!

Большинство митингующих, да, пожалуй, все, и сообразить тогда не могли, какую свободу они себе готовят. Уже через полгода-год над ними, как и над большей частью простого, бесхитростного и доверчивого русского населения нависнет реальная угроза голода: демократический Ленсовет разрушит систему продовольственного снабжения города. Снова, как в войну, появятся продовольственные карточки на хлеб, крупы, масло, мясо... На водку – отдельные. Две бутылки в месяц на человека.

Продуктов все равно не хватало. Мясо исчезло совсем, хотя до прихода демократов в городе было почти всё своё, из совхозов области. Теперь вместо мяса предлагалась заграничная тушенка. Консервы, многократно просроченные и не годящиеся даже для собак, пришли из стратегических запасов НАТО.

Тогда же у самых видных демократов стали складываться первые миллионные состояния. Когда в голодающий город

пошла из-за границы бесплатная гуманитарная помощь, самые шустрые депутаты попросту захватывали консервы фурами и пускали в продажу без карточек. Это примитивное воровство они называли коммерцией.

Начало девяностых... Салье в телевизоре. Она добровольно возлагает на себя обязанности главного продснабженца города. Обещает беспощадно пресечь воровство и спекуляцию продуктами. Но к процессу подключилась только что созданная мэрия, и воровство увеличилось в несколько раз. В отличие от мэрских, сама Салье и ее немногочисленные соратники и друзья, не украли ни копейки.

А вот Салье в Мариинском дворце, на трибуне уже Петровета. Перед ней гора бумаг – результаты депутатского расследования. Она обвиняет лично мэра Собчака и его первого зама Путина в неслыханных кражах, в контрабанде редкоземельными металлами, в превышении полномочий... Салье требует отставки Собчака и Путина и их ареста. И обещает, что всё мэрское ворьё очень скоро окажется за решеткой.

Но это ее обещание, как и все другие, осталось пустыми словами. Собчак бежал за границу, прямо из-под ареста, а Путин совершенно некстати сделался президентом России. И тогда Салье бесследно исчезла.

Больше десяти лет о ней не было ни слуху, ни духу. Нет, слухи ходили, вспомнил Мышкин. Говорили, что спецслужбы сработали, как всегда, безупречно. И от Салье даже пепла не осталось. Конечно, врал.

В 2010 году демократическая общественность России и все прогрессивное человечество праздновали (именно праздновали) очередной юбилей подозрительной смерти Собчака. И неожиданно из небытия всплыла Марина Евгеньевна, словно таинственная подводная лодка из-под арктических льдов. Ее чудом отыскивали корреспонденты радио «Свобода» в глухой псковской деревушке, куда даже автобусы не ходят и где был всего один телефон, мобильный, да и тот у Салье.

Бабушка русской демократии дала мировой прессе большое интервью. Она заявила, во-первых, что Собчак никогда демократом не был, а вот диктатором – да. Причем, продажным. Сожалела, что бонапартик Собчак и его подельник так и не сели за решетку. Заодно рассказала о причинах своего исчезновения.

Оказывается, когда Путин въехал в Кремль, он очень скоро личной телеграммой поздравил бабушку русской демократии с Новым годом. И пожелание высказал. «Свобода» процитировала: «Желаю Вам, Марина Евгеньевна, крепкого здоровья, а также *возможности им воспользоваться*».

Бабушка всегда была сообразительной и сразу поняла: такой возможности может и не представиться. Поэтому и находилась в бегах целых десять лет.

Тут Дмитрий Евграфович вспомнил, как три месяца назад его вызывал начмед профессор Крачков. У него сидела

седая, расплывшаяся старуха, на лице которой Мышкин сразу определил все признаки *facies Hippocratica*¹³. Он не сразу узнал ее.

Старуха что-то говорила с жаром, необычным для онкологической больной. Когда вошел Мышкин, она резко осеклась и с ненавистью посмотрела на него.

– Ничего-ничего, – успокоил ее Крачков. – Доктор Мышкин нам нисколько не помешает, даже совсем наоборот. Это один из лучших наших специалистов. Можете ему доверять. Все пациенты ему доверяют, когда попадают к нему.

Мышкин скромно кивнул.

Тем не менее, старуха долго собиралась со словами, мjala мокрый носовой платок, прикладывала к носу и громко фыркала в него, словно лошадь в намордную торбу с овсом. В конце концов, Крачкову надоело.

– Поймите, Марина Евгеньевна, еще раз, – заговорил он. – Конечно, курс лечения необходимый вам, может показаться несколько... э-э-э... дороговатым, всего двести пятьдесят тысяч долларов. Но разве ваша жизнь, как и жизнь любого другого человека, не дороже стоит? Особенно ваша, – с уважительным значением добавил он.

Салье горько усмехнулась:

– Не нужно демагогии, Борис Михайлович, я ее наслышалась. И еще лучше умею. Жизнь вообще любого челове-

¹³ *Facies Hippocratica* (лат.) – маска Гиппократата: читаемые на лице больного признаки близкой смерти.

ка бесценна. Но где ему взять четверть миллиона долларов? Мне Чубайс не подарил нефтяную скважину, как Абрамовичу. Где взять нормальному человеку эти двести пятьдесят тысяч, скажите мне, где?!

– Пусть ищет, – дипломатично посоветовал Крачков.

– Где?! – взревела старуха совсем по-мужски. – Где это место, скажите мне? Под каким фонарем? В каком сундуке? Где может найти такие деньги простой школьный учитель? Или даже я – доктор геолого-минералогических наук?

Крачков равнодушно пожал плечами.

– Пусть ищет, где ему хочется. У нас теперь свобода. Никто ему не будет мешать.

Салье сникла, некоторое время оторопело смотрела на начмеда, на его щеки нежно-ветчинного оттенка, и заговорила – тихо и робко, словно решилась в первый раз в жизни просить милостыню:

– Но ведь существует страховка. У меня их даже две. Это такие огромные деньги! Все граждане России застрахованы, все предприятия платят огромные взносы на обязательное медицинское страхование, а на больных, при любом, самом затратном, раскладе уходит жалкий процент от всех сборов, не больше! Остальное – в карман страховщикам. Я специально интересовалась и все подсчитала. Почему я не могу лечиться у вас по страховому полису – даже по двум полисам сразу? Ведь это еще больше! Вот!..

Она тыкала в нос Крачкову две бумажки с водяными зна-

ками – желтую и синюю. Он осторожно, но решительно обе бумажки от носа отвел и сообщил с подчеркнутым пренебрежением:

– Страховых денег, госпожа Салье, по вашим двум полисам не хватит даже на зарплату нашей уборщицы.

Салье отшатнулась, как от удара, и глухо замычала:

– Ну почему-у-у? По-че-му-у-у? – слезы хлынули ручьем и закапали на ковер. – Ведь у них, у страховщиков, такие огромные деньги!..

Крачков стал терять терпение.

– Да потому, дорогая моя, – хамски-игривым тоном ответил он, – что на таких клиентов, как вы, у страхователей денег никогда не хватает! Вы для них нерентабельный субъект.

– Ну что же это за государство? – еле слышно простонала старуха. – Теперь идти и помирать? Всё?

Крачков очень удивился.

– Государство? Это вы меня спрашиваете? Не я строил это государство. Вы строили. Со своими коллегами. Помнится, вы очень жарко требовали именно платной медицины. Вот и сбылись ваши мечты.

Салье встала, отшвырнула кресло в сторону и ушла, громко стуча пятками.

Крачков перевел дух.

– Видал? – спросил он. – В печенках у меня сидит! Загрызла: представить себе не можешь, Дмитрий Евграфович!

– Ну почему же, – возразил Мышкин. – Представить-то я

могу. Что же ей, в самом деле... Откуда взять?

– Найдёт! – весело заверил Крачков. – Знаю, что говорю. У нее трехкомнатная на Васильевском острове, на берегу залива – красота! Воздух, солнце, шум волны... Миллиончиков на пять потянет. Я бы сам у нее купил. Для дочки, без посредников, – он задумался на несколько секунд. – Да! Так и надо сделать. Очень хорошая идея.

– Там, наверное, дороже, – усомнился Мышкин. – Там очень дорогое жилье. Трехкомнатная да у залива – восемь лимонов, не меньше.

– Отсталый ты человек, Дмитрий Евграфович! Восемь было вчера! А сегодня там строят порт, пассажирский, никому не нужный: рядом один уже есть. Теперь собираются превратить его в грузовой. Вместо морского фасада Северной Пальмиры будет обычная промзона. И никаких просторов Финского залива, потому что его уже до половины засыпали. Так что цены уже сейчас упали. Но все равно дорого.

– Продаст квартиру, а потом ей куда? – спросил Мышкин.

– А зачем ей квартира на том свете? – резонно возразил Крачков.

«Значит, продала. И без толку, – подумал Мышкин. – Интересно, кто купил? Крачков ни за что не признается. Так ведь и обвинить его можно... в вымогаловке, например».

Он бегло перелистал историю еще раз и отложил.

– Ладно, – сказал он, обращаясь то ли к Большой Берте,

то ли к самому себе. – Не вскрывать – нам же лучше, меньше работы. Только в башку я ей все же загляну.

Ему нужны были срезы головного мозга для докторской диссертации.

– Успеете, пока никого? – огляделась по сторонам Клементьева.

– А долго ли нам умеючи! – бодро заявил Мышкин.

– Так ведь все равно получится вскрытие.

– Все равно, но не совсем! – отрубил Дмитрий Евграфович. – Нужны мне срезы? Или ждать эпидемии флорентийской чумы? Так никогда докторскую не закончу. Все-то дела на пару минут!

Сделав круговой надрез на голове покойницы, Мышкин ловко завернул скальп в сторону. Потом провел электрофрезой вокруг верхней части черепа и снял аккуратную круглую крышку теменной кости.

– Вот она, родимая! – пробормотал он, сразу увидев опухоль, похожую на сливу – продолговатую и необычного темно-фиолетового цвета. – Что-то новенькое! Вот видишь? – обратился он к Большой Берте. – Тут, может, научный клад, золотые россыпи, Клондайк, а ты: «Вскрытие, да чтоб никто не видел»...

Мышкин отхватил скальпелем кусок опухоли головного мозга бывшей бабушки русской демократии, в считанные секунды заморозил в криотоме, быстро сделал пять тончайших срезов, капнул на каждый фиолетовый краситель. Поло-

жил срезы между чистыми прямоугольниками предметных стекол – препараты готовы. Можно под микроскоп. Остаток опухоли швырнул в помойное ведро под столом.

– Приведи нашу любимую старушку в порядок, Танюша, все-таки она только что внесла свой вклад в развитие медицины, – ласково приказал он. – Ты это умеешь. Чтоб никто не заметил и ей обидно не было.

Клементьева аккуратно положила круглую крышку на место, накрыла скальпом и быстро крошечными стежками пришила. Накрыла шов седыми волосами покойницы, привела их в легкий естественный беспорядок и отступила на шаг, оценивая работу. Получилось: никаких следов.

Вошел Литвак.

– Шеф, – загудел он. – Превентивно докладываю: уже половина третьего... – и остановился, увидел в руках Большой Берты иглодержатель. – Вышивала? – подозрительно спросил он.

Клементьева покраснела. Но отвечать не понадобилось, потому что снова загремела входная дверь.

На пороге стоял пивной бочонок лет тридцати на кри-вых ногах и в замызганном, когда-то белом, халате. К верхней крышке бочонка была приклепнута круглая, совершенно лысая голова. Прямо из ноздрей головы росли усы в коричневых пятнах от никотина.

– Эй, людоеды-потрошители, понимаешь! – заорал бочонок. – Большой привет, да?

Это явился санитар Бабкин с командой за очередным невостребованным или безымянным трупом для отправки на спецкладбище, где бульдозером их закапывали в братскую могилу. Памятником ставили простой деревянный столб с номерами покойников.

– Еще раз ударишь ногой в дверь, – холодно ответил Мышкин, – ею же и получишь по башке.

– Да брось, Полиграфыч! – Бабкин показал крупные желтоватые зубы. На правом верхнем резце он носил золотую фикса, которую вывез из Адыгеи, где он родился от черкешенки и русского и прожил балбесом до тридцати лет, даже среднюю школу не закончил. Ассимилировался в Питере Бабкин быстро, только от северокавказского акцента до конца не избавился. – Боишься, постояльцев твоих разбужу, да?

– Еще раз услышу «Полиграфыча» – вообще башку оторву, – совсем ледяным тоном пообещал Мышкин. – И отправлю ее по почте малой скоростью в славный город Майкоп. Наложенным платежом. Без задатка.

– Сердитый, да? Большой руководитель стал? – обиделся Бабкин. – Что делается? – обратился он ко всем сразу. – Стоит только хорошему человеку начальником стать, как он...

– Ты, Бабка, лучше расскажи, как твоя прописка? – перебил его Клюкин.

– Что прописка? Прописка хорошо. Все по закону. В России гуманные законы.

– Слова-то какие выучил! – с уважением отметил Клю-

кин. – А хозяйка квартиры? Все по судам бегают?

– Ой, нет, не бегают уже! Такое горе... Такое горе! Такое большое!.. Старушка успокоилась, значит, скончалась, – несчастным голосом поведал Бабкин.

– Сама? Добровольно скончалась? По собственному желанию? – насмешливо прищурился Клюкин, и его очки полыхнули фиолетовым цейсовским огнем.

– Сама, сама! – закивал Бабкин. – Даже записку оставила по собственному желанию. «Прошу не винить арендатора», пишет. Бедная, да? Очень бедная!

– Вот оно что, – посочувствовал Клюкин. – Даже записку... Повесилась?

– Какой повесилась! От сердца умерла – никто не ждал, совсем не ждал, понимаешь, да? Вдруг взяла и померла.

– Вдруг? Внезапно? – удивился Клюкин.

– Ой, так внезапно, понимаешь, – снова запричитал Бабкин, словно наёмный плакальщик над свежей могилой. – Со всем никто не ждал.

– Ты ж сказал, что она записку перед смертью написала! Чтоб никого не винули! А тебя первого! – закричал Клюкин.

– Не винули, да, совсем не винули... – подтвердил Бабкин, однако, уже не так уверенно. Он не понял, что так поразило Клюкина, но почувствовал, что ляпнул что-то не то.

– Так где тут твоя внезапность? Откуда?! – завопил Клюкин.

Бабкин не ответил и растерянно переводил взгляд с Клю-

кина на Мышкина, а с него на Литвака.

Мышкин и Клюкин переглянулись и молча кивнули друг другу.

Бабкин появился в Питере два года назад. К тому времени правительство упростило процедуру регистрации приезжих из Средней Азии и Северного Кавказа. Теперь каждому гастарбайтеру достаточно послать в миграционную службу по почте заявление, указать любые данные и любой адрес своей прописки в Питере, чтобы получить вид на жительство. Согласия хозяев жилья, где прописывается мигрант, теперь не спрашивали. Предполагается, что они сами каким-то чудесным образом должны знать, что стали кандидатами в покойники.

Вся трудность для мигранта была теперь лишь в том, чтобы отыскать хороший адрес, в идеале – квартиру с одиноким пенсионером. Таких в Питере много, всем мигрантам хватит. К тому же появилась масса посредников, у которых нужный адрес можно купить сразу всего 1—2 тысячу долларов.

Пенсионерка, «прописавшая» к себе Бабкина, узнала, что у нее есть жилец, только когда получила двойной счет на квартплату. Старуха в ужасе побежала по прокурорам и судам. Ей показали текст нового закона. И заодно еще один, совсем свежий нормативный акт, гарантирующий права кавказских и азиатских приезжих. Теперь арендатора просто так не выселить – нужна долгая судебная волокита.

Новые арендаторы не дремали. Вселялись они в чужие

квартиры с помощью полиции. Для этого достаточно показать удостоверение от миграционной службы и с указанной там временной пропиской и слегка приплатить. Полиция попросту взламывала двери квартир несчастных «арендодателей» и вселяла «арендаторов», которые немедленно приступали следующему этапу натурализации – отъему жилья.

Бабкина тоже вселила в квартиру полиция. За пятнадцать тысяч долларов. Хозяйка боролась за свою квартиру полтора года.

– И где же ты теперь живешь? – спросил Клюкин.

– Да там же, понимаешь, куда мне еще деваться? Совсем пропаду. Я скромно-тихо – на улице Зеленина, понимаешь. На Петроградской стороне.

– Аристократ! – значительно заявил Литвак. – Куда нам, плебеем.

– Ты чего, Бабка, снова приперся? – спросил Мышкин. – Вчера уже был.

– Счас... – тот вытащил из кармана бумажку в целлофановом конверте. – Давай-ка мне сюда... невостребованного господина... Вот: Салье Мария Евгеньевна.

– Мария? – переспросил Мышкин. – Может, Марина?

Бабкин еще раз глянул в бумажку.

– Да, ты правильно, говоришь начальник: Салье Марина Евгеньевна! Семьдесят семь лет. Какая счастливая – сразу две семерки!

– С чего ты решил, что она не востребована?

– Я ничего не решал, понимаешь, да? – обиделся Бабкин. – Вместо меня есть кому решать.

– Покажи бумажку! – протянул руку Мышкин.

Странно. В накладной числилась бабушка русской демократии.

– Вали отсюда, – великодушно разрешил Мышкин. – Она будет востребована.

Бабкин сонно захлопал голыми, как у черепахи, веками.

– Ты её востребуешь? – спросил он. – Ты, ее родственник, да?

– Рома, – с печалью сказал Мышкин, вспомнив Демидова. – Не сокращай мою и свою жизнь идиотскими вопросами. Я здесь хозяин. И я тебе говорю: она будет востребована. У нее есть родственники. Если откажутся – приходи и забирай.

– Нет у нее родственников! – с неожиданным упрямством заявил Бабкин. – Не я выдумал. А ты, наверное, умнее всех, да?

– Вот это ты правильно сказал! – похвалил Мышкин. – Умнее. Так что иди гуляй.

– А я говорю: нет родственников! Вот читай еще раз. Сам смотри. Плохо читал.

Мышкин посмотрел требование внимательнее. «Основание: близких родственников нет, тело не востребовано». Подпись Крачкова.

– Дурдом, а не клиника!.. – Мышкин растерянно возвра-

тил бумажку и снова взял историю болезни. Да, в самом деле. Вот на первой странице, он не обратил внимания сразу: «Одинока. Близких родственников не имеет». Подумал и сказал решительно. – Нет, Бабка, не отдам. Скандал будет. Может, родственников и нет, но есть коллеги-демократы, что в сто раз хуже. Сейчас узнают, что померла, – толпой сюда нагрянут. По телевизору покажут. Такая реклама! Кто откажется? Нас тут сожрут, если труп пропадет.

– Ну все! Некогда мне ругаться! Сами начальники – сами решайте! – заявил Бабкин, взял носилки подмышку и ушел, загремев дверью.

– Литвак! – крикнул Мышкин.

– Я здесь, чего орешь? Не глухой, как некоторые! – недовольно отозвался от секционного стола Литвак. Он как раз взвешивал печень азиата.

Мышкин бросил на него косой взгляд: Дмитрий Евграфович был глух на правое ухо.

– Брось ливер, подойди на секунду, пожалуйста, – вежливо сказал он.

Литвак со шлепком швырнул окровавленную печень обратно в брюшную полость трупа и нехотя подошел. Дмитрий Евграфович отметил, что струя алкогольного выхлопа у Литвака достигла полутора метров длины.

– Слишком ушел ты в работу, – проговорил Мышкин. – Не надорвись, драгоценный...

– Я всегда предпочитал полезный производительный

труд, – пояснил Литвак. – Не заметил? А еще руководителем считаешься. На хрена нам такие руководители...

– Повтори мне, какие родственники запретили вскрывать Салье?

– Какую такую Салье? – коровьи глаза Литвака стали округляться и слегка выступили из глазниц.

– Вон ту! – указал Мышкин. – Бабушку русской революции.

– Бабушку демократии! – поправил Литвак.

– Видишь ее?

– Ну и что?

Мышкин глубоко вздохнул, задержал воздух ровно на двадцать секунд, медленно обвел взглядом прозекторскую, останавливаясь на каждом предмете, и когда почувствовал, что успокоился, медленно выдохнул. Литвак наблюдал за ним с нескрываемым интересом.

– Женя, – ласково спросил Мышкин. – Ты только что мне сказал, что вскрывать Салье запретили родственники.

– Я такое сказал? – удивился Литвак. – Ты сам слышал?

– И я слышала, – подала голос Клементьева.

– Я сказал? – ошеломленно повторил Литвак. – Именно я такое сказал?

– Ты, Женя, ты.

– Что-то не врубаюсь.

– Так врубись поскорее, потому что сейчас только три часа дня! – рявкнул Мышкин.

Глаза Литвака уже вываливались наружу, он тряс бородой и только мычал.

– Зенки придержи! – заорал Мышкин.

– Полиграфыч, – наконец заговорил Литвак. – Ты лучше прямо скажи, что ты от меня хочешь?

– Попробуем еще раз... – медленно произнес Мышкин. – Ты мне сообщил, – он чеканил каждое слово, – что вскрывать Салье нельзя. Ты орал это на всю клинику, даже покойницу перепугал. Ты вопил, что вскрывать нельзя, потому что родственники покойной не дают согласия. Так?

– Может, и так, – неожиданно согласился Литвак. – А может, и нет.

– Что значит «нет»? Откуда ты взял родственников? Нет у нее родственников!

– А я-то здесь причем? – удивился Литвак. – Я виноват, что ли, что у нее никого нет?

– Да при том, скотина, алкоголик чертов, что именно ты – да, именно ты визжал, что родственники против вскрытия! Где ты их видел? В белой горячке?

– Ты, Дима, думай, что говоришь. Я все ж твой заместитель, а ты со своим языком... – с обидой произнес Литвак. И добавил решительно: – Нигде я твоих родственников не видел. Это Клюкин мне сказал, что вскрывать нельзя.

– Клюкин!!! – заорал Мышкин. – Ко мне!!!

– Готов выполнить любое задание Родины и начальника ПАО! – подбежал Клюкин.

– Толь... – устало заговорил Мышкин. – Ну хоть ты поведай нам что-нибудь человеческое. Зачем ты сказал Литваку, что Салье запретили вскрывать родственники?

– Родственники? – удивился Клюкин. – Про родственников ничего не знаю. Позвонил Сукин и сказал... – он замолчал.

– Ну? Что сказал Сукин? – обреченно напомнил Мышкин. Клюкин задумался.

– Что сказал? Что он сказал?.. – он яростно зачесал в затылке. – Сейчас вспомню. Вот! Сукин сказал, что Салье сама себя вскрывать не разрешает.

С воплем Мышкин вскочил, отшвырнул в сторону кресло, схватил большой секционный нож и метнул его в сторону канцелярского шкафа со стеклянными дверями. Нож впился точно в узкую деревянную раму и задрожал.

– Сговорились? – кричал Мышкин. – До «скворечника»¹⁴ решили меня довести? Смерти моей хотите? Как она могла сказать Сукину? Как распорядилась? С того света телеграмму прислала? Или электронной почтой?

Клементьева поймала Мышкина за локоть, нежно прижала к себе и стала гладить по плечу.

– А ты позвони Сукину, – спокойно посоветовал Клюкин. – Он тебе скажет, откуда была телеграмма.

Заведующий вторым хирургическим отделением Сукин

¹⁴ Сумасшедший дом имени большевика И. И. Скворцова-Степанова.

снял трубку сразу.

– Да, – сказал он. – Не вскрывать. Такова воля покойной. Есть завещание. Она при мне диктовала нотариусу, и я скреплял как свидетель.

– Хм... А почему ей так захотелось? – спросил угрюмо Мышкин.

– А черт ее знает! Нам-то какое дело... Сказала, по религиозным соображениям. Баптистской стала. Или адвентистской. Не знаю. Я в них не разбираюсь.

– Что-то новое! – удивился Мышкин. – Какая может быть религия? Она же доктор наук!

– Так и что – доктор! – отозвался Сукин. – Что там доктора наук! У нас подполковники КГБ и президенты страны с юности стали православными – сразу, как в ленинский комсомол вступили. Им можно, а ей нельзя?

– Да можно! Можно, – раздраженно согласился Мышкин. – Все, спасибо.

Постучали в дверь.

– Открыто! – крикнул Клюкин.

Снова Бабкин.

– Так я забираю? Или еще нет? – спросил он.

– Забираешь... – устало произнес Мышкин. – Танюша, – попросил он. – Кофейку. И вот еще попрошу: сделай мне пару срезов из мозгов киргиза, его Литвак вскрывает как раз...

Однако выпить кофе ему не удалось. Позвонила секретарь главврача и потребовала Мышкина к начальству.

6. Во всем виновато солнце

У входа в приемную главврача стоял автоматический бахилонадеватель. Посетитель миновать его не мог так же, как пассажир в аэропорту – металлодетектор. Без бахил к главврачу лучше не входить: может и выгнать – по настроению.

Мышкин поставил на панель бахилонадевателя правую ногу, нажал кнопку, выждал семь секунд. Автомат с чавканьем плотно облепил его кроссовку синим прозрачным лаптем. Поставил другую ногу – получил второй лапоть. Пропуск имеется, можно входить.

Он отворил дверь, в лицо ударил подвальный промозглый холод. Мышкин поежился, виновато улыбнулся секретарше, шестидесятипятилетней Эсмеральде Тихоновне Фанатюк, и взялся за ручку двери кабинета Демидова.

– Дмитрий Евграфович! – остановила его Эсмеральда с мягким упреком в голосе. – Вы разве не заметили, што ждесь шекретарь, которого надо шпрошить, прежде чем двери начальника открывать?

– Но вы же сами меня вызвали!

Она глянула на его обувь – бахилы на месте; с полминуты рассматривала скрепки на его голове.

– Ижвините, там Швейчария на проводе. Из фонда жвонят. И доктор Шукін там.

Так она облагораживала фамилию доктора Сукина,

но не подозревала, что лишний раз напоминает, на какую букву на самом деле падает ударение. Точно так психотерапевт приказывает параноику ни минуты не думать об обезьяне с красным задом, и тот старается, не выпускает красный зад из зоны своего внимания ни на минуту.

– Или вы шпешите куда?

– Вот уж нет! Я никогда никуда не спешу, – заявил Дмитрий Евграфович. – Мой *modus vivendi*¹⁵ – не бежать за трамваем и за вчерашним днем. Посижу у вас, помечтаю.

Ледяная струя из кондиционера ударила сверху, как поток из душа, заломило нос. Мышкин ухватился двумя пальцами за переносицу, сжал покрепче, чтоб не чихнуть, но опоздал. В приемной раздался грохот.

Эсмеральда вздрогнула.

– Напугали вы меня, дружок. Предупреждать надо.

В ее взгляде Мышкин увидел хорошо сбалансированные строгость и сочувствие.

Он вытащил из кармана грязноватый платок, теперь уже от души высморкался и виновато сказал:

– Простите, Эсмеральда Тихоновна. Обидно, знаете ли, простудиться в таком пекле.

Эсмеральда подняла правую бровь и одновременно опустила левую – максимальный уровень сочувствия.

– Нишево, нишево, друг мой, чихайте, сколько нравится, – величественно кивнула она. С ее подбородка оторвался

¹⁵ Образ жизни, способ существования (*лат.*).

и медленно опустил на стол белый лепесток пудры.

«И где она ее берет? – подумал Мышкин. – На прилавках уже сто лет не увидишь порошка – ни зубного, ни пудры. Мел, наверное, по вечерам толчет в ступке...» Ему вдруг вспомнилось прутковское «Древнегреческой старухе, как если бы она домогалась любви моей»:

*Отстань, беззубая!., твои противны ласки!
Со щек твоих искусственные краски,
Как известь, сыплются и падают на грудь.
Припомни близкий Стикс и страсти позабуди!..*

И закусил губу, чтоб не рассмеяться. Потом отметил, что сегодня Эсмеральда шамкает больше обычного, но непонятно, почему: все три ее желтых зуба на месте.

– А Сүкин... извините, Сукин давно там?

Фанатюк открыла крышку своего кулона на золотой цепочке:

– По хронометру, ангел мой, доктор Шукін жанят у Сергея Сергеевича девятнадцать минут и тридцать две секунды.

– Мерси! Даже не представляете, как я рад за доктора Сукина! – тоскливо сообщил Мышкин. «Окоченею здесь до смерти!...»

Тем временем Эсмеральда поставила на стол перед собой картонную коробку из-под женских сапог фирмы «Ленвест» двадцатилетней давности и принялась загружать ее женской мелочью. В картонку медленно легли пудреница, черный ко-

шелек типа «ридикюль», зеркальце квадратное, потом зеркальце круглое, потом зеркальце овальное с ручкой; пустой флакон из-под духов «Чио-чио-сан», флакон с лаком для ногтей, лак-спрей для волос, тубик из-под старинной польской губной помады. Дальше Эсмеральда взвесила на ладони пачку открыток – поздравительных, издавна понял Мышкин. Поколебалась и ее отправила в коробку. Поймав, взгляд Дмитрия Евграфовича, вздохнула:

– Ухожу, дорогой мой. Покидаю родную обитель. А ведь двадцать три года жа этим штолом!...

– Не может быть! Шутите?

– Какие тут могут быть шутки? – обиделась Эсмеральда.

– А мы? – закричал Мышкин. – Как же мы? Клиника? Больные? Врачи? Медсестры? Кошка Машка?

Взгляд Эсмеральды затуманился.

– На пенсию отправляют – а я не просила. Могу работать еще што лет. Ну, не што, – спохватилась секретарша, – а лет десять-пятнадцать – шево же? Могу.

Мышкин согласился, что запенсионный возраст – не повод для увольнения. Он и в самом деле думал: работает человек, хорошо работает. Какая разница, сколько ему лет? Вот только челюсти давно надо было вставить.

Эсмеральда была такой же неотделимой принадлежностью клиники, как секционный стол или электронный микроскоп в морге. До клиники она была мелким партийным работником, но освоилась здесь очень быстро. И пережила

всех начальников еще с тех времен, когда клиника была простой советской больницей. Она знала все: кто действительно хороший врач, а кто так себе, пусть он трижды доктор наук; прекрасно была осведомлена, у кого из врачей какая жена и какая любовница. И даже почитывала медицинскую литературу. Бывали моменты, когда Мышкину казалось, что не профессор Демидов, а секретарша Эсмеральда Тихонова в клинике настоящий хозяин.

Дмитрий Евграфович подумал, что с уходом Эсмеральды клиника лишится чего-то очень нужного, а главное, привычного – того, на чем держится спокойствие, стабильность и даже уверенность в завтрашнем дне. Что бы ни случилось, а Эсмеральда даже с ее устрашающими клыками была всегда на своем месте, а часто и на месте главврача: не хуже начальства разводила проблемы и людей так, что пар с нее валил. То, что хороший секретарь в любой конторе важнее начальника, для Мышкина давно не было секретом. Он был уверен: возникни надобность, Эсмеральда и за операционный стол станет и наладит к делу именно тех врачей, лучше которых никто не справится. А уж дипломатом Эсмеральда была таким, какие и МИДе среди карьерных не часто попадаются.

– Нишево! – сказала она мстительно. – Посмотрим, кого они пошадят на мое мешто. И што новые кадры тут будут делать! Найдут девку с ногами от ушей – таких пруд пруди. А дальше? Работать кто будет?

– В самом деле, кто? – подхватил Мышкин.

– Кошку Машку я жаберу, – сообщила Эсмеральда. – Пропадет. Бешчувственные вы люди, врачи...

Тут открылась дверь, и вышел доктор Сукин – весь красный и потный. А ведь у главного в кабинете, отметил Мышкин, не один, а целых три кондиционера.

Пробегая мимо, Сукин спросил:

– Отдал бабушку?

– Отдал.

– Целой? Невредимой?

– А как еще? – возмутился Мышкин.

– Молодец! – похвалил Сукин. – Будут проблемы – заходи.

Мышкин сидел перед профессором Демидовым уже пять минут, но тот его не видел, уставясь в окно на раскаленный добела день. Сегодня он особенно напоминал хмурого раздражительного барсука, вполне оправдывая свою кличку. Потом медленно достал вечную «белинду», выпустил два кольца дыма, поплевал на окурок, сунул в тубу, завинтил, но в карман не спрятал, а положил перед собой. «Не может переключиться, – догадался Мышкин. – О чем же они говорили с Сукиным?»

Демидов побарабанил пальцами по столу, потом шлепнул по нему ладонью.

– Все! – с мрачной решительностью заявил он. – Ко всем чертям! И Златкиса тоже.

– Здравствуйте, Сергей Сергеевич, – деликатно напомнил о себе Мышкин.

Главврач смотрел на него и все еще не узнавал. «Определенно Сукин в астрал его закинул».

И здесь в темя Мышкину хлестала ледяная струя плохо отрегулированного кондиционера. И только когда Дмитрий Евграфович чихнул с пушечным грохотом, Демидов вздрогнул и очнулся.

– Привет, пан Мышкин, – сумрачно произнес он. – Ты что здесь делаешь? Что надо?

Не выдавая удивления, Дмитрий Евграфович ответил:

– Вообще-то, мне испанские боны нужны, – и, увидев, что брови Демидова поползли на лоб, поспешил добавить: – Эсмеральда вызвонила.

– В самом деле? – потер лоб Демидов. – Да, простите, любезнейший мой доктор: Сукин с толку сбил... Так о чем бишь? Да! Вспомнил! Зачем вы ко мне Бабкина пригнали? Создали конфликтную ситуацию...

Дмитрий Евграфович удивился.

– Никого я к вам не пригонял! Бабкина – тем более. Да и зачем? – он пожал плечами. – Никакой ситуации не было. Мелкая перебранка. Сукин все уладил за три секунды. Не понимаю, зачем из ерунды раздули проблему.

– Так ты все-таки выдал труп Бабкину? Не вскрывал?

«А тебя-то почему труп так волнует?» Но вслух сказал максимально убедительно и неопределенно:

– Все сделал, как надо, Сергей Сергеевич.

Похоже, именно неопределенность ответа убедила Демидова.

– Хорошо. Больше не впутывайте меня во всякую чушь. Личную жизнь мне сокращаете пустяками! И себе, кстати, тоже.

– Могу идти?

– Погоди немножко... У меня есть еще одна причина быть вами недовольным, сеньор заведующий.

Но тут главврач неожиданно сменил тон. Спросил голосом, полным сочувствия:

– Как вы считаете, Дмитрий Евграфович, не было бы рациональнее и надежнее весь казенный спирт хранить в одних руках и в одном месте? Скажем, передать его на баланс доктору Крачкову или в хозяйственную часть? И не создавать запасов в отдельных структурах клиники?

«Ну уж точно в астрале побывал. Или спятил?» – встревожился Мышкин. И ответил не сразу.

– Да как-то не задумывался, честно говоря.

– А следовало бы! Следовало задуматься! – неожиданно рывкнул главврач. – Например, над тем, как долго еще в патанатомическом отделении будет открыт подпольный трактир?

Мышкин покраснел и почувствовал, как на носу выступили капельки пота.

– М-м-м... – выдавил он из себя.

– Вот именно! – припечатал Демидов. – Всё у вас просто, как мычание! «Му-у-у» – и больше ничего. А, может, вы алкоголик, доктор? Конечно, не такой, как Литвак. Но Литвак – уже в стадии завершения.

Дмитрий Евграфович поразмыслил.

– Сам не знаю, Сергей Сергеевич, – честно ответил он. – Иногда мне кажется, что я алкоголик, иногда – ещё далеко до настоящего алкоголизма.

– Ну, хоть за признание спасибо, – проворчал профессор. – Так что со спиртом?

– Конечно... – с болью в сердце ответил Мышкин. – Конечно, если в одних руках, то контролировать расход легче. Меньше потерь. Можно проследить перерасход. И взыскивать.

– Ещё одно тебе спасибо... Короче, закрывайте таверну или я действительно спирт отберу. И это будет уже навсегда.

– Сегодня же закрою! – облегченно пообещал Мышкин. – Вечером.

– Принимаю к сведению. Больше к этой теме не возвращаюсь. Так? – он сунул в угол рта окурок, но зажигать не торопился.

– А теперь расскажите мне в подробностях и точно так же честно, почему вы сорвали утреннюю конференцию. Тем более что сами требовали время для доклада. Все ждали барина битый час! Вы отобрали у каждого из нас по шестьдесят минут и без того короткой жизни. Только не вздумайте

утверждать, что ваш трамвай столкнулся с пароходом. Знаете, кого никогда нельзя обманывать?

– Священника, прокурора и главврача! – отчеканил Мышкин.

– Смотри-ка, выучил...

– Все скажу, как есть.

– У бабы застрял? На даче?

– На даче. В Соснове. Только мне, в самом деле, с транспортом не повезло. На электричку в полседьмого опоздал, точнее, она уехала на пять минут раньше расписания. Следующую отменили, а дали только через три часа.

– Неужели? – недоверчиво переспросил главврач. – А вот доктор Сукин утверждает, что была дополнительная – в семь. Он-то приехал вовремя. Почему?

«В самом деле, почему? – с тоской подумал Мышкин. – И где у Сукина дача?».

– Так ведь Сукин в Орехове живет, – вспомнил. – Оттуда и дали дополнительную.

– А не из Соснова? – усомнился главврач.

– Совершенно верно. Из Соснова.

– Так что ты мне головной мозг дуришь? – рассердился Демидов. – Была электричка или нет?

– Разумеется, была, Сергей Сергеевич, – ласково подтвердил Мышкин. – Дали из Соснова, а пассажиров взяли в Орехове. В Соснове не брали.

– Хм... Ну что ж... А с головой что? Все-таки трамвай

с парходом? Откуда скрепки? Кто ставил?

– Так ведь оттуда же, Сергей Сергеевич. С вокзала. Погнался за поездом и сгоряча не заметил, как платформа кончилась. Хорошо, хоть медпункт на вокзале был открыт.

– В Соснове? – поднял брови Демидов. – Прекрасная новость! Там отродясь не было медпункта.

– Собственно, не медпункт, – отступил Мышкин. – Там скорая стояла. С вызовом. Ну, я и подошел, они заклепали мне башку. За двадцать баксов.

Двадцать баксов оказались самым могучим доказательством.

– Примем как гипотезу, – примирительно сказал главный врач. – А нас чем хотел удивить спозаранку?

Мышкин сунул руку в карман халата и тут же одернул ее: там лежали предметные стекла со срезами мозгов бабушки русской демократии. Блокнот оказался в левом.

– Мне, Сергей Сергеевич, следовало, из дисциплинарных соображений, прежде подать вам служебную записку, а потом выступать – это я сознаю, – заговорил Мышкин. – Но для записки материала маловато. Я хотел только обозначить проблему. И выдвинуть рабочую гипотезу.

– Обозначай, выдвигай. Только поживее.

Мышкин торопливо перелистал блокнот.

– За шесть месяцев текущего года, – начал он, стараясь подбирать слова поточнее, – ощутимо увеличилась нагрузка на патанатомическое отделение. Не то, чтобы резко,

но заметно. Примерно, на тридцать процентов. По сравнению с прошлым годом. – Он посмотрел на Демидова. Тот держал в зубах окурок, мрачно ощерившись. «Значит, для него не новость. Почему ж ты, Барсук, молчал до сих пор?»

– Цифру я даю навскидку, но тенденция налицо, – добавил он.

– Она мне хорошо известна, – медленно произнес профессор Демидов. – И, к великому сожалению, не только вам известна, но и Крачкову... И тем, кому не следовало бы так рано знать. Хуже, что она, тенденция, без моего согласия и комментариев почему-то попала в Женеву. И Златкис вчера прислал запрос. Требуется объяснений.

– Извините, Сергей Сергеевич, я чего-то не понимаю. Златкис, он – кто? Всемирная организация здравоохранения? Или комиссар ЮНЕСКО?

Главврач посмотрел на него исподлобья.

– Дмитрий Евграфович, скажи честно – так, как ты всегда мне говоришь... Ты только притворяешься идиотом или идиот на самом деле? Забыл, кто содержит нашу клинику? И кто тебе зарплату платит?

– Вот именно – содержит, – язвительно подхватил Мышкин. – Пусть и занимается содержанием. А медицину и науку оставит нам.

– Вот ты ему лично и скажи! – посоветовал Демидов. – И совет директоров Европейского антиракового фонда заодно поставь по стойке «смирно» и распиши им обязанно-

сти... – он сокрушенно покачал головой. – Такой большой мальчик, уже двадцать пять лет живешь в совершенно другой стране и не можешь усвоить, что медицина – уже не медицина в наших устаревших советских представлениях. То есть, не совсем одна медицина, – уточнил главврач. – Это еще и бизнес. Сначала он, а потом остальное. Огромный бизнес. Не меньше чем мировой футбольный тотализатор. Или торговля наркотиками, оружием, женщинами и рабами.

– И это очень печально, – отозвался Мышкин. – Головой понимаю, а душой... – он только покачал головой. – Продолжать?

– Сейчас... – сказал Демидов. – Для таких совков, как мы с тобой, то есть советских людей по своей сути, противоречие здесь кажется непримиримым – медицина есть соединение науки и искусства и, в огромной степени, морали. Она не может подчиняться закону извлечения прибыли.

– Извлечения прибыли любой ценой, – подсказал Мышкин.

– Так что, Дмитрий, мы с тобой давно уже не врачи. Мы торговцы. Мы продаем специфические услуги. И, с точки зрения организации, мотивов и целей, наше лечебное учреждение ничем не отличается от супермаркета напротив нас, через улицу. С той только разницей, что если в магазине человек купил испорченную ветчину, у него есть шанс доказать, что отравили его владельцы магазина. Доказать вину врача сложнее.

– Наверное, некоторая сакральность медицины еще имеет место, – согласился Мышкин. – Но она становится с каждым день все... прозрачнее, что ли? Теперь все разбираются в политике, педагогике. В медицине тем более. Потому что на уровне коллективного бессознательного отныне существует убеждение, что не врач лечит больного, а деньги.

– Не совсем так. Но там, где действуют законы спроса и предложения, а не мотивированность общества на самосохранение, сакральных тайн будет все меньше. Поэтому и Соломон Златкис, не будучи медиком, взял на заметку, что часть наших покупателей осталась неудовлетворенной и слишком быстро отправилась в лучший мир, куда сам Соломон Наумович не спешит. Самая большая наша ошибка, точнее, неквалифицированность, по мнению Златкиса, неосторожность и даже глупость в том состоит, что мы позволили этим людям умереть в клинике, а не по домам. И он прав. Его волнует деловая репутация всех медицинских супермаркетов, которыми владеет Европейский антираковый фонд. У тебя есть разумные предложения? Может, идеи? Мы ведь все тебя любим за твои неожиданные идеи, – подмигнул профессор. – Только заруби себе на носу, окончательно: и клиника, и аппаратура, и твой любимый электронный микроскоп, и твой суперсовременный спектральный анализатор, и даже самый ржавый скальпель в помойном ведре, и спирт, который у тебя постоянно перерасходуется, и земля под нашим, вернее, не под нашим зданием, – все принадлежит Ев-

рофонду. На правах корпоративной собственности. Усвоил?

– Как усвоить такую гадость... – хмуро произнес Мышкин. – Мы получаемся не специалисты, а крепостные... – но Демидов перебил:

– Решения фонда обсуждению не подлежат.

– Как в армии?

– Как в армии. Напоминаю: у тебя всего несколько минут. Говори дело или я тебя выгоню. Кстати, какая у тебя зарплата?

– Две с половиной штуки, – ответил Мышкин, удивившись: Демидов знал зарплату каждого и каждый год добивался прибавки для всех.

– Рублей?

– Долларов, – он еще больше удивился забывчивости главного врача.

– Две с половиной тысячи долларов... – медленно проговорил Демидов. – Округленно – семьдесят пять тысяч рублей в месяц. А с учетом обвала рубля, с нового года будешь получать все сто двадцать тонн тугриков. Хорошо, а? Есть в городе еще заведующий ПАО, имеющий столько?

– Не знаю.

– Так вот знай: нет больше таких! Никто из твоих коллег в городе столько не имеет. Ты даже не подозреваешь, как тебе завидуют. И ненавидят. И сколько гадостей выдумывают про тебя и в Женеву докладывают, чтобы тебя скovyрнуть. И если я тебя до сих пор не выгнал...

– Никуда вы меня не выгоните! – дерзко перебил Мышкин.

– Это почему? – удивился Демидов.

– Потому что мне цена, может быть, вдвое больше.

– Ну и наглец! – изумленно покачал головой главврач.

Но Мышкина уже было не удержать.

– Что может быть противоестественнее: медицина и коммерция! – его баритон свободно загредел под потолком и заглушил шелест кондиционеров. – Ведь это же просто... – он подыскивал слово, но лучшего не нашел: – это... аморально!

– А две с половиной тысячи зеленых в карман класть каждый месяц – не аморально? – закричал Демидов. – А мне получать для клиники лучшее в мире оборудование, фармацевтику – тоже аморально? А кто тебе новенький морг спроворил, может, лучший в мире?!

Ответа у Мышкина не было, он снял очки и стал яростно вытирать их платком.

– Оставь стекла в покое! – приказал Демидов. – И скажи: кто еще способен дать такие средства? Ну? Не стесняйся, милая девушка, все расскажи!

– Кто может?... – помедлил Мышкин. – Государство может. Оно сейчас у нас безумно богатое.

– Что-о-о? – презрительно протянул Демидов. – Какое еще государство? Государство давно приватизировано частными лицами.

– Кем же? – ехидно спросил Мышкин.

– Телевизор смотришь?

– Как когда.

– Стало быть, знаешь, о ком я говорю... Скажи-ка мне, Савонарола, ты приглашение на конгресс в Вену получил?

– Так точно, получил.

– Считаем – дорогу туда и обратно, гостиницу – три звезды, суточные – по сто пятьдесят евро на день... кто тебе столько даст?

Мышкину оставалось только плечами пожать.

– Вот именно! – с удовлетворением отметил главврач. – Никто не даст. А Златкис дал! По первому моему требованию. Тебе советская власть столько никогда не могла дать!

Мышкин кивнул – это тоже была правда.

– Но я знаю про тебя еще кое-что... – в голосе главврача Мышкину послышалась отдаленная угроза. – Ты написал монографию. Я читал и не буду отрицать – прекрасная работа. Но никому не говоришь, как издал ее. А я знаю. Ты ее издал на свои деньги. Точнее, влез в долги.

Мышкин протестующе поднял руку.

– Помолчи! – приказал профессор. – Завел меня – теперь слушай! Влез в долги, значит... В большие. Дорогая книжечка получилась. Вся в цветных иллюстрациях – как иначе? И теперь ты пытаешься ее продать сам, потому что ни один магазин не берет у тебя такую дорогую. Вот сколько обошелся один экземпляр?

– Шесть с половиной тысяч рублей.

– Ну вот... – удовлетворенно кивнул Демидов. – Тираж-то какой?

– Тысяча экземпляров.

– Сколько сбыл?

– Пятнадцать штук... – признался Дмитрий Евграфович.

– Хм! Пятнадцать! Значит, все-таки есть спрос, покупают.

– Двое купили...

– А тринадцать?

– Пришлось так отдать. Очень просили. Обещали деньги вернуть... когда будут.

– Остальной тираж где держишь?

– Ну, Сергей Сергеевич!.. – недовольно протянул Мышкин. – Вам-то зачем? Украсть хотите?

– А я и без тебя знаю! В морге держишь. Под чехлами для трупов, в углу. Так вот: не хотел я тебе говорить и незаслуженно радовать, да черт с тобой! За десять минут до твоего появления, я разговаривал со Златкисом.

«Да, Эсмеральда говорила, какая-то Швейцария звонила...» – вспомнил Дмитрий Евграфович.

– Жаль, что разговор состоялся в присутствии Сукина. Но я не виноват. Златкис сам позвонил. И Сукина я очень огорчил. Потому что говорил со Златкисом о тебе.

– Зачем? – удивился Мышкин.

– Затем, что я пока здесь начальник и сам выбираю темы для разговора. Я сказал о твоей монографии. И подобрал провокашку, чтобы фонд выкупил ее у тебя... по тво-

ей цене, конечно. И бесплатно – подчеркиваю! – совершенно бесплатно разослал ее по всем профильным учреждениям, а главное, по мединститутам. А тут Сукин, представляешь, как нарочно... Пришел кланчить денег на свою монографию. И такой пассаж со Златкисом... Нехорошо, в общем, вышло. Для Сукина.

Он выжидающе смотрел на Мышкина, но тот тоже ждал.

– Так вот... Соломон Наумович для порядка покочевряжился, потом сказал, что идея моя – продуктивная. Сказал, что само по себе его мнение еще не всё, но через пару дней обещал дать официальный ответ. Но он уверен, слышишь, – *он уже уверен*, что ответ будет положительным. До чего же аморально, правда, Дмитрий Евграфович? Дальше некуда: частная контора скупает убыточную научную литературу и раздает ученым бесплатно! Как ты думаешь?

Но Мышкин и пошевелиться не мог. Язык у него одеревенел, и Дмитрий Евграфович только таращился на Демидова и тяжело дышал.

– От радости в зобу дыхание сперло, – констатировал Демидов. – А еще Златкис сказал, что там, в Женеве, следят за твоей карьерой, и не исключено, что предложат тебе стать полноценным членом фонда. Знаешь, что это значит?

– Не-е, – еле выдавил из себя Дмитрий Евграфович.

– Это как в рыцарский орден. Из оруженосцев – сразу в рыцари. Скажу по секрету, из нашей клиники только четверо действительные члены фонда. Он дает много возмож-

ностей. В том числе и финансовых. Конечно, это аморально – я понимаю! – едко подчеркнул профессор. – Поэтому не сомневаюсь, что ты отвергнешь мерзкое предложение алчного еврея Златкиса.

– Я... – только и прохрипел Мышкин.

– Ладно уж. Молчи. Поехали дальше. – Он посмотрел на часы. – Ты уже отобрал у меня большой кусок жизни... Заканчиваем. Прежде чем ты продолжишь, прошу тебя усвоить: тридцать процентов дополнительной летальности – не только чьи-то утерянные жизни, а каждая бесценна и уникальна. И не только чье-то горе, которое всегда у кого-то больше, чем у других. Это еще и удар по репутации конторы, которая нас кормит, одевает и выкупает у нас наши же слишком дорогие монографии. Не забывай, что половина наших пациентов – иностранцы. Есть немцы, есть и швейцарцы. Они не у себя лечиться решили, а у нас – это что-то значит. Поэтому мы с тобой обязаны не только дать описание проблемы, но и предложить быстрое и эффективное решение – любой ценой. *Любой ценой* – ты слышишь?

– Да-да, Сергей Сергеевич... есть кое-какие наброски... – он откашлялся. – Сергей Сергеевич, вырубите этих ледяных драконов... Пневмонию у вас подхвачу.

Демидов хмыкнул, но молча встал и выключил два кондиционера над Мышкиным, оставив третий в углу.

Мышкин положил блокнот на стол и разгладил его.

– Итак, рост летальности за шесть месяцев... Цифра

и в самом деле, тревожная. Даже устрашающая.

– Куда уж дальше! Бьет наповал, – мрачно произнес профессор Демидов.

– Хочу еще раз подчеркнуть, что мои данные – вовсе не данные, а соображения, предпосылки; обоснование для дальнейшего исследования. Тем не менее, они указывают, где нужно копать в поисках главной причины, хотя их может оказаться и несколько.

– И где же собачка зарыта?

– Не у нас! – заявил Мышкин. – По крайней мере, главная собака – не у нас. И причина, от которого пошел у нас мор, вовсе не медицинского характера.

Демидов заерзал в кресле.

– Постой, постой! – остановил он. – Сейчас!

Он схватил свой кейс, долго в нем копался и наконец отыскал там еще одну «белинду». Сигара, по виду кубинская, оказалась нетронутой. Главврач откусил кончик, выплюнул под стол, с наслаждением закурил и выпустил три кольца.

– Теперь я готов, – сообщил он. – У меня такое ощущение, что ты сейчас поднимешь мне настроение. Даже мозги лучше заработали. Не веришь?

– Почему не верить? – возразил Дмитрий Евграфович. – Чистая физиология. Нормальная реакция организма на наркотик, содержащийся в табачном дыме. Итак, продолжаю!.. Я запросил научный отдел и поработал с Крачковым на пред-

мет, изменилось ли что-нибудь в лечебной практике, о чем я просто мог не знать? Ничего не изменилось. Препараты, тактика? Ничего. Оперативные вмешательства? Любой с уверенностью отметит, что главный принцип в практике Успенской клиники – разумный консерватизм.

– Это не открытие, – проворчал Демидов. – Это родовой признак медицины вообще. Только сейчас узнал, что ль?

Мышкин пропустил реплику мимо ушей.

– Можно было бы предположить – для чистоты выводов, что у кого-то из наших врачей снизилась квалификация – ошибки там и прочее... Оказалось, все наоборот, общая квалификация персонала только повысилась. Впрочем, сам фактор носит оценочный характер, кое-где он размыт и туманен. Так что его не стоит брать в расчет, если только не предположить дополнительно, что кто-нибудь *намеренно* отправляет наших пациентов на тот свет. То есть, клинику осчастливил своим присутствием серийный убийца, маньяк, не отказывающий себе в этом маленьком удовольствии.

Демидов хмыкнул, из-под бровей выстрелил взглядом Мышкину в лоб, но ничего не сказал.

– Согласен, – торопливо добавил Мышкин. – Версия ту-пиковая. В той стороне ничего не накопишь.

Главврач еще раз пристально посмотрел на Дмитрия Евграфовича и медленно кивнул.

– Конечно, я мог бы сослаться на ваш скандальный доклад и заявить: вот вам – системное ослабление иммунитета насе-

ления. Но это не про нашу клинику. Треть пациентов – иностранцы. Люди состоятельные. Остальные – наши демократы и ньювориши или из республик, люди еще более состоятельные. Может быть, роковым образом в рассматриваемый период к нам поступали пациенты с запущенными формами и вместо того, чтобы отправлять таких обратно, чтоб не портили картину, мы все-таки принимали безнадежных? Я просмотрел почти все поступления. И не обнаружил ни одного случая заведомой безнадеги. Пограничные моменты – да, имеются, в пределах нормы.

– Могли быть ошибки предварительного диагноза, – бросил реплику Демидов.

– Могли, – согласился Мышкин. – Один, два, может, три случая... пять. Но так плотно? Нет, Сергей Сергеевич, эту версию тоже долой. И тут... я заподозрил, вернее, предположил, что искомая причина находится где-то вне клиники, на стороне и, возможно, она представляет собой непреодолимую силу, коль скоро с ней не могли справиться в такой хорошей, даже очень хорошей конторе, как наша. И скажу вам честно: не знаю, смог бы сам Господь Бог справиться с той причиной, которую я вам сейчас назову... Что уж говорить про возможности доктора Сукина или квалификацию профессора Демидова...

Демидов повеселел. Он даже ладонь приложил к уху, хотя слух у профессора был отменным – не то, что у Мышкина.

– Вы, Сергей Сергеевич, безусловно, знаете, что представ-

ляет собой теория Чижевского, – сказал Мышкин.

– Александра Леонидовича?

– Именно его.

– Полагаю, – чуть ворчливо произнес Демидов, – что теорию Чижевского о периодах солнечной активности и ее влиянии на физическую и социальную жизнь знает даже Эсмеральда Тихоновна. И наш вечно пьяный плотник Володя.

– Пусть так, – согласился Дмитрий Евграфович. – О пиках и спадах активности Солнца известно многим. Однако же, по моим чисто эмпирическим наблюдениям, мало кто увязывает этот феномен с конкретной практикой. Особенно в медицине. Фактор очевидный, а поди ж ты, никому не интересный. За исключением немногих светлых голов.

– И вы, конечно, со свойственной вам скромностью и прямотой, отнесли себя к этому замечательному меньшинству! – восхитился Демидов.

Мышкин несколько не смутился.

– Начальству виднее. Для пущей ясности напомним некоторые важные позиции. Всего лишь несколько цитат из работ нашего современника знаменитого астрофизика и космогеолога академика Каттерфельда Геннадия Николаевича¹⁶.

– Это который, не выходя из квартиры, открыл воду на Луне? – удивил Мышкина осведомленностью главврач. – А через тридцать лет после того наличие воды подтвердили американцы?

¹⁶ Реальное лицо (1927—2013 гг.).

– Подтвердить-то подтвердили, – согласился Мышкин. – Но есть у наших американских коллег неистребимый недостаток: они не любят ссылаться на первоисточники. Объявили себя первооткрывателями воды на Луне. И все. Каттерфельда как и не было. А он и на Марсе открыл воду.

– Не слишком ли ты строг к американским коллегам? – поинтересовался Демидов.

– А что там строжить... Всем известно.

– Ближе к Солнцу, – напомнил главврач.

– Вернемся к Солнцу... Итак, каждые одиннадцать лет наше светило проявляет повышенное беспокойство, раздражение и даже ярость. «Ярый», кстати, означает на древнерусском «солнечный»... Реакции термоядерного синтеза на Солнце заметно ускоряются и протекают с максимальной интенсивностью. Солнце покрывается дополнительными пятнами – в этих местах кипение плазмы наиболее сильное. В это время солнечные пятна можно увидеть невооруженным глазом, если, конечно, найдется такой дурак – смотреть на солнце невооруженным глазом. Цитирую Каттерфельда: «Во время пика активности солнца происходят самые сильные взрывы солнечной материи. При каждом таком взрыве от Солнца отрывается масса весом от одного до десяти миллиардов тонн и в виде огненного факела устремляется к планетам. Один такой протуберанец превосходит размер Земли в 100 в минус двухсотой степени раз»...

– В сто в минус двухсотой степени раз... – задумчиво по-

вторил Демидов. – Трудно представить такие величины.

– Да, он так и пишет: «Трудно даже представить себе, какой мощи электромагнитный удар обрушивается на каждого жителя Земли. Чувствительность каждого человека к солнечному электромагнетизму, его предрасположенность к реагированию даже на небольшие солнечные всплески определяются жидкокристаллической структурой нашей нервной системы. В каждой ее клетке существует малое биомагнитное поле, которое реагирует на электрический сигнал, равный одной миллиардной вольт! А на миллиард вольт как реагирует? Особенно страшен такой удар для сердечнососудистой и эндокринной систем...»

Мышкин остановился и достал свои сигареты.

– Можно?

– Ты что, мой дорогой, – удивился главврач, – не знаешь, что в клинике настрого запрещено курить? Мой приказ не знаешь?

– Так то в клинике...

– Ну ладно, раз так... Только не обкуривайте меня, доктор, вашей гадостью.

– Обкуривание сигарой – не гадость? – дерзко поинтересовался Мышкин.

– Конечно, нет! – отпарировал Демидов. – Если курит начальник. Тем более что мои сигары сделаны из табака, а твои «Мальборо» из мусора, веревок, выброшенных половых тряпок и куриных перьев.

– Ситуация усугубляется еще и тем, – продолжил Мышкин, – что в организме человека с возрастом накапливается жидкое железо – наилучший проводник для электромагнитных излучений. Поэтому пожилые люди в такие периоды страдают больше. Их организм представляет собой этакий открытый резонансный колебательный контур, и под электромагнитными залпами, то есть под ударами Солнца он начинает давать серьезные сбои, а то и вовсе... останавливается. Вот, кстати, основная и подтвержденная убедительной статистикой причина внезапных смертей совершенно здоровых с виду людей.

– Так-так, для начала звучит неплохо.

Мышкин погасил сигарету в человеческом черепе и закрыл блокнот.

– На дворе у нас сейчас самый пик и тянется от он необычно долго.

Демидов молчал, о чем-то напряженно размышляя. Потом с удовольствием потянулся и зевнул.

– Замечательно! – заявил он ясным и свежим голосом, будто только что хорошо выспался. – Просто великолепно. Но, любезнейший мой доктор, не хватает сущей малости. Пустяк, но без него ваше прекрасное сообщение – не более чем лекция члена общества «Знание» для сумасшедших старух в жилконторе. Только эксперимент даст стопроцентную надежность твоим выводам. Согласен?

– Конечно, согласен, однако...

– Можно провести эксперимент? Но так, чтоб не затягивать дело?

Мышкин печально покачал головой.

– Эксперимент невозможен принципиально.

– Почему?

– Во-первых, мы не в состоянии обеспечить контрольной группе условия нормальной солнечной активности. В нашем распоряжении только одно Солнце. В единственном экземпляре, – подчеркнул он. – И оно сходит с ума. Запасного, с нормальным режимом, нет.

– А во-вторых?

– Во-вторых, надо намеренно допустить мор в испытуемой группе. Думаю, это будет не очень полезно для коммерческой репутации Успенской клиники.

– Так-так-так... – Демидов побарабанил пальцами по столу. – И что же вы намерены предложить? Я вижу пока одни только умственные спекуляции – ни купить, ни продать, ни взвесить. Есть что-нибудь еще?

– Есть закон больших чисел. Статистика. Нужна куча статистических материалов лет этак за двадцать. Много куч. И по нашей клинике, и по другим лечебным учреждениям фонда. Тогда я обещаю вам очень красивый вывод. И неоспоримый. И очень полезный для медицинской коммерции.

Демидов с сомнением покачал головой.

– Не знаю, честно говоря, как это у тебя, Дмитрий, полу-

чится. Нашей клинике всего-то двенадцать лет.

– Я и говорю: не только нашу контору. Другие тоже посмотреть. И не только онкологию, но и кардиологию, неврологию... Психиатрию тоже будет не лишне.

– И все же нельзя упираться рылом только в одно корыто, – заявил главврач. – Могут быть причины совершенно непредвиденные. А если у нас завелся какой-нибудь интересный вирус? Ты на солнце пялишься, а надо на землю смотреть.

– Не-е-е, Сергей Сергеич... Во-первых, теория вирусного патогенеза канцера, как вам известно лучше меня, – поэма, написанная вилами по воде. Далеко не все признают вирусную теорию возникновения злокачественных опухолей. Вы же первый не признаете.

– Тем не менее, она существует, и отмахиваться от вирусов нельзя. В комплексе смотреть надо.

– Но мы ведь смотрим в системе – и ничего. Ни биохимики не видят, ни гистологи, ни микробиологи. Никаких вирусов, кроме насморчных и тому подобных. Не наших.

– Плохо смотрите.

– А уж так я бы не сказал! – возразил Мышкин и заулыбался до ушей. – Не вы ли, товарищ начальник, благодетель наш, еще на прошлый новый год сделали клинике два шикарных подарка – два лучших в мире аналитических сканирующих электронных микроскопа SU-9900? Не простые микроскопы – цифровые. От них никакой вирус не спрячется. Нет,

будем пока отрабатывать фактор аномальной солнечной активности.

— А еще я слышал, что в этом году на солнце вообще пятен нет. Аномальная активность есть, а пятен нет. Такое может быть?

— Только в телевизоре, — успокоил Мышкин. — Там все, что пожелаете. Я специально справлялся: пятна есть и их больше, чем когда-либо.

— Ну что же ... — начал Демидов, но неожиданно распахнулась дверь и на пороге возникла Эсмеральда Фанатюк.

— Надо полагать, что-то чрезвычайное, Эсмеральда Тихоновна? — недовольно спросил главврач.

Она подошла ближе, пристально посмотрела на Мышкина.

— Ничего страшного, — сказал ей Демидов. — Дмитрий Еврафович — наш человек.

Чуть наклонившись к столу, Эсмеральда произнесла тихо и мрачно:

— *Бугор в яме.*

Демидов вскочил.

— Все, доктор, на сегодня! — заявил он Мышкину. — Месяц не могу в горздрав пробыться. Катись отсюда, драгоценный. Мне лавку закрывать надо.

7. Арбузятник Ефим Беленький

Оставшись с Эсмеральдой, главврач тихо спросил:

– От кого сигнал?

– От Мирры, ештештвенно, кто еще так вас любит!

– Трудно поверить, – с сомнением произнес Демидов. –

После того, что случилось у нас с ее мужем...

– Нет-нет, она вше понимает.

– И все же я склонен думать, что здесь больше ваша заслуга, – беззастенчиво польстил Демидов.

Эсмеральда всхлипнула, потом тяжело вздохнула:

– А вы меня – на помойку. Такая благодарность. Двадцать три года оттарабанила на одном меште!..

– Эсмеральда Тихоновна, – умоляюще сложил ладони профессор Демидов. – Вы же прекрасно знаете, какие сейчас порядки! Всё – в Женеве. Я человек подневольный, – он вспомнил Мышкина. – Можно сказать, почти крепостной.

– ...Посадят в мое кресло двадцатилетнюю дуру!.. Без мозгов, без соображения, без лифчика и без трусов!.. Можно работать в такой обстановке?

– Да уж! – вынужден был признать Демидов. – В такой обстановке работать невозможно...

– Я и говорю!

– Попробую еще раз с хозяевами, – пообещал главврач.

– Не надо! – с горечью возразила Эсмеральда. – Вше равно

без толку. Плевать они на вас хотели. Они себе бизнес делают. Им все равно, чем заниматься – презервативами торговать или здоровьем!

Секретарь-референт председателя комитета по здравоохранению, который врачи для удобства продолжали называть горздравом, Мирра Герцевна носила редкую фамилию Периклес. Она когда-то была главврачом огромной территориальной больницы в Московском районе. Дело свое поставила на высшем уровне, переманивала к себе лучших специалистов не только Питера, но и Москвы. Несколько лет обивала пороги Ленгорисполкома и добилась, чтобы город построил многоквартирный дом для её врачей и медсестер – это было самое большое богатство в те времена.

В годы напастей – перестройки, демократии и свободы – Мирра Герцевна и ее муж перестроиться, демократизироваться и освободиться не сумели. Скоро обнаружили, что находятся в огромном сумасшедшем доме под названием «Российская Федерация». Только без психиатров. А город с названием Санкт-Петербург супруги Периклес стали воспринимать, как бешено несущийся поезд под управлением безумного машиниста.

И тогда Мирра Герцевна и Соломон Аронович Периклеса поняли, что пора прыгать с этого поезда на ходу. Спасаться решили на исторической родине.

Их поселили в Хайфе. Квартирка досталась плохонькая –

типичная хрущевка, но жить можно, а минимальная израильская пенсия оказалась на порядок больше, чем в России. И хотя непонятная для свежих иммигрантов абсорбция, то есть очищение от своего прошлого и вращение в новую жизнь, прошла для них быстро и хорошо, угнетала постоянная готовность государства к войне и ее непрерывное ожидание. Ощущение, что смерть дышит в затылок совсем рядом и везде, — за ближайшим углом, в автобусе, в кафе, в магазине, в школе или просто на любой улице, бывало невыносимым. Особенно трудно абсорбировались советские репатрианты. В «империи зла» личную безопасность и уверенность в завтрашнем дне, перспективу жизни им гарантировало государство, и гарантии эти были естественными, как воздух, который человек не замечает, пока нормально дышит. И вспоминает о нем лишь тогда, когда воздуха вдруг не хватает и смерть от удушья совсем рядом.

Вдобавок оказалось, что в Израиле слишком много евреев. Такое открытие сильно раздражало большинство выходцев из России. В свою очередь, коренные жители Израиля считали русских евреев людьми второго сорта и сплошь, почти без исключения, идиотами.

Однако самая большая неприятность пришла в семью Периклесов совсем с другой стороны. Первые же весенние ветры принесли из пустыни Негев туманы тончайшей известняковой пыли. Вездесущая взвесь, к которой большинство населения Израиль за пятьдесят с лишним лет привыкло,

неожиданно подействовала на мужа Мирры Герцевны: он стал быстро и необратимо слепнуть.

Через полтора года они вернулись. Для мужа резкие перемены жизни оказались роковыми. Два десятилетия непрерывного стресса – что в России, что в Израиле – разбудили чудовище: у мужа обнаружили рак сигмовидной кишки. Но слишком поздно. Болезнь развивалась удивительно быстро. Соломон Аронович сгорел в полторы недели.

Овдовев, Мирра Герцевна пошла работать. Израильскую пенсию она потеряла. Российской хватало на три недели жизни, да и то если не платить за квартиру. А квартплата в Петербурге сжирала половину пенсионной подачки.

Устроилась быстро – в городе Мирру Герцевну хорошо помнили. Перед ней прошло несколько начальников горздрава. Но самым колоритным оказался нынешний – Ефим Евсеевич Беленький.

До того, как стать главным врачом огромного города, Ефим Евсеевич торговал бананами. «И там бизнес, и здесь бизнес, – с безупречной логикой рассуждал он. – Кто сказал, что начальник медицины должен быть врачом? Вот первый путинский министр здравоохранения Зурабов – страховой агент по профессии. Бывший разведчик Путин решил, что *агент* способен работать кем угодно. И правильно решил – может. Агента сменила всенародно любимая красавица Таня Голикова – кто она по профессии? Бухгалтерша. Самая обыкновенная. И никакого вреда, кроме пользы. Для себя».

Демидов ходил у него любимчиках. Председатель комздрава прежнее дело не бросил. Но, поставляя в город бананы, он стал поставлять и другой товар: богатых пациентов в Успенскую клинику. Брал хорошие комиссионные. Потому и обхаживал Демидова: главврач лично контролировал лечение каждого пациента от председателя комздрава.

Но вдруг Беленький перестал с Демидовым общаться. Даже по телефону. Перестал принимать. Главврач Успенской тоскливо встревожился. И месяц назад Крачков шепнул Демидову: прошел слухок, будто бы Ефим Евсеевич не прочь стать акционером антиракового фонда и всю ищет подходы к Соломону Златкису.

– Нам-то что? – ответил на это Демидов. – У них своя свадьба, у нас – своя. Пусть у Златкиса голова болит.

Крачков тогда сказал Демидову не все. Фонд был дальней целью Беленького. Ближней стала Успенская клиника. Ефим Евсеевич посидел как-то вечерок с калькулятором и понял, что пора брать в руки Успенскую клинику. Онкология стала невероятно прибыльным бизнесом, надежным и с мощными перспективами непрерывного расширения.

А Демидов уже не выдерживал неопределенности в отношениях с начальством и решил, что надо Беленького так или иначе вскрыть, как консервную банку.

Мирра Герцевна встретила Демидова теплой и даже радостной улыбкой – как друга или хорошего знакомого, хо-

тя он не был ни тем, ни другим. Полная брюнетка с узкой седой прядью ото лба в черных волосах, она и в пятьдесят восемь оставалась красивой и соблазнительной. Вокруг нее постоянно роились мужики, причем, большей частью молодые. А Демидов, каждый раз встречаясь с ней, испытывал тоскливое чувство вины: ее муж умер именно в Успенской. И не опухоль стала главной причиной – она-то оказалась доброкачественной. На самом деле умер Соломон Аронович от внезапной остановки сердца.

Прижав палец к губам, Мирра указала Демидову на дверь начальника. На ручке висела табличка: «Тишина! Идет совещание!» Сквозь двойную обивку двери доносились приглушенные автоматные очереди и изредка – выстрелы из пистолета. Когда рванула граната, Демидов глубоко вздохнул и рывком открыл дверь.

– Что? Что такое? – вскочил Беленький во весь свой полутораметровый рост.

От его гладкого отполированного черепа разбегались по сторонам солнечные зайчики. На мониторе компьютера главного городского врача гремел бой, пылали пожары и падали, взрываясь, вертолеты.

Демидов широко улыбнулся и развел руки, точно осмелился обнять начальника.

– А-а-а! – протянул Беленький. – А кто к нам пришел? Сам Сергей Сергеевич! – и упрекнул: – Совсем пропал, не заходишь. Гордый стал? Ой, гордый! А я думаю: что там с на-

шим главным спасателем, может, самого спасти надо?

Демидов, защищаясь, поднял обе ладони.

– Нет. Пусть все остается, как есть.

Беленький зыркнул на дисплей и вдруг крикнул в сторону двери:

– Мирра! Что такое? Куда смотришь? Совещание! – стукнул кулаком по столу.

– Она не виновата, – мягко произнес Демидов. – Я ее немножко обманул. Сказал, что вы срочно вызвали. Она же у вас как цепная – никого не пускает!

– Что да – то есть, – довольно согласился Беленький. – За то и ценю.

– Проходил мимо, дай, думаю, загляну. Да и дело есть, без вас – никак.

– А позже? Месяцев через пять-шесть?

– Можно. Но лучше, чтобы вы узнали раньше Минздрава и руководства Европейского антиракового фонда.

– Хорошо. Только по-быстрому. Опаздываю! Совещание у губернатора, сам Жора лично мне звонил. Пробки проклятые – по городу не проехать. Сколько богатых развелось – как тараканов!

– Автомобиль стал не средством передвижения, а всеобщим бедствием, – поддакнул профессор Демидов. – И как быстро!

– А у тебя какая тачка?

– Да никакая, – ответил главврач. – Метро – мой любимый

транспорт. Удобнее и безопасней.

– Нехорошо, нехорошо... – по стенам кабинета разбежались солнечные зайчики от черепа хозяина. – Ты словно акцию, политическую... Хочешь себя чистым демократом показать? Как Ельцин? Тот тоже на трамвае в министерство ездил. Целых два раза. В политику собрался?

– И в мыслях не было! – возразил Демидов. – Достаточно с меня моей операционной и моих больных.

– Тогда садись на тачку. Шофера найми! Положение у тебя такое – мерседес тебе нужен или лексус. Нельзя так пренебрегать репутацией фирмы. Народ-то знаешь, как? Нет у главного тачки, значит, денег нет. Денег нет – плохо зарабатывает. Плохо зарабатывает – клиентов нет. А почему нет клиентов? Да потому что главврач лох и все его подчиненные лохи. И кому ты такой нужен?

– Не думал, что автомобиль – так важно.

– Очень важно! Одно дело фирмач с ролексом – о-о-о! Значит, умеет и рубить, и пилить... И бюджетные, и другие. А без ролекса и тачки – идиот, неудачник, ничего не умеет. Слушай сюда: чтоб завтра купил лексус или хотя бы тойоту... крузер, например.

– Завтра? – растерялся Демидов. – Прямо завтра?

– Можно и послезавтра, – великодушно разрешил Беленький. – Но без тойоты на пушечный выстрел ко мне не подходи! Понял?

– Да, кажется...

– Так! По-быстрому! – приказал Беленький. – У тебя... – он внимательно посмотрел на свой ролекс и, поймав взгляд Демидова, пояснил: – У президента *нашей* России такие же. Только похуже. Мои двести двадцать тысяч, а у него за шестьдесят.

– Двести двадцать тысяч рублей? За часы? – охнул Демидов, торопливо пряча в карман правую руку со своими «Командирскими». – Невероятно!

– Конечно, невероятно! – презрительно отпарировал Беленький. – Кто будет с рублями позориться? Не рублей, профессор, а баксов! Двести двадцать тысяч зеленых баксовых долларов!

Демидов уложился в четыре минуты. Он достал из кейса служебную записку на двух страницах и просто зачитал ее. Суть была простой: растет общая смертность среди онкологических больных – лечение для большинства стало не по карману. Но если государство возьмет на себя финансирование хотя бы части коек Успенской клиники, благодарность народа не будет иметь границ. Это очень важно в любой предвыборной кампании. И для граждан неплохо.

– А главное, Женева получит дополнительную выгоду, не только материальную. Думаю, руководство фонда оценит *нашу с вами* инициативу... – подчеркнул Демидов. – И народ будет хоть чему-то рад.

Однако Беленький словно ничего не слышал. Даже аргу-

мент с выгодой и лобовое предложение взятки в виде будущей благосклонности швейцарского начальства до него не дошли. Он покопался в своих бумагах, снова включил компьютер и уставился на дисплей. Потом нехотя оторвался от экрана и сочувственно почмокал:

– Да, народ... Опять народ! Откуда он вообще берется, этот народ? Понять не могу. Ты мне лучше скажи: почему у твоей клиники такое вредительское название?

Главврач от неожиданности сразу не понял.

– Название? Вредительское? Что в нем вредительского?... – наконец, выговорил Демидов.

– Он еще спрашивает! Нет, он еще у меня спрашивает! – простер руки к потолку Беленький. – А подумай – подумай сам! Головой подумай!

Демидов смущенно пожал плечами.

– Успенская! – подсказал Беленький. – Это от какого слова?

– Это от слова... – начал Демидов и замолчал: он забыл.

– От слова «успение»! – возмущенно закончил Беленький. – Я уже навел информацию. Успение матери распятого. Смерть, значит. А?

– Никогда не задумывался, честно говоря. Восстановили старинное название, дореволюционное.

– А ты все-таки задумывайся иногда, – еще раз посоветовал Беленький. – Или сделай все без религиозных глупостей. Назови клинику на современном языке. Чтоб всем ясно бы-

ло: «Смертельная клиника». Или – «Замогильная». Или – «Кладбищенская». Или – «Мертвецкая». А лучше совсем просто и ясно: «Морг десять звезд. Тысяча долларов в сутки. Администратор отеля Демидов». Годится?

– А что? – вдруг согласился профессор. – Очень даже остроумно!

– Остроумно?! – возмутился Беленький. – В могилу людей заываете! Где я тебе клиентов наберу?

– Не понимаю, – честно признался Демидов. – Так ведь любое название можно...

– Да уж не любое! – перебил Беленький.

– Ну, что же... Если переименование клиники сделает ее доступной для небогатых и бедных категорий российских граждан, я немедленно этим займусь, – пообещал Демидов.

– А еще церкву построил, – продолжил Ефим Евсеевич. – В храме науки и здравоохранения – церква. Ты же плачешь, что места не хватает для коек. Вот ты туда, в церкву, и положи. Да, профессор, – огорченно вздохнул Беленький. – Ты же там у себя еще и рознь разжигаешь. У тебя и католики-протестанты лечатся, мусульмане всякие, йоги там.... Под уголовную статью пойти хочешь? И меня подвести? А это уже, брат, возбуждение самое настоящее, это уже прокурору интересно будет.

Неожиданно Демидов разозлился.

– Вы правы! – заявил он. – Если прокурор дурак – ему, действительно, будет интересно. Или если он уже всех пре-

ступников пересажал...

Беленький смотрел на Демидова, совсем не мигая: взгляд очковой змеи или гипнотизера. «Сейчас скажет, – подумал Демидов. – «Ваши веки тяжелеют... Вы засыпаете... Вы уже спите!»»

Но Беленький сказал совсем другое:

– Ведь в вашей клинике – хорошие врачи?

– Удивляюсь вашему вопросу. Вы сами прекрасно знаете. Иначе вы сами бы не рекомендовали нам столько пациентов.

– Я не о том, – отмахнулся Беленький. – Помните, у нас был министром такой Шевченко?

Демидов едва не спросил: «Министром овощного хозяйства?», но сдержался.

– Да, помню. Из Военно-медицинской академии. Бывший начальник.

– Он еще Собчаку поставил липовый диагноз, сердечную болезнь придумал, чтоб от ареста спасти. А то и от верной тюрьмы.

– Я не проверял, – осторожно ответил Демидов. – Но слухи такие, действительно, среди врачей ходили, что с этой липой Собчак спасся во Франции, улетел туда якобы лечиться.

– Нелегально улетел, заметь! Незаконно! – подчеркнул Беленький. – Уже за одно это незаконное пересечение границы мог сесть на пять лет.

– Но, Ефим Евсеевич, – удивился Демидов. – Ведь через границу Собчака переправляли Путин, он был директором

ФСБ, и его друг Черкесов, начальник питерского управления.

Беленький отмахнулся.

– Сразу видно – ничего не понимаешь, кроме своих капельниц и скальпелей... Так вот, стал Шевченко министром. И к нему врачи обратились с письмом. Жалуются: подышаем с голоду, зарплата плохая. Добавить надо. И что он ответил? Помнишь?

– М-м-м...

– Не верю! – стукнул кулаком по столу Беленький. – Такое не забывается. Наш уважаемый министр тогда сказал: «Стыдно вам скулить. Хорошего врача народ прокормит. А плохие нам не нужны!» Вот так он ответил.

– Да, вспомнил теперь, – сказал Демидов. – Многие тогда удивились. Не ожидали, что он такой мерзавец.

– Он же правду сказал, – не согласился Беленький. – Разве он не прав? А?

Демидову вдруг все надоело. Он полез было в карман за своей «белиндой», но вовремя остановился.

– По существу, – медленно выговорил он. – По существу, быть может, и прав. Один пустяк мешает: где найти столько денежного народа?

– Правильно рассуждаешь! И я о том же: всё время надо искать денежный народ. Вот и займись.

– Чем, Ефим Евсеевич?

– Денежным народом, – пояснил начальник. – Это наше

будущее. Остальные – старичьё, нищие, какой от них нам толк? Сколько убытку государству на одних пенсиях! Только засоряют наш национальный генофонд.

– Засоряют? Именно национальный? – удивился Демидов. – И вы считаете...

– И ты точно так же считаешь! – перебил Беленький. – Абсолютно так же! Проблема закрыта. Спасибо, дорогой, что помог ее закрыть вот так – в рабочем порядке. И спасибо, что навестил. А то я тут совсем заскучал без тебя.

Демидов встал.

– Что ж, ежели так...

– Кстати, – снова перебил его Беленький. – Ты за какой цитоплазмид хотел сейчас заставить государство расплачиваться? За обычный или с индексом «М»?

В кабинете шуршали целых четыре кондиционера, но на лице Демидова выступил пот и полил тонкими ручьями по щекам.

– В данном случае... в данном случае детали не так важны, – ответил он дрогнувшим голосом.

– А что ты так испугался? – спросил Беленький, прищулив левый глаз. – Да ладно, – махнул он рукой. – Не отвечай, я просто пошутил... Никогда не считай, что начальство глупее тебя. Даже если оно не заканчивало медицинских академий. Начальство все должно про тебя знать, иначе это не начальство. Все! Будь здоров, доктор! Главное, не кашляй!

Беленький нажал кнопку селектора:

– Мирра, ласточка! Дай-ка мне Женеvu, Соломона Нау-мовича! Срочно.

– Сию минуту, Ефим Евсеевич, – прозвучал в селекторе мягкий грудной голос Мирры Герцевны.

Выйдя в приемную, Демидов оставил дверь приоткрытой и, прижав руку к сердцу, опустился на стул рядом.

– Вам плохо, Сергей Сергеевич? – встревожено подошла к нему Мирра. – Вызвать?

– Нет-нет, милая, – прохрипел Демидов. – Я уже принял нитроглицерин... Жара проклятая. Немножко посижу, можно? И дальше пойду. Пару минут?

– Да хоть весь день! Мне только в радость. Извините! – спохватилась она. – Я должна соединить... Начальник ждет. Через две минуты Соломон Златкис был на проводе.

Демидов, продолжая у двери держать руку на сердце, прекрасно слышал каждое слово.

– Господин вице-президент, – бодро заговорил Беленький. – Примите мои самые теплые поздравления... Весь Петербург и вся Россия ликует и все в восторге... Про что я говорю? Про то, что ваша достойная дочь Бэлла выходит замуж. Про такое счастье не знают только тараканы. Второй раз выходит? Ну, так это только украшает женщину! Особенно такую молодую и популярную. Нет, у меня есть и другое дело, но тоже важное...

– Был только что у меня Демидов, да, главврач Успенской... Лучше бы сказать «бывший». Теперь я точно знаю –

тайный красно-коричневый коммунист. Вы сказали, такие тоже нужны, господин Соломон? Нет, не такие, извините меня! Не могу с вами согласиться, хотя таки очень хочу. У нас здесь *они* совсем другие, не как в Европе, *там* они не ядовитые. У нас они тоже не ядовитые?.. Исправлять не надо?.. Не знаю... Превратил больницу в молельный дом, религию развел. Лечить надо клинику и врачей тоже лечить! А как он теперь называл клинику – вот как интересно: «Могильная клиника». Нет-нет, именно «Могильная», а еще точнее, «Смертельная», если по-русски, не по-церковному... Да-да. И я о том же – самого главврача лечить надо. Вы лично займетесь? Я только рад, и вся медицина наша рада. Очень гуманно! Ждем. Будьте очень здоровы и мать вашу также.

Демидов встал, подошел к Мирре и накрыл своей квадратной, сухой от спирта ладонью ее круглую кошачью лапку.

– Как мне не хочется с вами расставаться, дорогая! – шепотом сказал он.

– Посидели бы еще! – улыбнулась Мирра, не отнимая руки. – И приходите. Просто так – чайку попьем в обед. А лучше вечером.

– Вечером? – удивился Демидов. – Сюда?

– Зачем же сюда? Приходите ко мне домой. Да хоть завтра. Приглашаю вас в гости. Вполне официально. Завтра и приходите. К семи. Или лучше к восьми. Придете? Я буду вас ждать.

– А я буду счастлив, – честно ответил Демидов: уже два

года, как он овдовел.

8. Ладочников: только хакинг!

– Ого! – сказал Клюкин и прошуршал направо-налево бородой. – По твоему виду, Полиграфыч, можно подумать, что Барсук за опоздание не высек тебя, а премию wypисал.

– Что-то вроде того, – с загадочным видом ответил Мышкин и взялся за местный телефон.

– Хэллоу! – услышал он грудной голос заведующей архивом Потаповой и в который раз для себя отметил, что голос этот исходит из самой большой в клинике груди.

– Вера Сергеевна! Позвольте поцеловать кончики ваших крыльев, как говорил Вольтер людям, которые вас абсолютно недостойны!

– И только-то, Дмитрий Евграфович? – она узнала его сразу. – Не радуете меня, не радуете... Даже разочаровываете.

– Я смертельно боюсь вашего мужа, – признался Мышкин. – Говорят, очень он у вас целеустремленный. Особенно, по отношению к мужчинам, которым вы нравитесь.

– Что да, то да, – вздохнула Потапова то ли с сожалением, то ли с гордостью. – Иной раз не знаю, что с ним делать. Вчера соседу руку сломал.

– Вот видите! – упрекнул Мышкин. – А меня провоцируете. Как я буду выглядеть, если он мне ногу сломает? Нет у меня никаких шансов.

– Да и у соседа не было шансов, – ответила Потапова. –

Ему семьдесят два года, представляете?

– Нет, – удивился Мышкин. – В ресторан вас пригласил?

– Какое там! Дождешься нынче от мужиков... Это его самого муж пригласил к нам. Представляете, сидят на кухне, водку трескают, я им – грибков, сосед меня в щечку – совсем по-отечески. Поблагодарил. И так чуть-чуть погладил. Правой рукой. В знак признательности.

– И по какому же месту он вас погладил? – вкрадчиво поинтересовался Мышкин.

– По спине.

– И только-то? Не радуете меня, не радуете, Вера Сергеевна... – вернул словечко Мышкин. – Сплошное разочарование.

– Правду сказать, немного ниже. И что тут такого?

– В самом деле, что такого... – легко согласился Мышкин. – А дальше?

– Пошла в ванную стирать, вдруг слышу вопли. Влетаю – сосед орет, рука у него висит, как тряпка. В двух местах сломана. А мой кричит ему прямо в ухо...

– Зачем же в ухо? – перебил Мышкин.

– Затем, что сосед глухой, как тетерев. Так вот, орет ему в ухо: «Еще дотронешься до Верки – бонус получишь. Третий перелом».

– Вам, наверное, все женщины завидуют! – убежденно заявил Мышкин.

– Завидуют? Ну, как вам сказать... – задумалась Потапо-

ва. – А что вы *звóните*? Чем могу?

– Мне нужны истории болезни всех усопших за последние десять лет. Буду брать ящиками.

Трубка замолчала. Потом удивленный голос Потаповой:

– Что-то не пойму вас, Дмитрий Евграфович.

– Истории с летальными исходами по клинике за последнее десятилетие, – медленно, как диктовку, повторил Мышкин.

– Вы были в отпуске? – неожиданно спросила Потапова.

– То есть?

– В отпуск уходили?

– Это я вас что-то не пойму. При чем тут мой отпуск, Вера Сергеевна?

– Были или нет? – упрямо допытывалась Потапова.

– Был, но при чем тут...

– Когда вернулись? – не отступала она.

– Уже не помню. С месяц, наверное. Да, месяц назад.

Но при чем тут...

– Значит, вы ничего не знаете. Вообще-то, странно.

– Что я должен знать?

– Всего лишь то, что ровно четырнадцать дней назад я передала в компьютерный центр последний документ нашего архива. Идите к Ладочкикову. Он на месте – только что мне звонил. А у меня ничего нет. Даже завалящей справки. В связи с переходом на электронную форму хранения документов, наш отдел ликвидируется. Я уже полы вымыла и через

три дня меня здесь не будет.

– И куда же вы?

– На повышение. В коммерцию, – холодно ответила Потапова.

– Вот как! – уважительно отозвался Мышкин. – Значит, вы у нас стали бизнес-вумен. Собственную фирму открыли?

– Незачем. Около моего дома уже есть нужная коммерческая фирма.

– И какая же?

– Мясной магазин.

– Лучше не придумать! – восхитился Мышкин. – Приобрели в собственность? Или акции?

– Я туда кассиром. Обещают на пять тысяч больше, чем здесь.

– Очень жаль! – искренне пожалел Мышкин. – Вот Эсмеральда, а тут еще вы... Лучшие люди уходят. Все равно: дай Бог вам удачи!

Он позвонил в компьютерный центр – прямо начальнику. Сергей Ладочников, начальник и одновременно сам себе подчиненный, не отвечал. Мышкин послушал гудки минут пять, плюнул и бросил трубку.

На двери компьютерного центра висели два объявления: «Надень бахилы! Здесь тебе не операционная!» и второе: «Осторожно: живой Ладочников. Стучать три раза, только без звука».

Машинально Мышкин глянул на свои кроссовки: оказывается, он так и ходил в демидовских бахилах.

Дмитрий Евграфович деликатно поскреб пальцами дверь, потом щелкнул по ней ногтем три раза. Выждав две минуты и представив себе, что бьет пенальти, Мышкин с размаху ударил ногой по филенке. С потолка сыпанула штукатурка. За дверью что-то лязгнуло, и она отворилась.

Ладочников сидел за компьютером. Он повернул голову и поспешно выключил монитор.

– А! Димундий! – закричал Ладочников. И с неодобрением: – Мы знаем, что Македонский был герой, но зачем двери ломать?

Мышкин разглядывал его розовую, как у большинства рыжих, физиономию в крупных веснушках, наползающих чернильными кляксами одна на другую.

– Заперся? Не открываешь, парниша? Увлёкся? – ехидно поинтересовался Мышкин. – Кино смотрел, конечно. Или я тебя просто разбудил?

– Это невозможно! – отпарировал Ладочников. – Я никогда не сплю. И кино никогда не смотрю. Все хорошее кино осталось в двадцатом веке.

– И что там такого хорошего?

– В тех фильмах герои не говорят: «Ты в порядке?» и «Надеру тебе задницу!»

– Не спишь, значит... Даже когда взламываешь сайт Сити-банка?

– Когда взламываю – тем более. Ты что же, пришел делать маленький рэкет? Вот вскрою форт Нокс¹⁷, тогда и приходи, требуй свою долю.

– Не сомневайся, потребую! Вот счастье-то привалило!

– Еще не привалило, – рассмеялся Ладочников. – Только в следующий раз дверь открывай не ногой, а башкой. Иначе ничего не получишь.

– Обещаю, – заверил Мышкин. – Головой.

– Посмотрим... Так зачем мешаешь моей компьютерной мысли? Надо что?

– Понимаешь, Серж, я был в отпуске, а тут мне Потапова говорит, что весь архив клиники у тебя.

– Нет, – возразил Ладочников.

– Не понял! – удивился Ладочников. – Что же Потапова? Она меня именно к тебе прислала. Говорит: «Всё у нашего любимого Серёженьки. Весь архив. И для вас, Дмитрий Еврафович, он покажет его полностью, причем немедленно!»

– Это она так развлекается!

– Значит, архив у нее? Ну, стервоза... – угрожающе произнес Мышкин.

– У нее, в самом деле, ничего нет. Уже с месяц.

– А ты?

– А я просто отсканировал десятка два историй последних и отправил в Женеву. Там теперь весь архив.

– И оригиналы?

¹⁷ Здесь печатают и хранят доллары США.

– И оригиналы давно там. С полгода. Все у них на сервере.

– Ничего не понимаю, – заявил Мышкин. – Как он туда попал? И зачем?

– Попал согласно приказу Барсука, то есть главврача Демидова. А точнее, по распоряжению совета директоров фонда. А зачем? Сам у него и спроси. Мне до этого дела нет.

Мышкин взял стул и сел около компьютера.

– Все-таки не понимаю, – признался он. – Ну, на другой носитель скопировать документы – понятно, так удобно. Но зачем выводить туда наш архив? Зачем им оригиналы?

Ладочников усмехнулся.

– Тебя не Дмитрием назвать следовало, а Кандидом¹⁸. Вот скажи мне: когда войско вступает в неприятельский город, что в первую очередь хватают победители?

– М-м-м... Млеко, яйца, шпек, швайн, Марушка, Сталин капут... Еще хенде хох.

– Ответ неверный! В первую очередь хватают не жратву, не оружие, не трофеи, не золотой запас, не женщин... Самая большая ценность – архивы. Именно архивы и вывозят оккупанты в первую очередь.

– Да уж! – не поверил Мышкин. – Какая великая ценность – был понос у пациента Иванова или нет? И потел ли перед смертью коматозник Петров?

– Не в поносе дело, конечно. А в общей тенденции. В принципе. Когда в девяносто первом победили демокра-

¹⁸ Простак. См. повесть Вольтера «Кандид, или простодушный».

ды и либерасты, то на Запад, в первую очередь, к янкесам, немедленно ушли колоссальные секретные архивы КПСС, Верховного Совета СССР, Совмина и даже Госплана. И личный архив Сталина янки украли. Точнее, ельциноиды им так отдали, за бутылку водки.

– И что же теперь? – растерялся Мышкин.

– А ничего. Набраться терпения и ждать Реконкисты¹⁹. Может, тогда вернем хоть что-нибудь.

Мышкин вздохнул:

– Я не могу столько ждать, – возразил Мышкин. – Мне некогда. Да и проблема попроще. Надо посмотреть кое-какие истории болезни. За три года. Открой базу. Можешь?

– Не могу, – развел руками Ладочников. – Не имею доступа.

– Что значит – не имею? У меня приказ Демидова поднять архивы. Я готовлю для него материал. И для фонда, кстати. Барсук лично должен тебе приказать? В письменном виде?

– Он не может мне приказать, – ответил Ладочников. – У него тоже нет доступа.

– Как так – у начальника конторы нет доступа к архивам его же конторы! Никогда не поверю.

– Кого волнуют твои сомнения, Дима? – усмехнулся Ладочников. – Кому интересно, во что ты веришь или не веришь?

Мышкин покачал головой.

¹⁹ Война испанцев против мавров и изгнание их с Пиренейского полуострова.

– Ну и дела, – произнес он. – Что мне теперь делать? У кого доступ? У Пушкина?

– В фонде. Только тебе его все равно никто не даст. Можешь не сомневаться. Уже были прецеденты. Я лично проверял.

Мышкин вдруг почувствовал себя бесконечно усталым. Он достал пачку сигарет.

– Здесь не курят, – предупредил Ладочников.

– Даже для меня не сделаешь исключения?

Улыбнувшись, Ладочников, кивнул:

– Для тебя сделаю.

Погасив окурок в банке из-под пива, Мышкин сказал:

– Идиотская ситуация.

– Не без того, – согласился Ладочников.

– И что же мне теперь делать, Серж? То, что приказ главного врача – плевать... Но мне и для себя надо. Мне еще важнее, чем главному. Нет вариантов?

– Почему же... Есть. Порядок теперь такой: Барсук пишет бумагу, отправляет в Женеву – и не «мылом»²⁰, а обычной почтой. Там бумажку маринуют пару месяцев, а потом вежливо отказывают. Или невежливо. Я плохо объяснил? Вопросы?

– Сережа, неужели не можешь? – в отчаянии воскликнул Мышкин. – Во что угодно поверю, но только не в это!

²⁰ Электронная почта – e-mail.

Ладочников сразу не ответил, и Мышкин понял, что тот клюнул. Теперь надо подтягивать удочку – сильно, но осторожно.

– Понимаешь, – вкрадчиво продолжил он. – Теперь, после того, что ты сказал, у меня появилась масса дополнительных причин залезть в этот чертов архив. Зачем они его закрыли? Что-то там такое, что нельзя всем показывать. Так? А почему нельзя? Какие у нас могут быть тайны в морге? Нет тайн, а они засекретили. Значит, я просто обязан посмотреть. И отметь себе: я не журналист и не следователь прокуратуры. Научный интерес – самый бескорыстный в мире интерес.

Ладочников встал и подошел к двери. Запер на сейфовый замок, провернув ключ четыре раза, еще и цепочку набросил. Включил компьютер, открыл какой-то файл, запустил медиаплеер. Из колонок полились низкочастотные вибрирующие звуки.

– Зачем это? – удивился Мышкин. – Даже башка загудела.

– Защита, Дима. От прослушек защита.

Мышкин рассмеялся:

– В шпионов играешь?

– Уже наигрался, – спокойно ответил Ладочников. – Это *они* играют. И думают, что я ничего не вижу. Здесь, у меня, как минимум, три клопа. Минимум! И две веб-камеры скрытого наблюдения. Цифровые: можно писать полгода без перерыва.

– Если бы я тебя не знал, то сказал бы, что ты параноик! – заявил Мышкин. – Хочешь сказать, слухачам интересно, какое кино ты смотришь в рабочее время? Или каких баб сюда водишь?

– В тотальном контроле, Дима, важен сам принцип – ничего не оставлять без внимания. Тогда, действительно, ничего не упустишь. Даже в сортирах нашей клиники есть прослушки и веб-камеры. В женском тоже. Представляешь? Записывают, как наши бабы трусы снимают.

Мышкин понял, что шанс у него в руках.

– Вот ты кто на самом деле! Все раскопал! Тебя не проведешь, – радостно воскликнул он. – Профессор! Академик! И не говори теперь, что ничего нельзя для меня сделать.

Ладочников прищурил свои зеленоватые, как у рыжего кота, глаза.

– Вообще-то можно. Только ты должен тоже подключиться. Разделить со мной ответственность. Стать немножко хакером.

– Я готов! – радостно воскликнул Мышкин.

Но Ладочников его тут же остудил.

– Дело это уголовно наказуемое, доктор. Могут даже посадить – это в лучшем случае. В худшем – искалечить до инвалидности. Найти компьютер, с которого хакер выходит в сеть, сейчас проще пареной репы. На дне морском сыщут.

– Тебя же они не поймали! – грубо польстил Дмитрий Евграфович.

– Ну, меня-то... – усмехнулся Ладочников. – Долго бежать придется, чтоб меня догнать.

Он вытащил из кармана пачку «Мальборо».

– Будешь?

– Так ведь здесь не курят! – удивленно напомнил Дмитрий Евграфович.

– Разве это курево? – отмахнулся Ладочников. – Фальшивые. Как все наши достижения. Все решили, что при демократии будем курить настоящие американские сигареты и пить настоящее немецкое пиво. А получили фальшивые сигареты, пиво, выборы, фальшивые свободы... Одно только в нашей России настоящее.

– Что же?

– Ворье! – плюнул в корзину для бумаг Ладочников. – На сто процентов настоящее. А как иначе, если оно начинается с Кремля.

– Это мы все знаем.

– А толку?

Мышкин пропустил вопрос мимо ушей.

– Выручай, старичок. С меня причитается.

– Что будет?

– Бутылка «хеннеси».

– «Хеннеси», говоришь... Что ж, есть над чем подумать.

Ладочников докурил, тоже раздавил сигарету в пивной банке, встал и с удовольствием потянулся.

– Помнишь, как сказал великий пролетарский писатель

Максим Горький: «Человек оттого и растет, что тянется ввысь»?

– Не помню, – признался Мышкин.

– Позор. Ладно, на первый раз прощаю... Только имей в виду, господин хакер, вся ответственность на тебе. Не струсишь?

– Даже не знаю, что означает это слово! – с торжественным презрением ответил Мышкин.

– Тут главное не в том, чтобы полицаев не бояться. А в том, чтобы все сделать точно и без ошибок. Немножко придется повозиться. Машина есть?

– Волга. Пробег – четыреста тысяч километров. Без капиталки.

– Я про компьютер. Дома?

– Дома есть.

– Объем RAM²¹? Винчестер?

– Пятьсот двенадцать мегабайт, сто гигов.

Ладочников поморщился.

– Керосинка, конечно, но сойдет. В сеть выходишь через телефон?

– Кабель. Скорость десять мегабит в секунду.

– Очень хорошо, что кабель... Значит так: вечером получишь «мыло». На сегодня все.

Мышкин выбрался из тесного кресла.

– Спасибо, дорогой друг, товарищ и брат! От всей души.

²¹ RAM – Random Access Memory – оперативная память компьютера.

– От души мне ничего не надо! – отрезал Ладочников. – Беги в лабаз за бутылкой.

Вечером, действительно, пришла почта – два сжатых файла и письмо.

«Прежде чем приступить к работе, – писал Ладочников, – уничтожь это письмо, как прочтешь. Да с гарантией, чтоб и следа не осталось. В нашем деле главное – не оставить никаких следов после незаконного посещения сайта в отсутствие его хозяина. Для этого установишь программу анонимного серфинга. Она будет менять твой сетевой адрес каждые пять минут. Сейчас ты заходишь на сайт жертвы из Германии. А через пять минут уже из Таиланда. Можно менять через минуту. Но не стоит. Уже на первой смене след обрывается. Второй архив – собственно программа взлома. Работает подбором разных вариантов букв и цифр и выдает логин жертвы, пароль и дополнительные коды, если надо.

Когда сходишь на сайт к клиенту, все снятые данные запиши на отдельный носитель и полностью отформатируй винчестер. Придется тебе систему переустанавливать, все настраивать, но зато гарантия. Цена этой гарантии – твоя свобода. И моя тоже. Жду бутылку!» Подписи не было.

Компьютер Мышкина работал всю ночь с субботы на воскресенье и утром выдал логин и пароль. С сердечным трепетом Мышкин зашел на сервер Европейского антиракового фонда, заполнил форму запроса и тут же получил ответ:

«Access impossible. Wrong login or password»²².

Битых два часа он пытался снова и снова вставлять буквы и цифры. В конце концов, сервер прервал связь. В довершение обе программы Ладочникова исчезли с винчестера.

– Сергей Васильевич, – позвонил он утром Ладочникову. – Не получается. Выручай.

– А что он тебе пишет?

– Кто? – не понял Мышкин. – Златкис?

– Да уж, конечно, он! Сундук твой что пишет? Керосинка твоя!

– Пишет: «Доступ запрещен, неправильные лог и пас».

– И это все?

– Не все. Твои программы исчезли. Как корова языком слизала. Только что были и вот – нет. Устанавливать заново?

– Боюсь, Дима, что ничего уже не надо, – замогильным голосом сказал Ладочников. – Нельзя тебе заниматься этим делом.

– Вчера ты говорил по-другому, – обиделся Мышкин.

– Вчера я думал, что ты точный и дисциплинированный человек.

– Разве я мог перемениться за ночь?

– Ха! Человек может перемениться за секунду! – заявил Ладочников. – Сейчас он нормален. А через секунду – убийца, насильник или член партии «Единая Россия». Нельзя

²² Доступ невозможен. Неправильные логин или пароль.

с тобой дела иметь.

– Да можешь ты объяснить, в конце концов! – разозлился Мышкин.

– Я тебе что говорил? Что было в инструкции, которую ты якобы выполнил?

– Все сделал, как сказано.

– Ты не убрал следы! – отчеканил Ладочников. – На твоё счастье я поместил в своих прогах по маленькому троянчику²³. Программу на самоуничтожение, если следы твоего путешествия останутся на винчестере.

– Ах ты, холера! – воскликнул Мышкин. – Точно! Забыл! Не сердись, старик. Не повторится.

– Мне-то что? Твоя шея. На неё веревку надевать будут... Вот что: там, у клиента твоего, за прошедшие сутки произошли крайне неприятные изменения.

– Серьезные? – упавшим голосом переспросил Мышкин.

– Очень. Они, видно, взяли, наконец, на работу хорошего компьютерщика.

– И тебе тут же сообщили? Отчитались... – попробовал сострить Мышкин.

– И так вижу. Теперь нужен дополнительный пароль. И не простой.

– Что я должен делать?

– Ничего ты не сделаешь. И даже не знаю, получится ли у меня.

²³ Распространенный компьютерный вирус.

– Так сложно?

– Сложно. Надо вводить голосовой пароль. Сервер различает определенные голоса. Тут не подберешь. Тысячу лет будешь подбирать и ничего не выйдет. Потому что нет на свете двух людей с одинаковыми голосами. Так же, как и с одинаковыми отпечатками пальцев. Нужен хотя бы образец. А где взять?

– Значит, конец? Все – по домам? – уныло спросил Мышкин.

– По домам, – подтвердил Ладочников. – Хотя...

– Что? Что? Есть шанс? – вскочил Дмитрий Евграфович.

– Я этого не сказал, – отрезал Ладочников. – Еще одна «хеннеси» будет?

– Да хоть две!

– А четыре? – насмешливо спросил Ладочников.

– Четыре? – задумался Мышкин.

– Ага! Не знаешь. И кто поверит, что тебе база данных нужна позарез, если коньяка жалко?

– Будет четыре! – твердо пообещал Дмитрий Евграфович.

– Не надо, – засмеялся Ладочников. – Проверка! Хватит двух. Как справлюсь, позвоню. Ко мне в конторе даже не подходи.

Ладочников молчал четыре дня. Позвонил на пятый – в два ночи.

– Зайди ко мне завтра. То есть уже сегодня в семь утра,

до конференции.

Мышкин был у него без пяти семь.

– Кажется, имеем, – сообщил Ладочников, включая защиту от прослушек. – Завтра в пять вечера будь у метро «Чернышевская». К тебе подойдет красивая девушка, блондинка, звать Елена. Она тебя знает. Не вздумай флиртовать – это моя жена.

– Лучше сдохну! – заверил Мышкин.

– Ну, ежели так, то она даст тебе диск.

– А откуда она меня знает? – поинтересовался Мышкин. – Моя аспирантка? Врач?

– Фамилия Карташихин тебе известна?

– Иван Антонович?

– Он.

– Главный судмедэксперт города?

– Именно. Лена – дочка евовная... Не опаздывай, доктор.

– Постой, постой! – закричал Мышкин. – А коньяк? Две бутылки! Ей передать?

– Не надо, – сказал Ладочников. – Выпей сам – за мое здоровье и за успех нашего дела.

– Но как же... Ты говорил... условия... Да и не могу я на халяву. Быть неблагодарным, скажу тебе, – чувство отвратительное.

– Не переживай! – засмеялся Ладочников. – Я совсем не пью. И Ёлка моя тоже.

– Так какого же ты дьявола меня по магазинам гонял? – обиделся Дмитрий Евграфович.

– А такого, – отрезал Ладочников, – что *такую* работу бесплатно делать нельзя. У меня примета такая. Фортуна моя – девка капризная. Шуток не любит.

– Трудно мне тебя понять иногда, Серега, – признался Мышкин. – Зачем же отказываешься, если фортуна такая?

– Не тебе одному трудно, – успокоил Ладочников. – Хотя тут понимать нечего. Ты выпивку мне выставил?

– Выставил.

– Приходится честно признать, дорогую выпивку. Так вот: считай, что я коньяк у тебя принял, значит, работа оплачена. А теперь я тебе эти две бутылки дарю – по старой дружбе.

– У меня пока одна, – уточнил Мышкин.

– Обязательно купи вторую. Фортуна все видит.

– Не сомневайся! – пообещал Мышкин, повеселев. – Сегодня же.

– Верю. Кстати, посмотри диск очень внимательно. Там есть пара бонусов для тебя лично.

– Спасибо, век не забуду! – растроганно сказал Мышкин.

– А теперь *дай, друг, на счастье лапу мне. Такую лапу не видал я сроду. Давай повоем вместе при луне на тихую и ясную погоду!*²⁴

– Повоем, Сережа, я – с удовольствием.

– Еще раз призываю: ни на шаг от инструкции. Иначе пло-

²⁴ Сергей Есенин. «Собаке Качалова».

хо будет. Мне тоже лет пяток могут дать. И не только за соучастие. А для удовольствия. Там, за бугром, русских хакеров ненавидят чуть меньше, чем белорусского батьку Лукашенко.

– Тогда... – несмело начал Мышкин, – Если все настолько серьезно, то какой тебе смысл мне помогать?

– Какой смысл, говоришь? – задумчиво повторил Ладочников.

– Конечно! Тут коньяка мало. Но консультацию квалифицированного специалиста, твою консультацию, я оплачу. Только не в один прием, – спохватился он. – Частями.

Ладочников посмотрел на него с сожалением.

– Дурак ты, Дима, дурак, хоть и без пяти минут доктор. Это у вас в Академии Наук учат теперь, что всё на бабки надо сводить? А если бы я к тебе с такой вот просьбой пришел? Ты отказал бы? Или стал намекать на бабки?

– Ну... на «хеннеси» я точно намекнул бы, – честно сказал Мышкин.

– Святое дело! – согласился Ладочников. – Значит, зачем я влез? Тут немного сложнее всё... Скажу так, чтоб ты сразу понял. Я уже сейчас знаю, на что ты натолкнешься в базе данных фонда. И даже знаю, как отреагируешь. И скажу тебе честно, старая перечница: мне очень хочется, чтобы ты нарыл на огороде у Златкиса всё, что можно. И даже больше, чем всё. А главное, пристроил к делу. Чтоб труд мой не пропал. И твой.

Что-то защемило у Мышкина за грудиной, и так печально защемило, что он не нашёлся, как и что ответить Ладочникову. Хотя он и освоил кое-как роль холодного циника, но сегодня не получилось. Защемило и в носу. Мышкин взял салфетку, которой Ладочников только что протирал монитор, высморкался в неё и швырнул в корзину.

– Спасибо тебе, старина, – с чувством сказал он.

– Благодарить будешь, когда получишь результат.

Тут Сергей Ладочников неожиданно помрачнел и затих, и вид у него был такой, словно он что-то взвешивал на невидимых весах в своей голове, но при этом знал, что весы врут, а других весов у него нет.

Дмитрий Евграфович ждал – внимательно и почтительно. Он думал, что Ладочников, конечно, скрытый психастеник, как большинство людей, занимающихся делом неясным, но требующим большого душевного напряжения. Понятно, Ладочников человек творческий, следовательно, плохо управляемый. Судьба таких людей – постоянно пребывать в зоне повышенной опасности, о чем они, как правило, не задумываются, потому что для них опасность – естественное состояние.

– Скажи мне, друг Дима, – заговорил Ладочников. – Какая категория социальных отношений, как принцип всей жизни, стала определяющей для нашего счастливого времени? Даю пять секунд на размышление.

– Не надо, – ответил Мышкин. – Я тоже думал над тем же.

И вычленил две категории.

– Ну и?

– Предательство и безграничная жестокость к ближнему.

И дальнему тоже. Вот две.

– Ответ неверный. Поправляю: не простое предательство, а *тотальное*. Предательство как условие существования общества и функционирования государства. Оно везде – в политике, в бизнесе, в дружеских и в семейных отношениях. Но самое отвратительное не это.

– Что может быть более отвратительным? – усомнился Мышкин.

– Сошлюсь на себя. Самое отвратительное в том, что состояние тотального предательства стало для нас привычным. Как и двадцатилетний непрерывный антисоветский и антисталинский вой демократов, либерастов и едросов. Оно не удивляет. Я уже не боюсь предательства отовсюду и от всех. Страх прошел, появилась привычка. И я привычно жду сволочизма каждый день со всех сторон. Но ещё гнуснее то, что я чувствую себя тоже вполне готовым на предательство. И боюсь, что скоро совершенно перестану бояться предать кого-нибудь. И только когда думаю, что придется за все ответить на том свете, каким-то чудом еще удерживаюсь.

– На каком – на том? – Мышкин вспомнил разговор с Волкодавским.

Но Ладочников отмахнулся.

– Он у каждого свой, – ответил он и включил компьютер.

На мониторе появились две красотки – одна вся в чёрном, другая в белом. Прозвучали первые симфонические аккорды «Гренады» – великолепного шлягера Агустина Лары, мексиканца, сочинившего лучшую испанскую песню на все времена. Дмитрий Евграфович загорелся, даже стал подпевать:

*Granada, tierra ensangrentada en tardes de toros;
Mujer que conserva el embrujo de los ojos moros,
De sueño rebelde y gitana, cubierta de flores
Y beso tu boca de grana jugosa manzana
Que me habla de amores...*²⁵

Ладочников кисло поморщился: у Мышкина совершенно не было слуха. Но он страстно любил музыку – такое нередко случается с «глухарями».

– Бог ты мой! – грустно восхитился он, когда песня затихла. – Как они танцуют! Сколько радости, сколько жизни, какая красота!

– Испанки! Они уже в утробе матери разучивают фламенко. И потом танцуют, как чертовки.

– Только не эти, – возразил Мышкин. – Тут не дешёвка, не сельская самодеятельность типа Орбакайте или Аллегровой. Профессионалки явные.

– Точно! – подтвердил Ладочников. – Обе из балета Клода

²⁵ Гранада, ты – земля, политая кровью корриды. Ты – женщина с чарующим взглядом мавританки, Заветная мечта цыган и бродяг. Я целую твои уста, сочные, как яблоко, И говорю тебе о любви... (исп.).

Пурселя. Почему ты так решил?

– Да потому, что я не вижу танца. Я его только чувствую – и всё.

Он был совершенно прав: это тот уровень искусства, когда не видны ни автор, ни материал, ни исполнитель. Такая легкость дается каторжным трудом, плата за нее – растянутые и разорванные сухожилия и мышцы, раздавленные коленные мениски, но самое мучительное – страдания от постоянного голода и днем, и ночью. Лишние сто граммов веса могут уничтожить плоды многомесячных тяжких трудов.

– Кто сейчас для тебя спел, знаешь?

– В первый раз вижу. Правда, голосами немного напоминают певичек из дуэта «Баккара» – помнишь такой? Лет двадцать назад появились – две ослепительные звезды! Но как-то быстро исчезли. Правда, успели выпустить за три года шестнадцать миллионов пластинок.

– Это они и есть.

– Да ну? – изумился Мышкин. – Неужели? Ну-ка, еще раз.

– У меня еще четыре клипа есть.

– Крути!

И опять Дмитрий Евграфович взялся подпевать и даже подтанцовывать, щелкая пальцами, как кастаньетами.

– Не украшай! – поморщился Ладочников. – Пусть поют, как могут.

– Спасибо, друг! – наконец с чувством сказал Мышкин. –

Будто в отпуске побывал! Или, еще лучше: словно мне машину бесплатно отремонтировали!

– Так нравятся?

– Неужели непонятно? – удивился Дмитрий Евграфович. – Нота бене, Серега: во всем их репертуаре только одна минорная песня. Только одна! Все остальное – мажор, богатейший шлейф положительных эмоций. Так бы и приволокнулся за одной... потом за другой... потом снова за первой.

– Скромности у тебя на десятирех.

– Верно подмечено! – подтвердил Мышкин. – Я себя частенько недооцениваю. Жаль, так и не удалось вживую увидеть этих... как ты их назвал? Испанских чертовок.

– Хочешь увидеть?

– Спрашиваешь!..

– Послезавтра они выступают в «Октябрьском», – буднично сообщил Ладочников.

Дмитрий Евграфович сначала онемел.

– Не может быть! – воскликнул он.

– Только почему-то с ними будет Лев Лещенко.

– Зачем им Лещенко? – удивился Мышкин. – Зачем им кузнец?

– Вот и узнай, – предложил Ладочников.

Он открыл свой бумажник и достал из него два билета.

– Вот. Дарю!

Дмитрий Евграфович опять сразу ничего не понял. До него дошло лишь тогда, когда Ладочников сунул билеты

ему в карман халата.

– Постой, постой! – забормотал Мышкин. – А ты?

– Увы, не получается, – развел руками Ладочников. – Срочно уезжаю. Послезавтра буду далеко отсюда.

– Старик!.. – растроганно произнес Дмитрий Евграфович. – По гроб не забуду! Сколько я тебе должен?

– Нисколько. Мне тоже подарили.

– Ты даже не представляешь... – начал Мышкин.

– Представляю! – оборвал его Ладочников. – Извини, но я еще раз хочу возвратиться к нашим кошерным баранам из Женева. Ты, действительно, осознал всю преступность наших с тобой намерений?

– Осознал, Сережа, осознал.

– Не сдашь меня?

– Как ты можешь... – обиделся Мышкин.

– А за миллион евро? Это не теоретический вопрос. Евро вполне реальные. Получить можно будет без труда.

– Разве я тебе дал повод так думать обо мне? – тихо спросил Дмитрий Евграфович.

– Пока нет.

– Как мне доказать, что...

– Никак! – отрезал Ладочников. – Уже не надо. Мне достаточно.

– Ты, наверное, что-то знаешь еще... что-то особенное, – неуверенно предположил Мышкин.

– Даже больше, чем нужно, – усмехнулся Ладочников. –

Повнимательнее прочти все, что даст тебе моя Ёлка. И ни в коем случае не носи диск с собой. Лучше закопай где-нибудь в огороде, а все, что надо, держи в голове. Обрати внимание на «индекс-м».

– Какой индекс? Что за индекс?

– Сам догадаешься. Иди, у меня, в самом деле, совсем нет времени. Надо еще поработать – на тебя, между прочим. Мы, наверное, не скоро увидимся.

– Ты можешь дать запись твоей глушилки? – спросил Мышкин.

Ладочников, похоже, был готов к его просьбе, потому что немедленно извлек из кармана своего не очень белого халата мини-компакт.

– Пользуйся на здоровье. Да почаще! И пожелай мне счастливого возвращения.

– До скорой встречи.

Они, действительно, скоро встретились – живой с мертвым.

9. Питон и лиловый негр

Пройти от Ладочникова к патологоанатомическому отделению можно было только через вестибюль клиники. И Мышкин всегда старался проскочить его рысцой.

Здесь каждый день уже с семи утра, за два часа до открытия справочной, десятка полтора человек в страхе ждали результаты анализов. Беспощадный диагноз подтверждался не у всех, но с каждым месяцем несчастных становилось все больше. При плохой советской жизни, до победы демократии и частной собственности, на сотню всех заболевших приходился только один раковый больной. При нынешней жизни счастливой заболеваемость раком выросла в 12 раз. И каждый год, начиная с 1996-го, растет на 10—12 процентов. Рост – в геометрической прогрессии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.